

**НОВОМУЧЕНИКИ И ПОДВИЖНИКИ
РЫБИНСКОГО КРАЯ**

**Вознесенские.
Эстафета жизни
и веры**

Рыбинск
2018 год

Издание подготовлено по благословению Преосвященного
Вениамина, епископа Рыбинского и Даниловского

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС-Р18-815-0554*

Вознесенские: эстафета жизни и веры. Составитель Лидия Ватлина. Рыбинская епархия, Рыбинск. 2018. — 268 стр. с фотоилл. — (Серия «Новомученики и подвижники Рыбинского края»).

Книга посвящена подвигу веры священномученика Димитрия Вознесенского, служившего в Богоявленском храме села Николо-Замошье (ныне — село Новый Некоуз Ярославской области). Издание подготовлено к 100-летию мученической кончины священника. В основе книги — исследования архивных документов, воспоминания потомков отца Димитрия и сегодняшних жителей села.

© Н. Изюмова, И. Санадзе, Д. Затиашвили.

© Л. Ватлина (II и III главы).

© Рыбинская епархия (макет).

ISBN 978-5-9909540-6-9

Предисловие

В 2012 году вышла в свет первая часть трехтомника «Все мы — Христовы» (о священнослужителях и мирянах, живших на Ярославской земле и безвинно пострадавших в XX веке). В этой книге помещено и документальное описание духовного подвига сельского священника Дмитрия Вознесенского, расстрелянного 100 лет назад, а ныне прославленного в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской. Это одна из первых жертв событий, произошедших в Мологском уезде в октябре 1918 года. Составители книги, обращаясь к заинтересованным читателям, пишут: «Каждый из нас имеет свою родословную, уходящую вглубь времен, содействующую нас потомками и наследниками славных россиян, соединяющую с ними. Обретая предков, мы уничтожаем средостение между настоящим и прошлым. <....> мы обретаем нашу историю, культуру, человеческое достоинство. <....>. Мы их должники». Источники сведений о жизни и смерти безвинно пострадавших — в основном, архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории (ЦДНИ), Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и других хранилищах. Еще мало опубликовано семейных историй, рассказывающих о тех, кто устоял в схватке за Веру, не предал своих убеждений, мученически погиб или пострадал. Поэтому так ценны семейные предания, рассказывающие о наших предках, их роли в сохранении семейных традиций в следующих поколениях. К числу таких работ относится написанная правнучкой священномученика Дмитрия Ниной Изюмовой повесть «Как в дом вселяется радость...», открывающая этот сборник.

Из села Николо-Замошье Мологского уезда Ярославской губернии в 1918 году в последний, бессмертный, путь отправился священник местной церкви Дмитрий Павлович Вознесенский, по неоднократной просьбе «повстанцев», «чтобы причт благословил их на ратный подвиг, для чего с крестным ходом шел бы на станцию Харино и там совершил моление. <...> Уступая такому неотступному требованию, а также принимая во внимание и обязанность священника быть всем для всех, мы отправились на станцию и там совершили моление», — пишет участник тех событий, священник Сергей Розов. Восстание в Мологском и соседних уездах было отголоском пронесшегося ярославского мятежа в июле 1918 г. — после жестоко подавленного восстания в Ярославле центр его сместился в Рыбинск и охватил соседние с ним уезды, в том числе, Мологский.

Село Николо-Замошье Мологского уезда Ярославской губернии — вотчина Вознесенских, здесь с 1853 года служил пономарем отец Дмитрия Вознесенского, Павел Александрович Вознесенский. Здесь родились его сыновья, братья Дмитрий (1855 г.) и Александр (1862 г.), будущий полковой священник, геройски погибший в 1915 году в Первую мировую войну на поле боя с крестом в руке.

Здесь, в доме, выстроенном священником Дмитрием в 1907 г., прожила почти всю жизнь его дочь Ольга Дмитриевна. Здесь она воспитала трех сыновей, учительствовала в местной начальной школе, учителем средней школы был и ее муж, Николай Петрович Изюмов. Еще можно найти прихожан и бывших учеников, которые добром поминают их имена и истории из школьной жизни далеких лет. Заложенные Дмитрием Павловичем Вознесенским в дочери уважение и доброта к людям — вот главное наследие, которое

получили потомки от своих предков. В их доме они провели многие счастливые месяцы школьных каникул. Это десять внуков Ольги Дмитриевны и Николая Петровича. В настоящем сборнике будут представлены бережно хранимые в семьях их потомков документы, уникальные фотографии.

Первая же часть сборника «Вознесенские: эстафета жизни и веры» называется «Благодарные потомки». Кроме повести Нины Изюмовой (Накашидзе), публиковавшейся ранее в разных изданиях, здесь помещены подборка стихов ее сестры Ирины Санадзе, а также рассказ о духовных связях Грузии и России, написанный их старшей сестрой Дареджан Изюмовой. Все они, дочери старшего сына Ольги Дмитриевны Владимира Николаевича Изюмова, проживают в Грузии. В 2006 году Ирина привезла в родную церковь прадеда в с. Новый Некоуз (современный административный центр, в состав которого вошло теперь село Николо-Замошье) написанную в Грузии икону священномученика Димитрия Вознесенского.

Наглядное представление об ушедшей эпохе, в которой жили Вознесенские, дают уникальные фотографии из семейных альбомов потомков, а также Молитвослов их прадеда. На полях Месяцеслова, части Молитвослова (в 2015 году этому уникальному документу исполнилось 100 лет) — редкие, аккуратные записи священника. Всего их около трехсот, они охватывают период от середины XIX до начала XX века. Этот сохранившийся документ ушедшей эпохи включает не только семейные даты и события, но, хотя и немногословно, рассказывает о жизни прихода, Церкви, в нем отмечены некоторые важные события государства. «О существовании этой книги знал каждый в нашей семье, и воспринималась она как летопись нашей семьи, но когда в 2001 году батюшка Ди-

митрий был официально причислен к лику святых, внезапно эта семейная летопись стала частью церковного предания. И это событие еще более прочно связало всех нас с историей Церкви, с православной верой...», — сказал праправнук священномученика Димитрия Давид Затишвили, и его слова хранит семейная видеозапись¹.

Вторая часть сборника — «Архивные поиски и находки» — рассказывает о жизни сельского пастыря в российской глубинке и его паствы, прихожан села Николо-Замошья Мологского и других, соседних уездов в период служения Димитрия Вознесенского. В книгу включены, наряду с записями из Молитвослова, архивные материалы из Ведомостей церквей Мологского и Мышкинского уездов Ярославской губернии, хранящихся в архивных хранилищах г. Ярославля — ГАЯО и ЦДНИ.

О неразрывности «Связи времен» рассказывает третья часть книги, в которую помещены воспоминания выпускниц 1947 г. Некоузской школы о своих учителях, в том числе, о зяте священномученика Николае Петровиче Изюмове, его сестре Евгении Петровне Дроздовой (Изюмовой), о других учителях этого времени. Прихожане храма поделились воспоминаниями о недавно ушедшем настоятеле храма о. Севастиане — схииеримандрите Иринархе. В 90-е гг. о. Севастиан передал архимандриту Вениамину (Лихоманову) дошедшие до него сведения о трагической истории 1918 г., связанной с гибелью священника местной церкви Димитрия Вознесенского. Так было положено начало архивным поискам по истории этой церкви, найден был важнейший документ, подтвердивший его рассказ. Этот документ — рапорт 1-го священника церкви о. Сергия Розова

¹ <https://youtu.be/thllrjDcz4o>

митрополиту Агафангелу о событиях 16-18 октября (ст. ст) 1918 г. — послужил основанием Ярославской Епархии для представления имени священника церкви села Николо-Замошья Мологского уезда Ярославской губернии Дмитрия Павловича Вознесенского в Комиссию по канонизации святых Св. Синоду.

Этим постановлением Священного Синода от 6 октября 2001 года начинается новое время — время восстановления и достойного увековечивания имени священномученика Дмитрия Вознесенского.

14 августа 2013 года у станции Шестихино Октябрьской железной дороги, на предполагаемом месте расстрела священника Дмитрия Вознесенского был установлен и освящен Поклонный крест. Событие это состоялось в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Чин освящения креста совершил правящий архиерей Рыбинской епархии — епископ Рыбинский и Угличский Вениамин (Лихоманов).

«Пусть этот крест напоминает нам о подвиге тех, кто пострадал за Христа, — сказал он, обратившись к прихожанам. — Наверное, на земле нашей много таких мест, где верные Христу люди положили свою жизнь за Веру, за Отечество, за Правду Божию. Так пусть память о них будет и нам с вами примером жизни и служения по совести, — служения в семье, в коллективе, служения в обществе, в городе, в районе, в государстве. Пусть это будет служение по воле Божьей, — только тогда оно принесет пользу и земле нашей, и жизни нашей».

Примечания

1. Все мы Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918-1953. Краткие биографические сведе-

ния. Часть первая / Предисл. Еп. Вениамина (Лихоманова); сост. Еп. Вениамин (Лихоманов), монах Игнатий (Волков), Н.В. Жесткова, И.Г. Менькова. — Ярославль, 2012. Материалы по новейшей истории русской Православной Церкви. Стр. 306–307.

2. Изюмова, Нина. Как в дом вселяется радость? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2007/07/22-157>, свободный.

Нина Изюмова. Как в дом вселяется радость? *Altaspera*. 2012 — С. 60.

Изюмова Нина. Как в дом вселяется радость? (фрагмент). Историко-культурный журнал Рыбинской епархии «Рыбная слобода», 2015. № 2(10), 52.

Изюмова Нина. Вознесенские: эстафета жизни и веры. Газета «Рыбинская среда», 2015. №№ 7, 11–12.

3. Журнал заседания Священного Синода Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. — № 61. 6 октября 2001 — Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/page/synod/2001-2/455.html>, свободный.

Кондакъ Ольги, гласъ д:

Воспоёмъ днесь вѣгодѣтелю всѣхъ вѣа, прославльшаго въ руссін Ольгу вѣдомѣрую: да мѣтками ѿмѣ подаетъ душамъ нашимъ грѣхѣвъ ѡстѣвленіе.

Кондакъ ѿвфиміи, гласъ з:

Подвиги во страдальчествѣ, подвиги въ вѣрѣ положила еси теплѣ за хрѣта женихѣ твоего: но и нынѣ такоже ѿреси, и врагѣвъ шатаніе, подвиги православныхъ царей покорити моли, вѣцею, даже въ мученицѣхъ и вѣдомѣхъ вѣдомѣхъ.

Часть первая

Благодарные потомки

Нина Изюмова

КАК В ДОМ ВСЕЛЯЕТСЯ РАДОСТЬ?

Однажды, перечитав гоголевских «Старосветских помещиков», мой сын сказал: «Их так жалко потому, что они совершенно не живут духовной жизнью». Мне захотелось заступиться за бедных старичков, и я спросила: «А разве их любовь друг к другу не духовна?». Сын с грустной уверенностью ответил: «Нет у них любви — это только видимость, потому все так беспросветно и бесплодно».

Вспоминая своих предков, я пытаюсь понять, как получалось, что при всех ниспосланных им испытаниях, их Дом струил радость, согревающую нас, потомков, уже более полувека, и, похоже, эта струя не иссякает...

Наш дед, Николай Петрович Изюмов, женился в 1910 году и поселился с молодой женой в прекрасной пятикомнатной квартире на Большой Подьяческой в Петербурге. Став супругой чиновника Святейшего Синода, бабушка моя, дочь деревенского священника, совсем не изменилась. Она перевелась с Московских Высших женских курсов¹ на Петербургские и спокойно продолжила учебу, против чего ее муж, немало удивленный таким необычным для тех времен

¹ Высшие учебные заведения для женщин в России. Созданы в Москве в 1872 году, в С.-Петербурге — в 1878 году. С 1910 г. курсы были приравнены к высшим учебным заведениям с объемом преподавания, равным университетам.

Санкт-Петербург, 1916 г. Священник Димитрий Павлович Вознесенский с дочерью, Ольгой Дмитриевной, зятем Николаем Петровичем Изюмовым и своим первым внуком Володей

решением, не стал возражать, испытывая к жене глубокое уважение. Сам он, сын многодетного дьякона, смог получить блестящее образование благодаря покровительству своего родственника, Преосвященного Агафодора (Преображенского). Впоследствии его фотография всегда стояла на дедушкином письменном столе, а нам, советским детям, чтобы мы не окончательно одичали, объясняли, что это — дедушкин благодетель. Непонятным отзвуком давно минувшей эпохи звучало для нас это слово. Оно должно было быть каким-то смешным, но смешным не было.

Сейчас я вижу, что Преосвященный Агафодор благодетельствовал весь наш род, ведь образование, полученное дедушкой, отразилось на моем отце, его братьях, моих дядях, во многом определив культурный уровень последующих поколений. Этот капитал оказался куда надежнее банковских сбережений Николая Петровича, в одночасье погибших после большевистского переворота.

Большой поборник просвещения, автор учебника Закона Божия, по которому училась вся Россия, владыка Агафодор, без труда разглядевший в племяннике способности и любовь к знаниям, сказал ему: «Коля, учись, где хочешь и сколько хочешь, а я буду тебе выдавать стипендию». Ясное дело, два раза предлагать не пришлось! Дедушка сумел закончить несколько высших учебных заведений, в том числе, Петербургский университет, но больше всего он гордился дипломом² Казанской

² Петербургский генеалогический портал [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kazda.html>, свободный. Выпуск 1905 года. Казанская Духовная Академия, курс XLVI, со степенью кандидата богословия, с правом преподавания в семинарии.

Санкт-Петербург, 1896 г. (?) Митрополит Агафодор
(в миру Павел Флегонтович Преображенский)

1910 г. Слева: священник о. Димитрий (Вознесенский), его зять
Николай Петрович Изюмов, дочь — Ольга Дмитриевна,
Варвара Петровна Изюмова, мать Николая Петровича

духовной академии. Одно только название темы вступительного сочинения — «Материалистическая метафизика может ли служить основанием для отрицательных нравственных выводов?» — просто поражало нас, внуков, и в значительной степени обезвреживало антирелигиозную пропаганду, в условиях которой мы росли. Верующими мы тогда не были (к большинству из нас вера пришла позже), но возникало понимание того, что религия не имеет ничего общего с той карикатурой, которую рисовала школа. По тем временам и это было немало. Николай Петрович, рассказывая о вступительных экзаменах, с юмором вспоминал двух диаметрально противоположных абитуриентов. Один из них был небольшого роста, полноватый, скромный

священник. Войдя в огромный экзаменационный зал, он неторопливо перекрестился на все четыре стороны, поклонившись экзаменаторам, потом все так же степенно перекрестил бумагу и ручку и только тогда прочел название темы. Неподвижно просидев несколько минут, он глубоко вздохнул, отложил письменные принадлежности, точно таким же образом крестясь, поклонился на все четыре стороны и медленно покинул зал. Другой был высокого роста священник, жгучий брюнет, с решительными, уверенными манерами.

Ознакомившись с названием темы, он тут же принялся безостановочно писать, разбрызгивая чернила, а когда время истекло, сдал работу и со словами: «Я от этого материализма камня на камне не оставил!», — стремительно удалился с победоносным видом. Когда несколько дней спустя дедушка подошел к списку с отметками, «ниспровергатель материализма» уже был там и, полный недоумения, восклицал: «Ничего не понимаю! Единица с минусом!». Дедушка получил «отлично» по всем номинациям: грамотность, стиль и содержание. Окончив Академию, он защитил диссертацию на тему «Воспитание детей у древних христиан» и сделался кандидатом богословия. Сана он принимать не стал, так как, по его словам, не имел веры, хотя и глубоко чтит христианство. Мы, внуки (а нас было десять человек!), знали об этом, но вразрез с атеистическим воспитанием, которое мы получали вне дома, нас каким-то образом научили воспринимать этот факт как несчастье дедушкиной жизни. Я совершенно не помню каких-либо разговоров на этот счет, но это как-то «зналось», несмотря на то, что впечатления несчастного человека «всегда благородно-спокойный Николай Петрович» никак

1912–1913 г. (?) Николай Петрович Изюмов
и Ольга Дмитриевна, дочь священника

Николай Петрович Изюмов

не производил (такое обращение употреблено на хранимой мной фотографии, подаренной дедушке его гимназическим товарищем Михаилом Покровским).

Нам было известно также, что бабушка несколько раз отклоняла предложение дедушки выйти за него замуж. Уже будучи взрослой, я связала два этих обстоятельства, но утверждать ничего не решусь. Зато отец бабушки, Димитрий Павлович Вознесенский, с самого начала воспринял будущего зятя с благосклонностью, уверенно сказав: «Этот по нам». Николай Петрович глубоко уважал тестя. Зная, что его род оставался без продолжения и, имея братьев с многочисленными сыновьями, он даже предложил о. Димитрию добиться через Синод разрешения взять его фамилию. Ответ был краток: «Если бы Бог желал сохранить наш род, Он бы это сделал». Я помню фотографию с детским гробиком и надпись на ней: «Петя Вознесенский, последний представитель нашего рода» (Прим. сост.: сын брата —

Михаил Покровский — школьный друг

Александра). Однако как бы ни было больно, Божья воля не оспаривалась.

По всей вероятности, Димитрий Павлович не верил в «окончателность» безверия своего зятя, считая это временным поветрием, в то же время он ясно видел его трезвый ум, образованность, практичность, умение безошибочно оценить обстановку и принять быстрое и точное решение. Он провидел, что такой человек в любых обстоятельствах сумеет спасти семью, и не ошибся!

Еще до женитьбы, одновременно с учебой, Николай Петрович начал служить в Святейшем Синоде, весьма успешно продвигаясь по служебной лестнице.

В 1912 году родился мой отец, Владимир. Сохранилась его детская фотография в белой меховой шапочке. Большая Подъяческая располагалась поблизости от Никольского собора. Последняя квартира Блока, в которую он вселился в том же 1912 году, тоже была не слишком далеко. В отрочестве мне весело было

1913 г. Ольга Дмитриевна с первым сыном Володи,
родившимся в Санкт-Петербурге в 1912 году

думать, что именно при виде бабушки, ведущей за ручку в церковь маленького «Бобу» в белой шапке, Блок написал эти стихи:

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних Богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во тьме,

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть

...

И стою я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

Не то чтобы я верила, что Блок именно бабушке посвятил эти стихи, но нарисованная им картина как-то очень хорошо примерялась к бабушкиной манере держаться, ее любви к храму, нежным и доверительным взаимоотношениям, которые всю жизнь связывали ее с сыном. Бабушка была единственным оставшимся

в живых ребенком рано овдовевшего о. Димитрия. Его брата, тоже священника, Александра Павловича, постигла такая же судьба.

Таким образом, на двоих братьев, очень любящих друг друга, была одна Оленька. Нужно ли говорить, что оба души не чаяли в девочке. Двухметрового роста красавец, о. Александр, служил по дипломатической линии, много ездил и из своих странствий он привозил девочке заморские наряды, что вызывало недоумение Димитрия Павловича, не умевшего отличить новомодный шедевр портняжного искусства от старого сарафана няни. «И к чему это? — восклицал он. — У Оленьки платьев, как у императрицы Елизаветы Петровны!». Дядюшка и племянница весело и хитро переглядывались друг с другом, и инцидент бывал исчерпан. Зато отец со всей серьезностью занимался нравственным воспитанием и образованием своей дочери. Поповны чаще всего становились попадьями, и кому, как не о. Димитрию, было знать, как велика роль матушки на приходе, не говоря уж о роли матери в семье! Братьям, с Божьей помощью, удалось добиться того, что Оленька не только получила прекрасное образование, но у нее выработался ровный, радостный характер, лишенный неуверенности и угрюмства, так часто свойственного детям, выросшим без матери. Когда разразилась первая мировая война, о. Александр отправился на фронт полковым священником. Я хорошо помню его фотографию в «Ниве» — на коне впереди войска с крестом в руке. Он погиб в день Преображения Господня в 1915 году на «галицийских кровавых полях». Царство ему Небесное!

В декабре 1916 года у бабушки с дедушкой родился второй сын, Димитрий.

Начало 1900-х гг. Ольга Вознесенская (впереди)

Вознесенский Александр Павлович в период пребывания в Кишиневе

В 1917 году Николай Петрович ожидал серьезного повышения по службе, но не тут-то было... Вот когда проявилась удивительная мудрость дедушки, который сразу же сумел понять, что такое большевики и что это надолго. Он без колебания покинул Петербург, оставив там почти все свое имущество, и вместе с женой и двумя сыновьями поселился в деревне, у своего тестя. Там он умудрился наладить настоящее натуральное хозяйство с коровой, овцами, курами, пчелами, садом и огородом, а также сушеной сахарной свеклой вместо исчезнувшего сахара. В эти страшные годы семья не голодала и была в тепле и уюте, хотя приходилось самим шить сапоги из добытых в своем же хозяйстве кож. Бабушка тоже обучилась непростому крестьянскому труду и даже многому из того, чего не умели ее деревенские соседки. Например, она освоила технологию выделения сыра. Кроме того, люди со всей округи просили ее сеять хлеб, так как знали, что у нее легкая рука и урожай будет хорошим.

Усадьба, которая стала для семьи Николая Петровича Изюмова настоящим ноевым ковчегом, находилась в селе Николо-Замощье Мологского уезда Ярославской губернии. В советские времена Молога со всеми своими церквями, подобно Китежу, ушла на дно морское, только не в сказке, а наяву... С юга, как и положено усадьбе священника, она граничила с церковным двором и погостом, с которым ее разделял невысокий деревянный забор и густые заросли малины, так что кладбища из сада было не видать, зато колокольня воспринималась как его часть. С запада, где были картофельные грядки, лужок и большой сарай, постепенно заполнявшийся в течение лета душистым сеном, к усадьбе примыкал об-

разовавшийся на излучине речки Ильди «тихий омут», весь заросший кувшинками.

Там же был вырыт так называемый «дальний» пруд с купавшимися в нем ветвями плакучей ивы. В середине участка находился «ближний» пруд, обсаженный кустами ирги, ягодами которой мы так любили лакомиться в детстве. В центре сада находился колодец с двумя шайками по бокам, где прогревалась вода для полива овощных грядок, расположенных тут же рядышком. Колодец служил «холодильником», в его студеную воду в плотно закрытых бидонах опускали масло, сыр, колбасу. На внутренних стенках колодца иногда вырастали прекрасные опята, которые палкой сбивали в ведро и жарили. По всей усадьбе было разбросано множество кустов белой, красной и черной смородины, крыжовника и черемухи, а также деревца рябины. Под яблочными деревьями помещались ульи, а в тени старой липы рядом с домом иногда накрывали большой стол с самоваром и пирогами. Но это бывало в исключительных случаях, например, когда разросшаяся семья — трое сыновей с чадами и домочадцами, а также соседи и съехавшиеся из разных мест родственники — праздновали в 1960 году золотую свадьбу бабушки и дедушки. Обычно же летом трапезы проходили на большой застекленной террасе, под окнами которой благоухал цветник. Чуть поодаль были две березы — около них устанавливались на лето высокие качели с двумя расположенными друг против друга скамьями. Их выписал из Финляндии Николай Петрович по рождении первенца.

Сработаны они были на славу и за 60 лет так и не сломались, а перешли к новым хозяевам вместе с домом. Я помню, как иногда на них усаживались бабушка и

дедушка и, слегка раскачиваясь, вели тихую беседу, а мы, внуки, почтительно держались на расстоянии, чтобы не мешать их отдыху. Это получалось само собой, без каких-либо замечаний, а тем более — окриков.

С севера забора не было, а пролежала неглубокая канавка, отделявшая наш сад от соседского, где проживал с семейством дьякон Александр Николаевич Софийский, который 17 октября 1918 года помогал о. Димитрию отслужить последнюю для него литургию в Богоявленском храме. Отсюда священника и повели на расстрел по деревянному настилу, возвышавшемуся на обочине раскисшей в осеннюю распутицу глинистой дороги, которая вела на железнодорожную станцию Некоуз³, название «Некоуз» идет со времен татарского нашествия, когда нападающие не нашли «кого узить»⁴, но священников не расстреливали даже тогда...

Еще в 1993 году, узнав, что в Свято-Даниловом монастыре работает комиссия по канонизации российских новомучеников, я представила на ее рассмотрение записку, в которой подробно изложила события, связанные с обстоятельствами гибели о. Димитрия Павловича Вознесенского. Они были мне известны по рассказам бабушки, отца и дяди, а также записи, сделанные бабушкой на страницах его иерейского молитвослова в те страшные дни.

И вот, неожиданно, на официальном сайте Русской Православной Церкви мы с большим волнением обнаружили синодальное постановление 2001 года о причислении о. Димитрия к лику святых (Приложение 1).

³ До 1931 года станция называлась Харино.

⁴ Одна из существующих версий.

*Село Новый Некоуз, 50-е годы. Взрослые (слева направо):
Евгения Петровна Дроздова (сестра Николая Петровича Изюмова),
Николай Петрович Изюмов, А.Я. Колабская, жена Дмитрия
Николаевича. Справа — Екатерина Александровна Квасхадзе
(Изюмова), в первом ряду внуки Ольги Дмитриевны
и Николая Петровича*

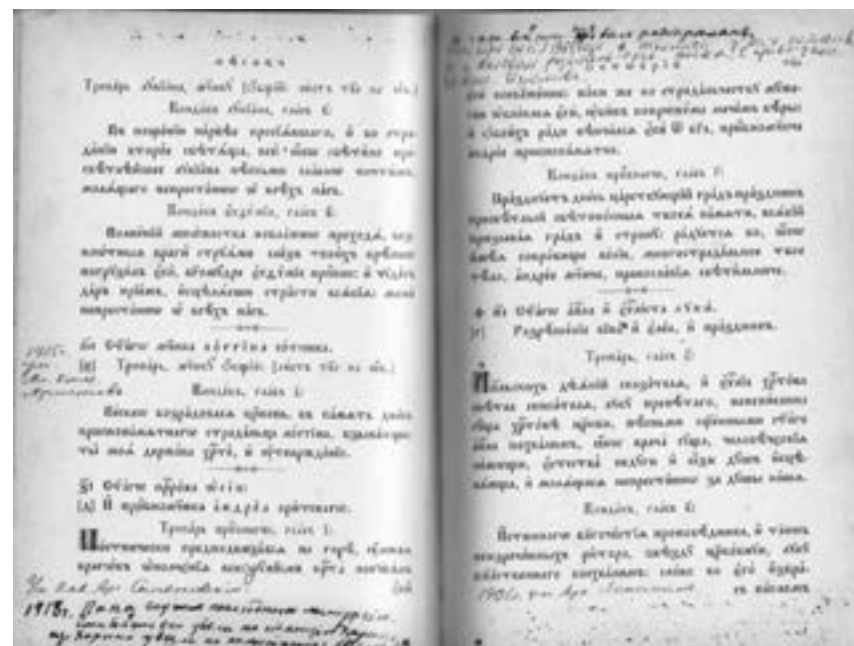
Получилось так, что это решение буквально в днях совпало с драматическим моментом в жизни семьи: после несчастного случая находился при смерти праправнук о. Димитрия Георгий. Один из друзей молодого человека, Михаил, попросил своего знакомого священника помолиться о его исцелении, что тот и исполнил. Через некоторое время, когда Георгию, несмотря на безнадежные прогнозы врачей, стало лучше, священник спросил Михаила о его состоянии. Михаил ответил: «Вашими молитвами он начал выздоравливать», на что священник, совершенно не знакомый с историей семьи, неожиданно заявил: «Что мои молитвы? За него предки крепко молятся!». Услышав это, мы уже не сомневались, что Георгий выживет, и, слава Богу, так и произошло.

Мы обнаружили, что в интернет-версии изложения событий присутствуют неизвестные нам ранее подробности. Это означало, что Церковь располагала какими-то иными документами, помимо моей записки.

Село Новый Некоуз, 1960. Внуки. Слева — качели

Приходило понимание того, что семейная история стала частью церковного предания. Тогда одна из правнучек о. Димитрия, Ирина Владимировна, подданная Грузии, не без труда получив российскую визу, решила навестить родные места. Она взяла с собой выполненную по ее заказу икону о. Димитрия, а также видеозаписи воспоминаний потомков о. Димитрия и членов их семей, касающиеся семейной истории, и отправилась в Ярославль. Однако живущая в Ярославле школьная подруга Ирины убедила ее, что такая поездка не является лишь частным делом семьи. Она связалась с представителем Ярославской епархии архимандритом Вениамином и организовала их встречу. В многочисленные его обязанности входят дела, связанные с канонизацией российских новомучеников. Выслушав Ирину Владимировну и просмотрев видеозаписи, он был глубоко растроган. Оказалось, что в епархии

Запись, сделанная дочерью в Молитвослове священника сразу после его расстрела, т.е. 18 октября 1918 г/ст.ст

Архимандрит Вениамин (Лихоманов), ныне Епископ Рыбинский и Даниловский на встрече с правнучкой Ириной Санадзе в Ярославле в августе 2006 года

хранится докладная записка, посланная вторым священником Николо-Замошского храма о. Сергием Розовым «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Агафангелу, Митрополиту Ярославскому и Ростовскому» в 1918 году (Приложения 2 и 3). Она была составлена сразу после трагических событий, чудом сохранилась в архивах ЧК, а потом была возвращена Церкви⁵. Опираясь на этот документ, именно о. Вениамин ходатайствовал о канонизации о. Димитрия, что и решило дело. Он рассказал Ирине о том, какие горькие мысли одолевали его при чтении этой записки. «Расстреляли — и концы в воду», — думал он. Поэтому для него было настоящей радостью встретиться с правнучкой расстрелянного священника и убедиться, что связь времен не порвалась.

Для поездки в Некоуз епархия выделила автомобиль, что смутило Ирину. Чтобы успокоить ее, о. Вениамин полушутя-полусерьезно сказал: «Не каждый день к нам правнучки святых приезжают». Перед посещением родных мест Ирина написала такие стихи:

Что ждет меня в родном краю,
Где стыннут чахлые осины?
Войду ль в тот дом, чтоб жизнь свою
Закончить песней лебединой?

А может, дома-то и нет,
И пруд засыпало землею,

⁵ Документ приводится в разделе «Приложения»: Приложение 2, хранится в ГАЯО.

Лишь в грустном небе силуэт
Качелей прянет надо мною,

Да колокольня с высоты
Меня приметив, не поверя,
Вздыхнет: «Неужто это ты?»
Но тихо отворятся двери,

Волнуясь, в церковь я войду,
Что домом будет мне отныне,
Родные образа найду,
К забытым припаду святыням...

В Богоявленском храме тогда служил о. Севастиан [с 1968 г. по 2007 г.], которому, несмотря на скудность средств, удавалось содержать храм в благолепии. Он хорошо помнил Ольгу Дмитриевну, а также сестру Николая Петровича Изюмова — Евгению Петровну Дроздову. Как радостно было Ирине преподнести в дар родному храму о. Димитрия его икону! И с каким умилением принял этот дар о. Севастиан. Это стало одним из последних утешений священника в его земной жизни, через несколько месяцев он скончался⁶. Царствие ему Небесное!

Составление документа такого содержания, какой была докладная записка священника Розова, в то страшное время было актом высокого гражданского мужества, тем более что о. Сергию тоже угрожал расстрел.

⁶ Менее чем за месяц до кончины архимандрит Севастиан (Макалкин) принял схиму как схиархимандрит Иринарх, умер 24 мая 2007 г.

Сохранилось очень мало документов, отражающих эти беспрецедентные в русской истории события. Ненависть к духовенству большевиков совершенно понятна. Ведь для них было недостаточно эксплуатировать народ и помыкать им, как это часто делали помещики. Нет, они претендовали на роль духовных вождей и учителей народа. Об этом красноречиво свидетельствует все эти трескучие выражения: «вождь пролетариата», «партия — наш рулевой», «отец народов» и прочая, и прочая. Узурпировав место истребленных ими истинных пастырей, они сами стали пасти народ, но пасти — «посохом железным».

Вспыхнувший в Ярославле антибольшевистский савинковский мятеж перекинулся в Рыбинск, а потом и в село Николо-Замощье Мологского уезда (Приложение 4). Как бы отрицательно ни относился о. Димитрий к большевикам, он призывал паству не принимать участия в кровопролитии. Однако люди, подстрекаемые эмиссарами из центра восстания, все настойчивее требовали провести крестный ход и благословить их на «ратный подвиг», хотя и были знакомы с новым декретом⁷ Советской власти, запрещавшим крестные ходы и молебны в общественных местах (Приложение 5). И тогда о. Димитрий вместе с о. Сергием решились: они должны быть с народом в этот роковой час.

Вот как написал об этом о. Сергей: «Уступая такому неотступному требованию, а также принимая во внимание и обязанность священника быть всем для всех,

⁷ Декрет от 2 ноября 1917 года «Декларация прав народов России»; от 23 января 1918 г. — окончательный проект декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви».

мы отправились на станцию и там совершили моление Спасителю, Покрову Божией Матери и Св. Николаю, причем я велел диакону на ектении присоединить моление “о умножении любви, и искоренении ненависти и всякой злобы”. В начале молебна я просил богомольцев просить Господа о даровании нам мира, согласия и порядка. Когда молебен уже окончился, и я хотел богомольцев благословлять Св. Крестом, священник Димитрий Вознесенский заявил мне, что он желает говорить. Я остановился. Речь его была такова: “Я не ошибусь, если скажу: всем нам в настоящее время живется очень тяжело. Грабят, отбирают хлеб, святыни, притесняют служителей церкви. Все это проделывает так называемая партия большевиков, которая самовольно захватила власть. Так жить нельзя. Необходимо Учредительное Собрание для избрания законной власти”».

После молебна причт отправился домой. Таким образом, о. Димитрий принародно и в самой резкой форме отказался от признания законности власти большевиков. Это означало, что он не только добровольно шел на крест, но прямо вызывал огонь на себя.

Дальше события разворачивались с роковой неотвратимостью.

Обратимся опять к записке о. Сергия. «17-го октября в 8 ч. утра о. Димитрий Вознесенский велел сторожу звонить в большой колокол к литургии. Из Рыбинска приехал карательный отряд, и все повстанцы, после слабого сопротивления, разбежались. Услыхавши звон большого колокола, красноармейцы думали, что это призыв к восстанию и что в нашем селе находится центр этого восстания и главное гнездо контрреволюции. Поэтому они бросились к нашему селу и к храму.

Двое из них пошли в храм, где совершал о. Димитрий литургию. Один солдат остался у храма, а другой с винтовкой вошел в храм. Читали “Апостол”. Солдат, войдя в храм, закричал: “Прекратить богослужение”. О. Димитрий начал читать евангелие. Солдат с ружьем вошел на амвон, подошел к царским вратам и стал требовать, чтобы о. Димитрий прекратил богослужение и хотел его вытащить через царские врата из алтаря. О. Димитрий сказал ему, что он — солдат на своем посту, а он, священник — на своем посту, и прекратить богослужение не имеет права. Тогда солдат сказал ему, что он будет стрелять и стал готовить ружье к выстрелу. О. Димитрий сказал: “Стреляй, я готов”. Но у ружья что-то выпало, и выстрел не получился. И солдат со словами: “все равно от нас не уйдешь”, из церкви вышел. Богослужение после этого продолжалось без всяких препятствий; пели на клиросе некоторые богомольцы. Были причастники, накануне исповедавшиеся. После службы о. Димитрий прошел домой, закусил и немного отдохнул. Вдруг являются солдаты и требуют, чтобы он шел на станцию. Он пошел. Дорогой солдаты издевались над ним. Спросили: “давно ли ты служишь?”. “45 лет”, — он ответил им. “Давно же ты грабишь народ”, — сказали они ему. “Спросите народ, как я грабил его”, — сказал о. Димитрий. Причем он немало говорил солдатам, что они худо поступают, отбирая у населения деньги, имущество и хлеб и оскорбляя святыни. На станции был ему допрос.

Вечером увезли его на следующую станцию Шестихино. Там тоже его допрашивали. Причем он им во всех вопросах повторял то же самое, что говорил в своем слове после молебна. В 2 ч. ночи с 17-го на 18-е октяб-

20-е гг. Село Николо-Замошье. 1-ый ряд в центре — дети: Володя, Борис и Дмитрий — сыновья Ольги Дмитриевны, она во 2-ом ряду за ними; слева от нее свекровь, Варвара Ивановна Изюмова, крайний — Николай Петрович Изюмов. В третьем ряду третий слева — один из братьев Тороповых, («юркий паренек»), видевший расстрел о. Димитрия

ря вблизи станции Шестихино о. Димитрия вместе с другими расстреляли и тут же, у самой станции, почти на путях, и зарыли вместе с другими».

Дополню этот рассказ подробностями, которые рассказывала нам бабушка. Ольга Дмитриевна пошла вслед за отцом и его конвоирами на станцию. Когда проходил допрос, она стояла рядом с помещением, куда ее, конечно, не пускали. Когда на вопрос молоденького красноармейца, «что ты тут ходишь?», она ответила, что она дочь арестованного священника, солдатик сказал ей: «Плохи его дела, он им всю

правду в глаза говорит, дак они его расстреляют». Когда о. Димитрия вывели из здания с тем, чтобы посадить в поезд, он сумел отодвинуть конвоиров и в последний раз, молча, обнял дочь. Потом его увезли, а Ольга Дмитриевна возвратилась домой.

Говорят, прошлое изменить нельзя, но в ту страшную ночь бабушка впервые ощутила, что это не так. Старый родной, уютный деревенский Дом, вдруг стал совсем другим, наполнившись тоской и страхом. Самым тяжелым было то, что она была не в состоянии молиться об избавлении отца от смерти, а только просила Бога укрепить его. Она поняла это как указание готовиться к худшему...

Холодным мгlistым рассветом следующего дня кто-то забарабанил в дверь. Это оказался племянник Николая Петровича. Юркий паренек умудрился пробраться к месту расстрела и видел все с начала до конца. Он рассказал, что расстреливали четверых при свете прожекторов. Когда им приказали повернуться затылком, кто-то упал, моля о пощаде, кто-то отвернулся. О. Димитрий стоял прямо, глядя на красноармейцев. После первого залпа он продолжал стоять, так как никто не решился убить его. Тогда комиссар, с бранью выхватив ружье у одного из солдатиков, сам выстрелил в священника. Все было кончено.

Николай Петрович начал хлопотать о том, чтобы семье было позволено перезахоронить о. Димитрия на церковном кладбище. О. Сергей Розов пишет, что ему это не было позволено, но нам рассказывали иначе. Разрешение было получено, но церковные власти не советовали Николаю Петровичу воспользоваться им, так как, зная о любви к о. Димитрию прихожан, опасались,

что похороны выльются в демонстрацию, что повлечет за собой новые жертвы. «После расстрела о. Димитрия ситуация успокоилась, не надо будоражить народ, Димитрий Павлович и сам бы этого не одобрил», — сказали Николаю Петровичу. Не исключено, что разрешение на перезахоронение было дано именно с провокационной целью. Николай Петрович, посоветовавшись с женой, внял совету, и теперь только чудо поможет обрести мощи о. Димитрия.

Вот как описала эти события Ирина Владимировна:

Крестный свершает ход
Николо-Замошский пресвитер —
Это вечность к тебе грядет,
Священномученик Димитрий!

Есть село Некоуз
На Ярославской ветке,
Там от татарских уз
Ушли наши предки.

Помнится тихий дом,
Черемуха, палисадник
И колокольный звон
В светлый праздник.

Бил там когда-то набат
В безвременный понедельник —
Смерть свою, как солдат,
Принял русский священник.
Ныне у этих мест

*Дом священника, строительство которого было отмечено
в Молитвослове: «1907 г. строюсь»*

Мы собираем камни,
Чтоб верой светился крест
В Богоявленском храме!

Жизнь продолжалась, и Дом, переживший смерть своего хозяина, потихоньку возвращался в свое обычное состояние. Остается только удивляться, как удалось непрактичному, лишенному женской любви и заботы, самоуглубленному человеку, каким был о. Димитрий, создать такой уютный и радостный Дом.

Наполненный иконами и книгами, пропитанный запахом дуба, воска, меда и еще чего-то неуловимого, он притягивал к себе людей. Здесь переодевались в свадебные наряды невесты, приезжавшие из далеких деревень то в распутицу, а то в трескучий мороз, чтобы обвенчаться в здешнем храме. Здесь собиралась родня и друзья на домашние и церковные праздники. Сюда же, много десятилетий спустя, слетались на лето из раз-

*Некоузская средняя школа, в которой работал
Николай Петрович Изюмов*

ных городов страны десять правнуков отца Димитрия, которые всю свою последующую жизнь не переставали ощущать этот Дом самым родным и близким местом на земле.

Рассказывая об отце, бабушка была максимально правдива. Так, она не скрывала от нас того обстоятельства, что Димитрий Павлович после смерти жены и сыновей-близнецов сильно запил. Но со временем он сумел полностью преодолеть этот недуг.

Интересно, что во время исповеди мужики, главный грех которых, как известно, — пьянство, шли к о. Димитрию, понимая, что он не только сможет понять их, но и, опираясь на собственный опыт, в состоянии помочь им справиться с этой пагубной привычкой. А бабы шли к семейному о. Сергию Розову, зная, что получают дельный совет по улаживанию домашних неурядиц. Пастыри добрые... В 1919 году у бабушки родился третий сын, Борис.

Николай Петрович и Ольга Дмитриевна работали учителями в сельской школе, вели хозяйство и воспитывали детей. По всей вероятности, Николая Петровича тяготила монотонность такой жизни, и он перебрался было в Рыбинск, и стал там учительствовать, надеясь, быть может, вновь построить карьеру по линии просвещения. Но в один прекрасный день его средний сын Дима пришел из школы в слезах и показал матери газету, в которой было написано, что в такой-то рыбинской школе «окопался бывший видный чиновник Святейшего Синода Н. П. Изюмов». Ольга Дмитриевна строго сказала сыну: «Конечно, видный! А что, не видный что ли?». Дима успокоился и устыдился, но этот инцидент вынудил дедушку вернуться в деревню и не рисковать ни собой, ни детьми.

И вот пришло время старшему сыну Владимиру выбирать свой жизненный путь. Юридический факультет в ту пору назывался факультетом «Советского права», туда-то и вознамерился поступать ищущий справедливости молодой человек. Николай Петрович внимательно выслушал сына и переспросил: «Советского права? Ты имеешь в виду советское бесправие? Я бы посоветовал тебе связать свою жизнь с химией — у этой науки большое будущее. И ты сможешь обеспечивать себя и свою семью, не идя против совести. Тебя не удивляло, почему я преподаю в школе только немецкий язык, ведь учителей не хватает, и можно было взять часы по другим гуманитарным дисциплинам: истории, литературе, обществоведению? Но это единственный предмет, которому я могу обучать детей, не обманывая их». Так был задан четкий ориентир: служить стране, не предавая своих принципов. Все сыновья стали первоклассными специалистами в технической сфере.

*Германия. Лейна, 2 сентября 1948 г.
На концерте хора им. проф. Александрова
Ира Изюмова (4 года) вручает цветы*

Вплоть до 1961 года, когда 82-х лет от роду скончался Николай Петрович, никто в семье серьезно не болел и не умирал. Никого не арестовывали в лихие годы репрессий, все сыновья живыми вернулись после войны. Бабушка считала, что она очень счастливый человек. Так оно и было. Она была очень счастливым человеком. Нам, детям, хорошо жилось со своими родителями. Послевоенная разруха, жилищная неустроенность, бедность обошли наши семьи стороной. Тем не менее, мы нигде не ощущали того, что невидимо наполняло деревенский Дом, в который все мы, двоюродные братья и сестры, собирались летом, предпочитая его любому курорту. Но и зимой бабушке и дедушке редко доводилось оставаться одним: к ним привозили то одних, то других внуков и внучек. Восьмилетнюю Иру привез в деревню прямо из Германии, где он находился в длительной командировке, ее отец, Владимир Николаевич. Свой первый приезд в Некоуз девочка не помнила: ей было всего два года,

*Село Новый Некоуз, 1952 год. Николай Петрович
и Ольга Дмитриевна с внучкой Ирой*

когда мама привезла ее в деревню, чтобы попрощаться с бабушкой и дедушкой перед отъездом в Германию. Это был 1946 год. Время было послевоенное, суровое.

Вспоминали, что, когда на просьбу дать ей конфетку, бабушка с сожалением отвечала, что нет конфеток, Ирочка тут же говорила: «А давай поищем!». Когда девочку в коляске везли к поезду и прохожие спрашивали: «Куда это ты, Ирочка, едешь?», она отвечала: «В Германию!» — прямо в коляске!

Девочка уже успела забыть бабушку и дедушку, но она сразу же почувствовала себя с ними очень легко и хорошо. Бабушка уютно убрала для нее маленькую комнату, смежную с кухней, где всегда топились русская печь. Над кроватью она повесила старинный немецкий гобелен, на котором была изображена сценка завтрака на лужайке перед красивым, увитым розами домом, и люди в костюмах 18-го века. От гобелена веяло миром и спокойствием. Изображение было очень родным после Германии, и девочка сразу почувствовала себя дома. Владимир Николаевич приезжал на воскресенья и старался побаловать дочку. Как-то он привез редкие по тем временам бананы, которые обнаружили поздно, и они уже были несъедобны, так что пришлось их отдать бабушкиной корове Дине, которая, наверное, стала единственной коровой в Некоузе, отдававшей бананов. Потом пришла зима, и речка Ильдь, протекавшая сразу за забором, замерзла. Сквозь лед на фоне красного глинистого дна видны были зеленые водоросли. Зрелище показалось девочке сказочным.

Новый 1952 год вся семья Владимира Николаевича, после почти семи лет чужбины, встретила в Некоузе. «То-то было весело, то-то хорошо!»

Бывшая начальная школа в селе Новый Некоуз, в которой несколько месяцев училась Ира после приезда из Германии в 1952 г. Школа «переехала», и сейчас в этом доме размещается библиотека им. А. В. Сухова-Кобылина

Зимой в доме появились квартиранты: два молодых человека: Юра Троицкий, учитель литературы, и Саша Кочнев, учитель рисования. Оба были славными ребятами и прожили в доме несколько лет. Они очень подружились с бабушкой и дедушкой, а также с маленькой Ирой. Однажды Саша показал фотографию своей дипломной картины, а Ирочка наивно спросила: «А где она теперь? В Третьяковской галерее?». Саша, смеясь, ответил: «Да, конечно».

Полюбив Дом всей душой, Саша как-то привез туда своего слепого друга, который был принят как родной. Сверхчувствительный, как все слепые, молодой человек быстро освоился и хорошо отдохнул в теплой обстановке тактичного внимания и заботы.

В Дом было два входа. Один, прямо из сада, вел на террасу, им, как и самой террасой, пользовались

Село Новый Некоуз, 1932 г. Ольга Дмитриевна с сыном Дмитрием

Село Новый Некоуз, 1932 г. Ольга Дмитриевна с сыном Борисом

только летом. Второй вход по высокой темноватой лестнице шел в сени, где в углу был сооружен так называемый «выдуманный шкафчик», а на длинной скамье стояли бадейки с водой. В сенях было три двери: одна — на террасу, другая — в комнаты, а третья — на кухню с огромной русской печью, чугунками и ухватами. В коридоре, вблизи одной из печек, висел огромный рукомойник с медным тазом под ним. Как весело звенела эта медь, когда в нее лилась вода.

В окна гостиной заглядывал яблоневый сад, а на подоконнике росло диковинное растение, заполнявшее комнату как бы голубоватым дымом.

Наверное, Блок его имел в виду, когда писал: «в голубых сетях растений...». Около небольшого круглого стола располагалось несколько стульев и небольшой кожаный диванчик, а в углу стояло огромное кожаное же кресло, — дедушкино кресло. Во внутренние стены были встроены печки с лежанками. На одной из них умирал от инсульта Николай Петрович. Перед смертью он испещрил лежанку крестами...

Похороны дедушки запомнились мне больше всего тем, что он лежал в гробу удивительно помолодевший — его восковое лицо с огромным лбом и разгладившимися морщинами было очень красиво. Бабушка, насколько я помню (мне было 10 лет), не плакала, но лицо ее было совсем другим, как мне казалось, очень строгим. Все эти дни в Доме читались псалмы.

Дедушку похоронили в том самом месте, где готовили, было могила для о. Димитрия, но которая тогда осталась пустой. Раньше тут же находилась красавица — летняя церковь, разрушенная в 30-е годы (так называемая «заготовка кирпича по заветам Ильича»).

Село Новый Некоуз, 1932 г. Церковь Успения Божией Матери, построенная в 1807 г., тщанием прихожан. Разрушение церкви: разобрана кирпичная церковная ограда, 1932 г. (Из фотоальбома Владимира Николаевича Изюмова)

Из алтарного окошечка этой церкви о. Димитрий иногда передавал просфорки маленькой Оленьке.

Когда Диме, среднему сыну Николая Петровича, было лет 5–6, он вдруг увидел тут старика в монашеском одеянии, сидящего среди могил, который на его глазах как бы растаял в воздухе. Никогда ни до, ни после никаких видений у Дмитрия Николаевича не было.

И сейчас, когда Дмитрию Николаевичу 90 с лишним лет, он обладает здравым умом и ясной памятью. Он считает, что видение было даровано ему как предостережение от пут материализма. В таком случае, цель была достигнута.

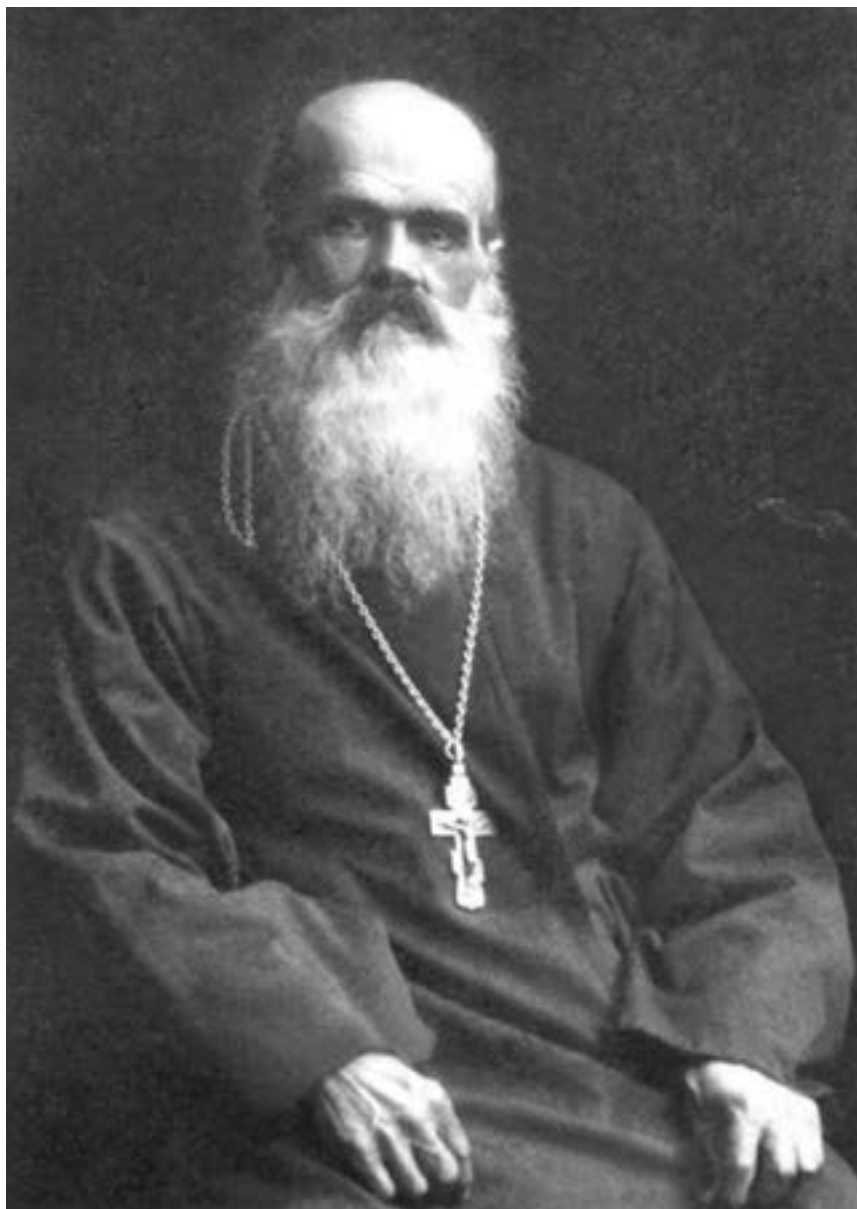
*Село Новый Некоуз, 1932 г. Ольга Дмитриевна
и Николай Петрович с сыновьями.
Слева направо Дмитрий, Борис, Владимир*

В гостиной была всего одна икона, правда, очень большая: Богородица, стоящая на облаке, а по обе стороны от Нее — коленопреклоненные Святые Александр Невский и Димитрий Донской. Александр и Димитрий... На стене висел большой фотографический портрет о. Димитрия в рясе с большим крестом на груди. Этот портрет тоже воспринимался как икона, и я подолгу вглядывалась в лицо своего прадеда, так как мне казалось, что оно хранит какую-то тайну, которую хотелось разгадать. Сейчас я думаю, что это — тайна святости. Ведь святые — это те, кто вышли за рамки «только человеческого» существования, как бы совершив прыжок через бездну.

Была отдана дань и современности. В комнате находилась черная этажерка с патефоном и множеством пластинок. Среди прочих, там были любимые пластинки бабушки — Шотландская и Ирландская застольные Бетховена в прекрасном исполнении проф. Доливо. Шотландскую застольную любил и Димитрий Павлович. Ирландскую бабушка считала слишком уж грустной.

2006 г. Москва. Дмитрий Николаевич Изюмов (1916–2007)

1914 г. Священник Димитрий Павлович Вознесенский

А над этажеркой висел портрет Пушкина, которого бабушка воспринимала с такой непосредственностью, что казалось, он — ее близкий друг. «Сердце будущим живет, — как бы рассказывала бабушка, сложив замком руки, — настоящее — уныло, все мгновенно, все пройдет, что пройдет — то будет мило».

Каждое воскресенье бабушка тщательно одевалась, надевала на голову очень красивую старинную черную кружевную накидку и отправлялась в церковь. Мы иногда тоже увязывались за ней, благо, идти было два шага, но бабушка не обращала на нас никакого внимания: она молилась и по пути в церковь, и, конечно, в церкви. Я не могу припомнить ее в церкви: она как бы сливалась с ее стенами и воздухом. У бабушки всегда было спокойное, мягкое лицо, но по возвращении из церкви оно просто светилось от радости. Я, пионерка-активистка, иногда пыталась вступить с бабушкой в спор по поводу религии. Христа я все же уважала, но только как «хорошего человека». Бабушка ни в какие споры никогда не вступала, а я и сейчас совершенно не понимаю, как получалась, что мои «железные» аргументы в пользу атеизма просто провисали в воздухе. Однако иногда она рассказывала нам эпизоды из Евангелия. Создавалось впечатление, что бабушка это видела и слышала сама, так живы и доходчивы были ее рассказы.

Бабушкина маленькая комнатка примыкала к гостиной и была полна икон, под которыми располагались фотографии членов семьи. Над кроватью висела литография с печальными русалками около ночного озера. Они казались мне необыкновенными красавицами, но было странно, как они здесь очутились. А на другой стене была картина, изображавшая казнь Яна Гуса,

которого бабушка очень уважала. И сейчас помню бабушкин рассказ о том, как какая-то старушка подложила поленце в его костер, и как он совсем не рассердился, а сказал «Sancta simplicitas» (святая простота), а я злилась на эту старушку и считала ее зловредной дурой. Но вслух это мнение я высказывать не решалась.

Столовая с большим дубовым буфетом была интересна тем, что в нем хранились печенье и конфеты. Иногда, когда было холодно, мы завтракали в этой теплой столовой, но на террасе было просторней и веселей. На трапезы нас созывал небольшой колокол, звон которого разносился по всей усадьбе, и, услышав который, мы со всех ног бежали к дому, рассаживались на строго определенные для каждого места и чинно приступали к еде. Дети сидели по левую сторону от стола на длинных скамьях с подушками, а взрослые — на стульях справа. За столом распоряжалась, как правило, жена Дмитрия Николаевича, тетя Аня, в девичестве Анна Яковлевна Колабская, синеглазая красавица, добрейшей души человек. У них было три великана-сына, досыта накормить которых было дело непростое. Разговоры за столом не разрешались, да нам было не до них. Никогда и нигде еда не казалась такой вкусной!

На завтрак пекли в русской печи огромного размера пироги с капустой, грибами, на заре принесенными из леса, мясом или зеленым луком с яйцами, а также ватрушки из творога собственного производства. Приносили прямо в чугунке дымившуюся молодую картошку, только что с грядки, посыпанную укропом и политую топленым маслом. К ней подавали только что собранные огурцы (у бабушки они были первые в деревне) и редиску. Потом пили чай из самовара с бутерброда-

*Сыновья Дмитрия Николаевича и Анны Яковлевны Колабской:
Николай, Борис и Сергей*

ми, конфетами, медом и вареньем. На обед бывали щи, рассольники или иные супы. На второе нам давали разнообразные каши с грибами или мясом, вареники, сочни или оладьи со сметаной и много других вкусностей. А на десерт была клубника или малина с парным молоком. На ужин часто жарили яичницу из домашних яиц, которых было великое множество, подавали свежий творог с медом и сметаной, а также парное молоко или чай.

Трапезу первыми покидали дети, выходя по одному, друг за другом и целуя в маковку всех взрослых, которые еще некоторое время оставались за столом, наслаждаясь спокойствием, воцарявшимся после нашего ухода и беседуя между собой. Этот ритуал нас немножко

Карманные Евангелия, изданные во время службы Николая Петровича в Святейшем Синоде

смешил, но очень нравился. Вообще я уверена, что дети любят ритуалы.

Особое место в доме занимала светелка, в которую можно было попасть из сеней, поднявшись по шаткой скрипучей лестнице на чердак. Окно светелки смотрело прямо на колокольню, а внизу располагался яблоневый сад. В ней стояли две неширокие кровати, а над ними на стене висели полки, сплошь заставленные иконами. Все свободное пространство было занято стеллажами с книгами. Русская и иностранная классика, книги на немецком языке, которым в совершенстве владел Николай Петрович, а также редчайшие по тем временам издания — собрание сочинений Иоанна Златоуста, многотомная История русского раскола и многие другие. Иерейский Молитвослов, о котором я уже упоминала, а также Библия на церковнославянском языке, числящаяся под №1 в библиотеке прадедушки, и Евангелие для детей в картинках были впоследствии отданы старшему сыну, моему отцу. Все внуки Николая Петровича получили уникальные карманные издания Евангелия, изданные во время его службы в Святейшем Синоде. Но в основном книги религиозного содержания бабушка незадолго до своей кончины подарила священнику нашего храма.

Светелка располагалась на чердаке, уставленном коваными сундуками. В одном из них хранились церковные лампы и иконы из разрушенной летней церкви, в другом священническое облачение. Третий сундук был полон дедушкиными воротничками, манжетами и манишками с китовым усом. Хотя дедушка и предполагал, что большевики — это надолго, но, как видно, все же надеялся, что еще вернется в Петербург

на любимую работу... На чердаке хранилось огромное количество дореволюционных газет и журналов, в том числе подшивки «Нивы». Мне запомнилась дама из модного журнала начала XX века в шляпе, напоминавшей парусник с поднятыми парусами. Чердак и светелка были как осколки канувшей в Лету эпохи, и мы, дети, вплотную соприкасались там с историей, еще не понимая, но интуитивно догадываясь, с какими сокровищами мы имеем дело.

Если светелка была средоточием духовной жизни, то нежилая часть дома служила нуждам плоти. Там размещались хлев, курятник с разбросанными там и сям уютными гнездами для многочисленных несушек, где так интересно было собирать яички, а также водогрейня, бывшая одновременно баней и прачечной. Там помещались вмонтированные в печи огромные металлические котлы для нагревания воды, бочки для холодной воды, а также множество деревянных шаяк для мытья. По стенам висели березовые веники, деревянные черпаки и металлические ковшики. Пахло мокрым деревом, дымом, мочалками, дегтем, березой — в общем, веселым банным уютом. Малюсенькое окошко выглядывало в заросшую рябинами часть сада. Баня устраивалась примерно раз в неделю. Почти половину предыдущего дня двоюродные братья таскали из колодца воду в водогрейню. Шутка ли, предстояло искупаться 15-20 человекам! Парились не торопясь, не жалея ни воды, ни пара, ни веников, ни мыла. Я всегда просилась выкупаться первой, пока жар был не слишком тяжел, а потом бежала на диван с книжкой, с нетерпением дожидаясь, пока все напарятся и сядут пить особенно желанный после бани чай с неизменными пирогами.

Библия, на церк.-слав. яз. № 1 в библиотеке Димитрия Павловича

Иерейский молитвослов, Москва, синодальная типография, 1913 г.: подарок Димитрию Павловичу от зятя, Николая Петровича Изюмова, служившего в Св. Синоде

Вечером невероятно приятно было лечь в накрахмаленное белье, отглаженное массивным чугунным утюгом с раскаленными угольками и пахнущее, поэтому дымком.

Особо надо сказать о мёде и пчелах, вещах, вроде бы материальных, но как бы и не совсем. Бабушка считала, что по-настоящему весна начиналась тогда, когда пчелы в первый раз с радостным гуденьем покидали улей. Первый мёд дедушка доставал в начале лета. Облачившись в специальную шляпу с сеткой, покрывавшей лицо, и вооружившись дымарем для отпугивания пчел, дедушка становился каким-то очень загадочным. Он осторожно открывал ульи, а мы прятались от взбудораженных пчел на террасе, двери и окна которой тщательно закрывались. Здесь уже стояла ручная центрифуга, в которую дедушка по очереди укладывал соты. Он начинал вращать ее рукоятку, и мёд густой струей стекал в подставленные бочонки. Терраса наполнялась радующим душу целительным ароматом меда и воска.

Все мы, соприкоснувшиеся с Домом, пытались и пытаемся воспроизвести его реалии в нашей жизни, но что-то главное, к сожалению, ускользает. Мне кажется, там дышало то, что каждый православный русский человек называет Святой Русью и что воспел Николай Крюков в «Избяных песнях». Этот Дух призывался и удерживался поколениями живших по-православному людей. Мы стараемся подражать им, и не всегда наши усилия остаются бесплодными. Один из моих двоюродных братьев, Сергей, военный врач, проплававший много лет на подводной лодке, выйдя на пенсию и поселив семью в своей московской квартире, занялся хозяйством на Кубани, где жила его теща. Конечно, он, в числе прочего, занимался

и пчеловодством. Поскольку все его сбережения пропали во время развала страны, он вынужден был все делать своими руками. Ему удалось построить чудесный домик, на фронте которого он выложил изображение пчелы. Надорвав сердце тяжелым физическим трудом, он вскоре умер от инфаркта. На второй день после похорон, в холодный осенний день, когда у могилы, покрытой первым снегом, собрались только самые близкие ему люди, туда, откуда ни возьмись, прилетела пчела, и, посидев у каждого из присутствующих на плече, улетела. Все смотрели на нее, затаив дыхание, ведь по законам физического мира пчелы не летают в мороз. Казалось, что эта не совсем-то пчела явилась, как утешение, из нашего деревенского улья, из того радостного июньского дня. Ведь недаром Сергей, многое повидавший на своем веку человек, говорил, что в его жизни не было ничего кроме Некоуза. Сережина комната на Кубани была увешена иконами. Теща его, всем сердцем любившая зятя, сказала, что больше не хочет жить, и, действительно, почти сразу умерла без всяких видимых причин.

Через некоторое время Сергей приснился своей дочери, Анне. Во сне она говорила отцу, что очень скучает по нему, и он пообещал вернуться. Вскоре она узнала, что беременна. Мальчик, очень похожий на Сергея, родился в годовщину его смерти.

Рождение потомков в день смерти предков много раз наблюдалась в нашем роду, что мы имели возможность проследить, благодаря тому, что о. Димитрий, а вслед за ним и следующие поколения, записывали важнейшие события жизни семьи в Иерейский Молитвослов. Таким образом, предки словно передавали потомкам эстафету жизни. Это обязывает.

*с. Новый Некоуз, 1932 г. Ольга Дмитриевна
со старшим сыном Володи*

Бабушка, Ольга Дмитриевна, скончалась на 90-м году жизни в Москве, в семье своего младшего сына. Мой отец, Владимир Николаевич, очень любил свою мать. Он рассказывал мне, что в детстве мечтал о том, чтобы у него был дом из роз, в котором он жил бы с нею. По странному совпадению, он умер в мае, глядя на розу, которую принесла моя сестра, чтобы порадовать больного папу. Как-то само собой получилось, что на панихиду принесли множество роз, и, когда мы расставили их, то они сплелись над гробом, как бы образуя дом. И тогда, в печальные дни ухода, когда его душа

спешила на встречу с душой матери, мы вспомнили о его детской мечте. А за несколько дней до своей смерти, после последнего визита врача, когда по нашим лицам папа догадался, что умирает, он велел срочно привести внуков, чтобы успеть благословить их. Папа скончался на Светлой седмице, и слова отпевания, полные светлой радости и надежды, смягчали боль утраты.

Моя мать, грузинка, человек редкой прямооты и искренности, не раз говорила мне, что никого не уважала так, как свою свекровь. Она обладала сильным независимым характером, одной из главных черт которого была верность. В Бога она верила, потому что была уверена в Нем, в Его верности по отношению к «своим».

Непоколебимая религиозность бабушки, ее сила, твердые нравственные устои, а также бесконечный такт, — все это глубоко импонировало моей матери. Когда умер папа, и мама осталась одна в своей квартире, она вместе с папиной фотографией велела увеличить фотографию бабушки с дедушкой и повесила на стену, выбрав их в неизменные спутники своей старости.

Тогда-то я вспомнила, как еще девочкой спросила бабушку, не расстроилась ли она, когда папа женился на «чужой». Бабушка искренне удивилась и ответила: «Как же мне могла быть чужой православная христианка?»

Моя мама скончалась на 89-м году жизни. Она долго хворала, но плохо ей стало внезапно, так что она не могла принять причастия. Тогда решили срочно соборовать. Обряд этот длится довольно долго, и священник боялся, что не успеет. Последний вздох мамы совпал с последними словами соборования, к великому удивлению священника. «Ее душа ждала окончания таинства», — сказал он.

*Екатерина Александровна Квасхвадзе
и Владимир Николаевич Изюмов*

*Ольга Дмитриевна Вознесенская (Изюмова), 50-е годы,
с. Новый Некоуз*

Было бы ложью утверждать, что мы были всегда достойны своих предков. Чаще всего как раз бывало наоборот. Но когда мы грешили и грешим, мы действуем по своей воле, не считаясь с заветами предков. И тогда радость угасает в наших сердцах и домах, чтобы вновь вспыхнуть, как только мы, подобно блудным детям, возвращаемся к своему Отцу. Именно о таких моментах я хочу рассказать, опираясь на рассказы моих родных.

Владимир Николаевич Изюмов заведовал кафедрой лаков и красок Ярославского Технологического института. И вдруг однажды в партбюро вуза пришел донос на студента N, что он регулярно посещает церковь. Крулый отличник, Иван был уже на пятом курсе и его собирались рекомендовать в аспирантуру. Из обкома партии пришло «предложение» исключить молодого человека из института. Вот тут-то Владимиру Николаевичу потребовалась «кротость голубя и мудрость змия».

Незадолго до этих событий в Ярославль приезжал Хрущев и имел встречу с представителями партхозактива. [Фрагмент «Стенограммы встречи Н. С. Хрущева с директорами предприятий гор. Ярославля в промышленном обкоме КПСС, 3 июня 1963 г.», приведен в Приложении 6]. Папа, присутствовавший на этой встрече, однако, не растерялся и дополнил выступления, рассказав о результатах своих научных исследований в технологическом институте, которые давали возможность высвобождать огромное количество пищевых масел из лакокрасочной промышленности, заменяя их синтетическими жирными кислотами. Химизация, после кукурузы, была любимым коньком Хрущева. К тому же папа внушил ему симпатию (свойством располагать к себе людей обладали все внуки о. Димитрия).

Никита Сергеевич утихомирился и подобрел, так что обкомовцы были благодарны папе.

Теперь Владимир Николаевич решил воспользоваться своим «кредитом доверия». Он пошел в обком и сказал, что если отличника отчислят с пятого курса, то это может дойти до иностранных средств массовой информации и разразится скандал. Было время так называемой «хрущевской оттепели», и такое развитие событий никого не устраивало. К папиному предостережению прислушались, и студенту N удалось получить диплом и неплохое распределение на работу, хотя аспирантуру для него папе отстоять не удалось. Однако заведующий кафедрой был обязан провести со студентом «воспитательную» работу. Я помню, с какой веселой улыбкой папа рассказывал мне, девочке, об этом «мероприятии», рикошетом поучая и меня. Молодой человек, хоть и был благодарен вступившему за него преподавателю, но, ожидая подвоха, был настроен решительно отстаивать свои убеждения. Папа провел с ним самую настоящую богословскую беседу, сумев показать пареньку, что тот плохо разбирается в христианстве, знает мало молитв, не знаком с догматами и символом веры, плохо понимает смысл литургии. Он объяснил ему, что вера должна базироваться на более прочном фундаменте, чем тот, которым располагал молодой человек. Удивлению студента не было границ, но придрасться было не к чему. А окажись он провокатором (чего, конечно, не было), то и тогда «стучать» было бы не на что.

Дмитрий Николаевич Изюмов служил в Главном штабе авиации. Однажды ему вместе с сослуживцем, полковником, довелось пасхальным утром вернуться в Москву из командировки в Ташкент. После ташкентской жары

Иерусалим, 2007 г. Бидзина Затиашвили, сын Дареджан Изюмовой, старшей внучки Ольги Дмитриевны

было приятно выйти из самолета и ощутить прохладу этого праздничного утра. И вдруг, неожиданно для самого себя, у полковника из самых недр души вырвалось: «Христос воскрес из мертвых...», и не успел он испуганно оглянуться на Дмитрия Николаевича, как тот, бывший в отрочестве певчим, подтянул «...смертию смерть поправ», и уже вместе, радостно: «и сущим во гробех живот даровав!». Так, превратив взлетное поле в клирос, два офицера от всего сердца восславили Бога.

Удивительный случай произошел с одним из праправнуков о. Дмитрия, Бидзиной Затиашвили, поющим в церковном хоре. На Пасху он вместе с другими певчими сопровождал грузинского Католикоса, Патриарха Илию Второго, в Иерусалим. Высшее церковное начальство имело пропуски в Храм Гроба Господня, где все ожидали сошествия Благодатного огня. Бидзине

*У станции Шестихино, Некоузский район. 14 августа 2013 г.
Епископ Рыбинский и Угличский Вениамин освящает Памятный
Крест на месте гибели сщмч. Димитрия*

пропуск не полагался, и он решил попасть в Храм, оцепленный израильской полицией, на свой страх и риск. Думая, что бы предпринять, он зашел в лавочку, расположенную рядом с храмом и пожаловался торговавшему в ней арабу, что он очень хочет попасть в храм, а не получается. Сжалившись над ним, араб сказал, что сейчас в храм будут заходить арабы-христиане, по своему обыкновению, с песнями и танцами, и посоветовал пристроиться к ним, что Бидзина и сделал. Войдя в Храм, он, как по наитию, откололся от арабов, и, пройдя по каким-то переходам и лесенкам, вдруг очутился, сам того не подозревая, в алтаре греческой церкви, откуда и вышел в храм вместе с греческими иерархами, что вызвало великое удивление его соотечественников: ведь из алтарных дверей может выходить только духовенство. Вскоре снизошел Благодатный огонь, в который он успел погрузить руки в те короткие мгновения, пока он не обжигает. Это потрясло его. Это был тот год, когда впервые в истории Грузинской церкви удалось привезти Благодатный огонь прямо в Кафедральный Сионский Собор к праздничной Пасхальной службе.

...А у меня — большая забота. Иерейский Молитвослов, который завещал мне мой отец, я должна отдать тому, кого увижу достойным. Достойные потомки у о. Димитрия, слава Богу, есть, но как выбрать между ними? Было бы правильно, чтобы эта книга попала в руки священнослужителя. Но, к величайшему моему сожалению, пока никто из потомков о. Димитрия не имеет сана. Я жду и надеюсь.

В январе 2005 года родился первый потомок о. Димитрия после причисления его к лику святых.

Мальчика окрестили именем его предка. Дай Бог, чтобы он достойно носил это имя.

Через несколько лет у этой истории появилось продолжение: на месте расстрела о. Димитрия был установлен памятный крест.

Нина Изюмова (Накашидзе)

Село Новый Некоуз, 1960 г. Золотая свадьба Николая Петровича и Ольги Дмитриевны: сидят в центре второго ряда. Присутствуют родственники, все сыновья, невестки, внуки

Грузия, Тбилиси. Родственники, дети и внуки трех сестер: Дареджан Затиашвили, Ирины Санадзе и Нины Накашидзе

Этапы восстановления колокольни церкви Богоявления Господня:
2015–2017 годы

Памятный крест у железнодорожной станции Шестихино

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ⁸ ИРИНЫ САНАДЗЕ

*Изо льда под весенним теплом
Веко дрогнуло. Вскрылась река.
Льёт над Ильдью малиновый звон
Колокольня, светла и легка.*

Пролог. Священномученик Димитрий Вознесенский

Моим внукам Александре и Константину

Крестный свершает ход
Николо-Замошский пресвитер —
Это вечность к тебе грядет,
Священномученик Дмитрий!

Есть село Некоуз
На Ярославской ветке,
Там от татарских уз
Ушли наши предки.

Помнится тихий дом,
Черемуха, палисадник
И колокольный звон
В светлый праздник.

⁸ Опубликованы на сайте Стихи.ру (<http://www.stihi.ru/avtor/hunger>).

Колокольня церкви Богоявления Господня, с. Новый Некоуз

Бил там когда-то набат
В безвременный понедельник —
Смерть свою, как солдат,
Принял русский священник.

Ныне у этих мест
Мы собираем камни,
Чтоб верой светился крест
В Богоявленском храме!

16.04.2006

1. Начало

Без нимбов по земле идут святые!
Вы позже нимбы раздадите им —
Пока безвестным, скромным и простым, —
Тем, на которых держится Россия.

Примерно 1885 г. Дмитрий Павлович Вознесенский с женой Марией Павловной (в дев. Вишняковой) и дочерью Олей

«Дурочка ты, Мария!
И что ты нашла во мне?», —
Смеясь, говорил священник
Своей молодой жене.

Тихой, спокойной и прочной
Жизнь казалась вначале.
Бог подарил им дочку —
Ольгой ее назвали.

Патриархальное счастье!
Не знал молодой священник,
Что лихо в одночасье
Судьбу его перемелет.

Горе вам, горе, сироткам,
Мужу-вдовцу и дочке!
На жизни Маши чахотка
Скоро поставит точку.

Нежное рук касанье,
Ласковый взгляд Марии —
Смутные воспоминанья
Ольга всю жизнь хранила.

«А ты так молод, священник!
Грозных событий тени
Смертью легли у порога.
Брось уповать на Бога!

Не знать тебе век отныне
Света, тепла и ласки!

Сердце, как плоть, остынет!» —
Красная скалится маска.

«Крепкий мужик, здоровый,
И богатырского роста!
Эх, незавидна доля —
Плестись бобылем до погоста!»

Тут тело, подняв на мгновенье,
Огненной воли сгусток,
Предотвратив паденье,
Его на землю опустит.

Не на небо вознесенье,
А дома, как на духу,
Лики святые нетленным
Светом рассеяли тьму...

Жизнь продолжает течение.
А враг, как известно, не дремлет:
От горя в вине забвенье,
Ищет русский священник.

Эх, страстотерпец, тебе ли
Не ведать о преисподней,
Об огненной геенне,
Суровой каре Господней!

Рядом с ним Оленька, дочка.
Любит отца, вздыхает...
Стоп! Забубённую ночь
Свет небесный пронзает!

Враг лукавый стреножен!
Конец жестокой сече,
Уж меч не покинет ножен.
Душа расправила плечи.

Хотела о благодати. Пока же — простой, без прикрас,
О скромном сельском священнике идет рассказ.

Здесь я прерву историю, чтоб позже продолжить
опять:

В Богоявленском храме надо мне побывать!

27.05.2006

Пока

Еду, еду! Все готово:
Паспорт, виза и билеты.
В Златоглавую седьмого
Вылетаю на рассвете.

Дальше — Ярославль, Замошье.
Не скучай, я ненадолго:
Только взгляд на ивы брошу,
Зачерпну воды из Волги.

Говорить боюсь о планах —
Погоди до возвращения.
Я сейчас — на чемоданах.
Жди домой в Преображение.

05.08.2006

Записи в Молитвослове священника

2. На полях Молитвослова

Молитвослов священника.
В скупых словах
Рассказ об ушедшем времени —
На полях.

Читаю: «Уехала Оленька,
Сперва в Москву, потом в Питер.
А сам — на богомолье»,
Ушёл Замошский пресвитер.

Имена, события, даты
В записях Молитвослова:
«Умер Иоанн Кронштадский,
Декабрь девятьсот восьмого».

А ниже: «Венчание Оли,
Как и мое, в Духов День»,
И дальше: «Канонизирован
Был Патриарх Гермоген».

Толстой, Серафим Саровский,
Брат Александр, Мечников —
Судьбы семьи зарубками
На полях отмечены.

21.08.2006

3. Еще одна глава

Расстрелян город! Долгий,
Протяжный слышен стон.
Колокола над Волгой
Бьют погребальный звон.

Гамбит хитро играют
Шпион и дипломат,
Народу объявляют
Кровавый шах и мат.

А тут еще эсерик
Кричит: «Морали нет!
Лишь в красоту поверим!»
Ему б держать ответ,

Ему и комиссару!
Потрепанный эстет!
К обоим вьется алый
Братоубийства след!

Здание Ярославской Духовной Семинарии, 1918 год

Несутся по губернии
Раскаты мятежа,
Распластана деревня
На острие ножа.

Плакаты, декларации
И лжи водоворот.
А вот и делегация —
К священнику идет.

«На бой за веру нашу
Благослови, отец!
Вскипела гнева чаша,
Терпению — конец».

«А бой-то с кем?», — спокойно
Священник им в ответ,
«Братоубийства бойне
Благословенья нет!

Живого Слова сила
Хранит земную твердь,
Ей не страшна могила,
Её боится смерть».

Наутро к храму Божию
Валил честной народ,
И у его подножия
Свершился крестный ход.

А после загремело
То Слово, как набат,
Из дальнего придела.
Услышал брата брат.

О богоборстве власти,
О тех, кто зло творил,
Своей притихшей пастве
Священник говорил.

И опускались ружья,
А пастыря слова,
Подхватывала дружно
Народная молва.

Не революционный
Держать учил он шаг, —
А тот, традиционный,
Проверенный в веках:

Со Спасом и молитвой,
Бесстрашьем и крестом,

Сияющим над битвой,
Над другом и врагом.

* * *

На паперти, у храма, —
Карательный отряд,
Не знающий ни срама,
Ни совести преград.

Глумленье и издёвка —
Конвоя ритуал.
Священника веревкой
Солдатик обвязал.

Каратели — к вокзалу,
А в поезде — допрос.
Да что там комиссару
Ответ или вопрос!

Все. Можно ставить точку.
Ни строчки, ни следа.
Священник той же ночью
Расстрелян без суда.

26.08.2006

4. Издалёка слышу я...

Издалёка слышу я
Благовеста звон.
Пасха! Русская земля!
Милый отчий дом!

Вижу: женщины несут
Куличи с цветами.
Долгий и тернистый путь
Вёл к святому храму.

Вижу я глаза детей:
Радость, изумление —
У ворот Твоих церквей
В это воскресенье!

И проходят чередой
Все родные лица:
Страстотерпец, прадед мой,
Брат его — в Галиции

Он со знаменем в руках
Пал на поле боя.
Где, в какой могиле прах
Скромного героя?

Полковой священник тот
Не оставил внуков,
Так что нынче мой черёд —
Братьев помяну я.

Верю, заслужили вы
Вечное спасенье.
Славу роду я пою
В праздник Воскресенья!
23.04.2006

*Село Новый Некоуз, церковь Богоявления Господня, 2007 г.,
архимандрит о. Севастиан принимает икону от правнучки
сщмч. Димитрия Ирины Санадзе*

5. Приходят иконы

Иконы не дарят, не покупают —
Иконы по-своему выбирают
Дома и храмы, и нужные даты.
Они неведомыми путями
Приходят сами,
И в строй рядами,
Встают, как солдаты.
Зовёт их пост,
И жар молитвы,
И бесконечное поле битвы,
Они нас ведут, оберегая,
Не на погост —
К воротам рая.
22.08.2006

К 1000-летию Ярославля

Раздаётся по округе
Колокольный звон!
Ярославль стряхнул с кольчуги
Ржавчину времён...

Пламя мрачное бурлило
Под крутым холмом,
Над Велесовой могилой
Город возведён.

Светлой Ра струились воды,
Омывая кряж.
И летели годы, годы,
Зыбки, как мираж.

Плыли храбрые варяги
В Византийский храм,
И лилась хмельная брага
По хмельным устам.

Но родился стих ирмоса!
Дружно звонари
Благовеста звон разносят
С Мировой горы.

Эхом отвечали дали
До седых морей,
Над холмами засияли
Маковки церквей.

*Монумент «Клятва князя Пожарского» на территории
Спасо-Преображенского монастыря*

Вдаль ладьи плывут по Волге,
И плывут века,
Пролагая путь свой долгий
К свету маяка.

Собираем ополчение!
Князя взор горит,
И небесное свечение
Озаряет щит.

Князь Пожарский, честный Минин
Красный стяг и Спас —
Это русские святыни,
Наш иконостас.

Город мой! То князь, то книжник,
То лихой купец,
Ты, как встарь, встаешь, подвижник,
Труженик, отец.

Знаю, вновь в суровых битвах
Бить тебе врага,
А потом творить молитвы
И открыть врата,

Чтоб рвалась победы радость
Из твоих домов,
Чтоб над Волгой разливалась
Песнь колоколов!

08.06.2006

Изюмская застольная

*Моему дяде, инженер-полковнику Дмитрию Николаевичу
Изюмову, к его 90-летию с любовью*

Скрип полозьев, песнь пурги,
Снежных мух кружение.
Ночь морозна, а в груди
Теснота и жжение.

Квартирован эскадрон
В городишке старом.
Наливай-ка, брат, вино
И виват — гусарам!

Засверкал огнями зал,
Полетели пары,
Разметал в мазурке бал
Перламутр муара.

А назавтра жаркий бой
Ждёт изюмцев⁹ снова.
Пли! — то мыслей грустных рой...
Наливай по новой!

Смерть приходит только раз,
Тут важны расклады.
Небеса зажгли для нас
Звёздные лампы.

⁹ Изюмцы — гусары Изюмского полка.

За удачу, женский смех,
Милую отчизну
Выпить, право же, не грех:
Нынче пир, не тризна.

За тебя, Изюмский полк,
И за вас, гусары!
Чтоб вовеки не умолк
Перезвон гитарный!
06.11.2006

Дом в Николо-Замошье

Где в лугах петляет Ильдъ по землеице тощей,
Было некогда село Николо-Замошье.

Дом стоял там в три окна, на окне — герани,
Со светёлкой был чердак, водогрейня-баня,
Два пруда и сеновал, финские качели,
Улы, флоксы у крыльца и серёжки хмеля.

Разрослись кусты ирги по краям тропинки,
Тёмно-синие плоды — ягоды коринки.

Это — северный изюм! Вы, небось, не знали?
Да и ягоду саму вряд ли вы едали.

Нам бы на фамильный герб куст ирги неброский,
Но герба, простите, нет: род-то наш — поповский.

Сеяли когда-то рожь в тех краях, где ныне
Есть асфальт, газопровод, интернет, машины.

Дмитрий Николаевич Изюмов

Дом сщмч. Димитрия (Вознесенского), 2009 г

А села давно уж нет, дом полуразрушен.
В мир иной ушли жильцы — там их нынче души.

Но стоит на месте храм, сразу за забором,
И глядит на старый дом с грустью и укором...
13.12.2012

Новый Афон

Бидзине Затиашвили

-1-

Прошлого века двенадцатый год.
Выдал бумагу Святейший Синод.
Быстрые сборы. Фонтанка, прощай!
Чёрное море, гостей принимай!

Поезд несётся по Русской равнине.
В окнах — знакомые сердцу картины:
Реки, поля, деревеньки, погосты,
Степи, дубравы — всё вёрсты да вёрсты!
Вот показались предгорья Кавказа.
В окнах картинка меняется сразу:
Здесь тополя пирамидальны,
А у дороги — пыльные мальвы.
В бурке Кавказ — караульный в дозоре.
Вот оно, вот оно Чёрное море!
Вышли из поезда молодожёны
И удивляются, замороженные,
Блеску и роскоши щедрого юга.
Вверх по ступенькам шагают супруги

Грузия, Тбилиси. Бидзина Затиашвили, праправнук сщмч. Димитрия

К светлой обители. Под её сенью
Им предстоит обучаться смирению,
Стойкости духа, в невзгодах оплоту,
Чтоб стали двое единою плотью!..
Дни, словно в книге листки, шелестят.
Прост и суров монастырский уклад.
Смирный монахи народ, терпеливый:
Строят, сажают лимоны, оливы.
Электростанция и водопад,
А на холме кипарисовый сад —
Всё это тоже монахов работа.
Молодожёны дивятся красотам.

Вот монастырская школа. Учёба
В полном разгаре. Сам Нестор Лакоба,

Здесь получая доступные знания,
 На монастырском расцвёл содержании.
 Здесь научился читать и писать,
 Чтоб комиссаром впоследствии стать
 И вознестись до главы совнаркома.
 Имя его вам, конечно, знакомо.
 Вёз он приказ: «Монастырь разогнать!»
 Вот и приехал его выполнять...
 Бог с ним, с Лакобой! — ведь всё это позже.
 Мы же потуже натянем-ка вожжи
 И поскорее вернемся назад,
 К молодоженам, в Эдемский их Сад.

Парк с лебедями, плодов изобилие.
 «Винные ягоды, сударь, забыли вы!
 Просим сюда! — им кричит зазывала. —
 Пробуйте, ешьте! Ну что же так мало!»

Воздух хрустальный, лазурная даль.
 На берегу прямо с лодок кефаль
 Вам предлагают в жареном виде.
 «Барыня! Барин! Отведайте мидий!
 Эти — с лимоном, а красные — с перцем!»

Только откуда тревога на сердце?..

Море, о чём ты все время шумишь?
 Что мне пророчишь, что говоришь?
 Я тебя слышу! Понять — не могу!
 И по волнам от себя же бегу.
 Море!.. Ну как рассказать о море!
 Что ты в любимом чувствуешь взоре?

Тонешь, спасаешься? Можешь пропасть?
 Вот она — моря спокойная власть!

Крестик коралловый, два бокала,
 Только хозяев давно не стало.

-2-

Семидесятые. Новый Афон.
 Бьёт на турбазе трапезничать гонг.
 Бодро в столовку шагают ребята —
 Тут и казахи, эвенки, буряты —
 По профсоюзным путёвкам сегодня
 Можно поехать куда угодно,
 Но в основном по Союзу. Вон с БАМА
 Рыжий парнишка, а девочка — с Камы.
 Им со столба сиповатый динамик
 Песню про свадьбу всё утро горланит...

В свете свершений и перемен
 Что растеряли, что взяли взамен?
 Ты расспроси вон того комсомольца,
 Что значит «брак». «Загс, свидетели, кольца.
 Таинство? Нет, ну зачем нам секреты!
 Ты извини, принести сигареты
 Зойка просила. А где тут ларёк?» —
 И за оградой исчез паренёк.
 Что с нас возьмёшь: десять лет учёбы
 В школе имени Н.Лакобы!

А на забытых могилах — трава!
 Внукам, не ведающим родства,

В школах, и в клубах, и даже на пляже
Из репродукторов — сладкая лажа...
Ну, а вообще-то, жизнь — ничего,
Если имеешь значок ГТО!

Бьётся о берег Черное море.
До одурения спорим и спорим,
Что перемены стране принесли,
Но БТРы чернеют вдали!

-3-

Век на исходе. Масличный склон.
Чёрное море. Новый Афон.

Стойте! Не надо! Кровь — не водица!
Снова я вижу родные лица —
Это из правнуков два батальона
Целят друг в друга у стен Афона!
Алый закат. Погребальный звон.
Многострадальной обители стон.
02.10.2007

Нестеров. Молчание

Под Секирной горой тихо дышит река,
Белой ночи покой стерегут облака,
В сумрак бора одет за горой монастырь,
Алый пастыря след на воде не остыл,
Молча думу прядут две скуфьи, два челна,
И молитвой в скиту растеклась тишина.
06.05.2008

Что ты знаешь...

Монах есть тот, кто не боится Бога, но любит Его,
ибо совершенная любовь вон изгоняет страх. (Преподобная Кассия, песнописица Константинопольская)

Что ты знаешь о снах монахов
И о жизни подвижников,
Ты, вскормленный в колыбели страха
Надломленный чернокнижник, и
Ты, умеющий много гитик,
Высокомерный критик?
Что слова твои о молитвенниках,
Если цель твоя — опустячить,
Подменить святые лики их,
Собой, незрячим!
2007

Возвращение

Что ждет меня в родном краю,
Где стынут чахлые осины?
Войду ль в тот дом, чтоб жизнь свою
Закончить песней лебединой?

А может, дома-то и нет,
И пруд засыпало землею,
Лишь в грустном небе силуэт
Качелей прянет надо мною,

Да колокольня с высоты
Меня приметив, не поверя,

Село Новый Некоуз, церковь Богоявления Господня

Вздохнет: «Неужто это ты?»
Бесшумно откроются двери,

Волнуясь, в церковь я войду,
Что домом будет мне отныне,
Родные образа найду,
К забытым припаду святыням

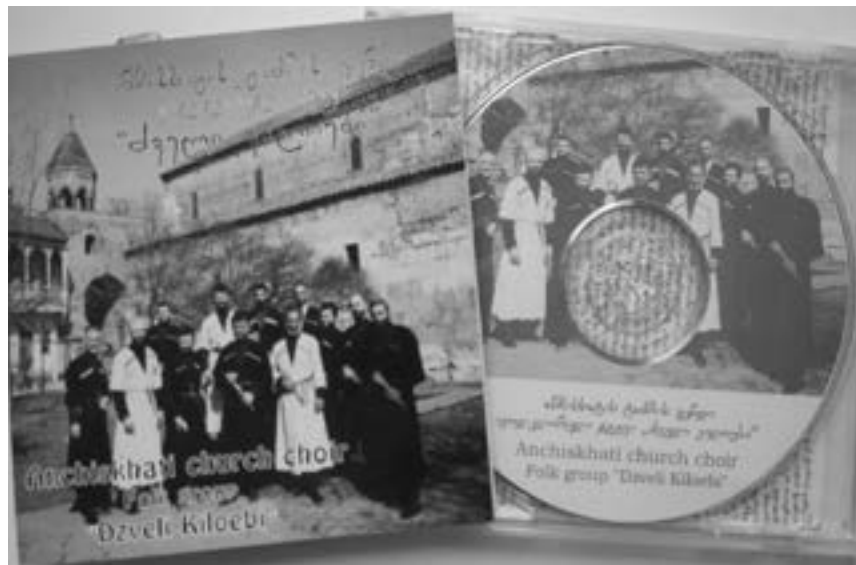
Творить молитву, чтоб в сердцах
Сиял Твой тихий свет нетленный...
А прах — так он всего лишь прах,
Пустая шелуха Вселенной.

15.11.2014

Триптих

Ратников и монахов
Издrevле чтит грузин —
Тех, что в бою и на плахе
В смуту отдали жизнь
Но за окном сегодня
Не героический век.
Кто ж ты, молитву Господню
Шепчущий человек?

Есть ли ещё страстотерпцы,
Воли небес трубачи?
Или в сыновнем сердце
Пепел уже ... не стучит?

Анчисхатский хор церковный (один из солистов хора – Давид Затиашвили, праправнук сцмч.)

Осень. Пасмурно. Снежно.
Крутится веретено.
Бабка весь день прилежно
Ткёт оберег — полотно.

А за окном, над пашней,
Гуси курлычут псалтирь.
В чёрной одежде монашьей
К дому идёт богатырь.

Тихо зайдя, чин-чином
Молится на образа...

Что ж это без причины
Бабки слезятся глаза?
«Так ведь... почтил страстотерпец!
Жалко, нет дома внучат!
Он ведь пришёл, чтоб в сердце
Снова пепел стучал».

В Лавре, далеко от дома,
Анчисхатский¹⁰ хор церковный.
Пел канон заупокойный
Илье Муромцу святому.
У мощей единоверца
Чтя с душою вместе тело,
Православные картвелы¹¹
Не по долгу, а от сердца
Тихо пели «Султа тана»¹²...
Пепел превращался в ладан.
10.11.2010

Мается душа

Мается душа, стонет, мечется!
Сеет ветер кругом непокой!
Слышен хохот рогатого месяца
Из-за туч над холодной рекой.
Где приют твой? Где запах ладана?

¹⁰ Анчисхатская базилика — один из старейших храмов Тбилиси.

¹¹ Картвелы — самоназвание грузин.

¹² Султа тана — (груз.) вместе с душой.

Свет лампы и тихий Спас?
 Вижу, рубище не залатано,
 Вижу льдинки в провалах глаз.
 Соберешься ли снова с силами?
 Убоишься ли новых битв?
 – Где Отец мой? — Он рядом, милая,
 В молоке и мёде молитв!
 17.04.2007

Брату Николаю

Где вы, Ильдь и Сутка,
 Край заветный мой?
 Где вы, гуси-лебеди
 Над синею водой?

Вы теперь далёко.
 Из страны другой —
 Вы из детства милого
 Машете рукой.

Годы, как мгновения,
 Снова пролетят
 И тому, что прожито,
 Нет пути назад.

Но увижу, знаю,
 В час последний свой
 Вас я, гуси-лебеди,
 Над синею водой.
 2006

Накрыла морось...

Накрыла морось свежий холм,
 Железный крест и траур маков.
 Тяжёлый колокольный звон
 Повис над цепью иномарок.
 За хмарью спрятал свой укор
 Ненастный день. В его скрижалях
 Прочла, немая: nevermore —
 И сердце, вдруг поверив, сжалось.
 2009

Метаморфоза

*«Верующий сказал бы: когда я вижу человека в этом свете,
 в свете чистой любви, то я вижу в нем образ Божий, икону.»*
 (Митрополит Сурожский Антоний, Таинство любви)

На дворе изменчивый февраль.
 Я рисую красками портрет.
 Мой герой — повеса, шулер, враль —
 Плохо виден мне по молодости лет.

За окном июльская жара,
 И в углу пылится мой мольберт.
 Дописать портрет давно пора,
 Только золота в моей палитре нет.
 Я гляжу на холст свой изумленно.
 Осень куролесит на дворе.
 Как же получилось, что икона
 Стала проступать на полотне?
 18.04.2006

Икона смич. Димитрия (Вознесенского), 2006

В Чистый Четверг

Что это? Как поверить?
Мне, маленькой звеньевой,
Открылись заветные двери
Вдруг сами собой?

Пасхальный подарок свыше?
Вот так — все сразу?
Но тише, пожалуйста, тише!
Я еще верю в сглазы.

Похоже на посвящение:
Во сне и тут

Родные ожившие тени
За руку ведут...
20.04.2006

В дни окаянные

В дни окаянные пьяной вольницы
Гибнут колосья под хлесткими ливнями,
В тучи уходит Звезда Богородицы,
Птичье гнездо не спасётся под крыльями.
В дни окаянные пьяной вольницы
Зверя рык перекрыл песнопения,
И не заступится колокол звонницы
Храма под липкою лапкой растления.

Ночи расхристаны бритвами сполохов.
Осатанев в торжествующей ярости,
Город Зеро ненасытного Молоха,
Скалясь, на жизнь сыновей наших зарится.
16.05.2008

Мимолётная деревня

Мимолётная деревня. Серый дым над крышей
В серое уходит небо — выше, выше, выше.
А куда уходит жар, гревший нас всю зиму?
Или тоже... без следа — мимо, мимо, мимо?
Два огня, земной и горний, обнялись и кружат,
Чтоб не стыло молоко среди млечной стужи.
Вновь деревня, дом, дрова. Серый дым над крышей
Вьётся и уходит ввысь — выше, выше, выше.

Погоди, повремени хоть одно мгновенье!
Глядь, растаяла, как дым, в сумерках деревня...

01.11.2016

С моей колокольни

С моей колокольни картина печальна, печальна...
Поля не засеяны. Речка совсем обмелела.
Увязнув в грязи на дороге, под марш подкандалный
Плетётся больная душа, запряжённая в тело.
Её провожают раскаты вороньего грая —
С высоких деревьев вороны глядят на дорогу.
Под колокол прячутся ветры, напрасно стараясь
Его разбудить и забить мировую тревогу.

С моей колокольни я вижу, как тучи грядями
Штурмуют небесную твердь, закрывая просветы,
И то, как сама колокольня ветшает с годами,
КрошАтся кирпич за кирпичиком, сбитые ветром.
06.12.2014

Вдогонку

Год уходящий мне бы догнать,
Крикнув: «Спасибо, дружище!
Что ты сподобил меня побывать
Вновь на родном пепелище».
С грустью щемящей скажу: «Прощай!»
Ты мне ответишь: «С Богом!
Жизнь не закончена! Не забывай!
И с наступающим годом!»
Что мне загадывать! Грустно? Да!

*Перед двумя святынями: слева колокольня церкви Богоявления
Господня в селе Николо-Замошье, справа — Грузия,
Давид-Гареджа — скальный комплекс грузинских
пещерных монастырей VI века*

Что ж, помолчим немного...
Поезд летит, мчатся года,
Скатертью дорога!
2006

Перед двумя святынями

Слева — Храм Богоявления.
Мой Давид-Гареджа — справа.
Годы, как в печи поленья,
Но на годы есть управа,

Пока в храме Воскресенья
И в моем Давид-Гареджа
Не смолкают песнопенья,
И не сгинула надежда.

Примечания

Стихотворения Ирины Санадзе опубликованы на сайте Стихи ру

1. <http://www.stihi.ru/avtor/hunger>

2. <http://www.stihi.ru/avtor/cedar>

Ирина Санадзе

Дареджан Изюмова

ПОЛИТИКА ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ, ИЛИ ДУХОВНЫЕ МОСТЫ РОССИИ И ГРУЗИИ¹³

2003 год. Россия отмечает две великие даты: трёхсотлетие Санкт-Петербурга и тысячелетие канонизации преподобного Серафима Саровского. Грузия празднует эти события вместе с Россией. Это ведь не просто даты. Всё гораздо глубже. Ведь «Ханума» — творение Георгия Товстоногова, грузина по матери, — один из мостов между сердцами петербуржцев и тбилисцев.

А в дни русско-грузинской войны в одном из красивейших уголков Грузии — Боржомском ущелье — строился храм, посвященный памяти Серафима Саровского. Его в Грузии почитают наравне со своими святыми, помня, что он был одним из тех людей (хочется верить, что не единственный), кто выразил Александру I протест против упразднения автокефалии Грузинской Православной Церкви. И как тут же не вспомнить, что Иверия и Дивеево, так же, как и Киево-Печерская Лавра и Афон — четыре удела Богородицы.

В обоих этих торжествах по воле Божией участвовал мой сын, Бидзина Затиашвили, он же праправнук новомученика Русской Православной Церкви Димитрия

¹³ Впервые рассказ был напечатан в газете «Рыбинская среда», № 9(134), стр. 20, 2015 г.

Икона трёх святых сестер-мучениц — Минодоры, Митродоры и Нимфодоры

Грузия, Тбилиси. Часовня в честь святых сестер Минодоры, Митродоры и Нимфодоры

Вознесенского, он же член ансамбля грузинских народных песен и он же певчий храма св. Троицы в Тбилиси. С его слов я записала этот рассказ.

Отзвучали праздничные концерты «Подарок Грузии Санкт-Петербургу», отошли в прошлое сердечные встречи и уверения в дружбе. Гости разошлись по городу попрощаться с ним перед отъездом. Сегодня предстоит путь в Дивеево. Когда члены ансамбля вернулись в гостиницу, им сказали, что их дожидается какой-то человек. Человек представился Георгием и с первых же слов удивил заявлением: «Меня назвала Георгием моя мать, глубоко верующая христианка, в честь вашего святого — Георгия Мтацминдского, так как я родился в день его поминовения». Матери Георгия во сне явились трое святых, двое из которых были Георгий Мтацминдский и царь Давид. Они поручили ей заказать икону трёх святых сестер-мучениц — Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, которые несут мир и предотвращают кровопролитие. По каким-то причинам мать не смогла выполнить это поручение и перед смертью завещала сыну исполнить это за неё и отправить икону в Грузию. Сын поручил иконописцу написать икону. И вот икона готова. Но Георгий понятия не имел, как доставить её в Грузию. Икона не малая (приблизительно, 70 x 50 см, а то и больше). Неожиданно Георгий случайно узнаёт, что в Санкт-Петербург приехала делегация деятелей искусств Грузии в сопровождении нескольких духовных лиц (в случайности я не верю). И вот он здесь, в гостинице, со своим чудесным даром. Автобус на Дивеево к тому времени уже пришёл. Певчим и духовенству надо было садиться. Как только икону вынесли из машины Георгия, начал капать дождик. Окропив

Страница газеты «Рыбинская среда», № 9(134),
Сентябрь 2015 с публикацией
Дареджан Изюмова

икону, он сразу же перестал, как только её поместили в автобус.

Дорога на подступах к Дивееву была забита, так что автобус дальше двигаться не мог. Пришлось выйти, а икону нести в руках. Но вдруг около грузинских паломников остановился микроавтобус. В нём сидело несколько монахинь, среди которых была настоятельница русского Иерусалимского монастыря, мать Георгия, с которой члены делегации встречались и в Иерусалиме, и в Тбилиси. Сестры пригласили певчих в свой микроавтобус, и все благополучно добрались до Дивеева. Икона сейчас в Тбилиси. Вскоре после августовской

войны [2008 г.] была построена часовня в честь святых сестер Минодоры, Митродоры и Нимфодоры. Там сейчас и покоится икона.

Так возникло ещё одно церковное предание, и, слава Богу, политика здесь ни при чем.

Дареджан Изюмова

Считая своим долгом сообщить почитаемому
человечеству Вашему Высокопреосвящен-
ству о случившихся событиях бывших
в Николю-Замосском приходе, на сколько
события эти касаются местной церкви и
ее прихода.

16го Октября с.г. в приход церкви села Ни-
коло-Замосья и соседних с ним сель-
ских волостей произошло возмущение
против Советской Власти.
Возмущение началось в деревнях
от станции Харинко волостей. Повстанцы
16го Октября явились и в деревни соседние
со станцией и заставили население взятая
за оружие. Главным центром возмущения
была станция Харинко, находящаяся в пре-
делах Николю-Замосского прихода.

Часть вторая

Архивные поиски и находки

Лидия Ватлина

ЛЕТОПИСИ ЦЕРКВИ СЕЛА НИКОЛО-ЗАМОШЬЕ МОЛОГСКОГО УЕЗДА

Из «Клировых сведений о причтах церкви села Ни-
коло-Замосье» за 1912 г.¹: «Священник Димитрий Пав-
лов Вознесенский 57 лет, сын местного пономаря [Павла
Александрова Вознесенского]. Имеет 2 десятины земли,
дом и хозяйственные постройки.

Кончил курс учения в Ярославской Духовной Семи-
нарии 1877 года 27 Июня со свидетельством второго
разряда. По смерти отца резолюцией Его Высокопре-
освященства Нила от 23го Марта 1867 года и указом
Ярославской Духовной Консистории за № 2843 опреде-
лен в пономаря с правом продолжать учение и иметь
за себя наймита.

Его Высокопреосвященством Ионафаном определен
1877 года 4 Августа в псаломщика штатного к означен-
ной церкви.

Рукоположен к той же церкви во диакона-псаломщи-
ка в 1882 году 6 Июня.

В 1885 году перемещен с вакансии псаломщика
на вакансию диакона.

С 26го Ноября 1891 года по 9^е Декабря 1896 г. был учи-
телем местной церковно-приходской школы.

¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5337. Л. 220об-221об.

Его Высокопреосвященством Тихоном определен и 6 мая того же 1910 года Его Высокопреосвященством Сильвестром рукоположен во священника к той же церкви.

Состоит вторым законоучителем при местной двух-классной церковно-приходской школе с 9го Ноября 1911 года.

Вдов».

Из записей в Месяцеслове иерейского Молитвослова

Димитрий Павлович Вознесенский [08.10.1855 — 18.10/31.10.1918].

Димитрий Павлович Вознесенский обвенчался 17 мая 1882 г. с Марией Павловной (04.03.1864–04.12.1886), в девичестве Вишняковой, дочерью Священника Павла Матвеевича Вишнякова (Бекрень, Тверской губернии);

Их дети: сын Павел, родился в 1883, умер в младенчестве; дочь Ольга, родилась 9.07.1884, умерла 24.01.1973 (похоронена на Домодедовском кладбище в Москве); близнецы Владимир и Борис, родились 15.07.1886, умерли один за другим: 26.11.1886 и 16.12.1886, а между ними умерла и мать 04.12.1886 г.

Ольга Дмитриевна Вознесенская

Ольга Дмитриевна Вознесенская обвенчалась с Николаем Петровичем Изюмовым (дьяконский сын) 07.06.1910 г. Отметили золотую свадьбу в тот же день 1960 г.

Муж, Николай Петрович Изюмов (22.12.1878 — 05.02.1961 г.), похоронен в селе Новый Некоуз (бывшее село Николо-Замошье).

Их дети: Владимир — родился в Санкт-Петербурге, умер в Тбилиси (17.02.1912 — 10.05.1983); Дмитрий — родился в Санкт-Петербурге, умер в Москве (24.12.1916–05.03.2007); Борис — родился в с. Николо-Замошье (ныне с. Н. Некоуз), умер в Москве (13.06.1919–19.12.1995).

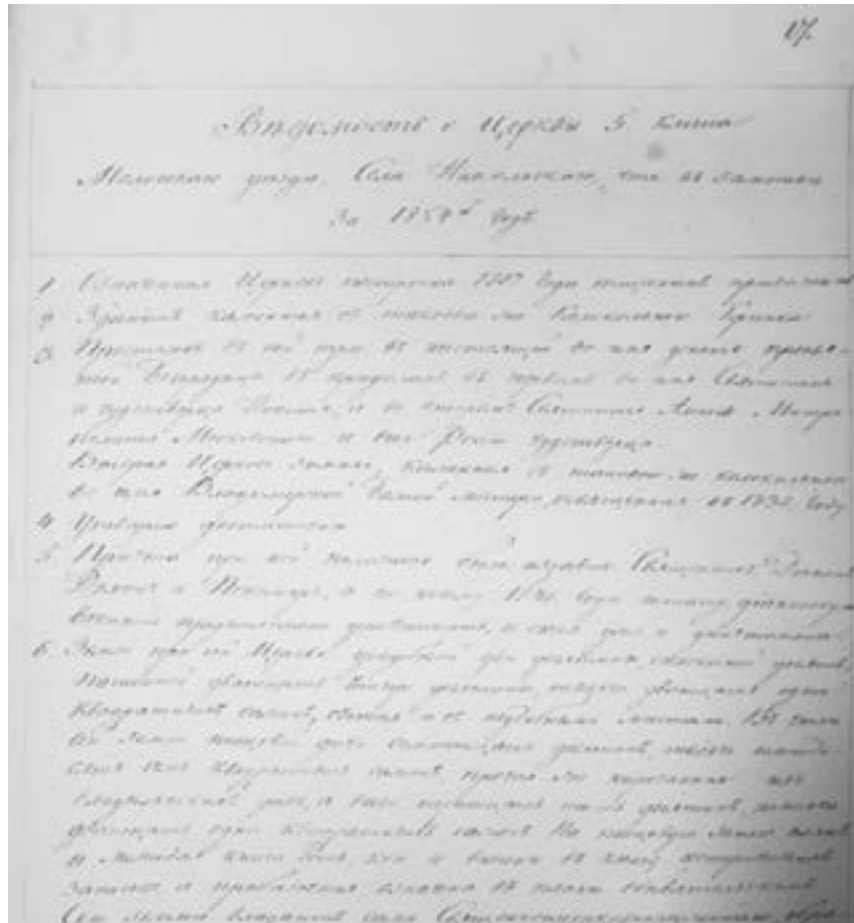
* * *

В состав самого молодого поселения Некоузского района Ярославской области село Николо-Замошье вошло в 1931 году, потеряв свое исконное, историческое название. Сейчас церковь называют Николо-Замошской — Некоузской. Название этого старинного села в церковных книгах менялось: Никольское, что в Замошье (1854 г.)², оно же Николозамошье (1867 г.)³, позднее — Николо-Замошье (1877)⁴. Село Николо-Замошье возникло как место жительства только лиц духовного звания и их семей, поначалу здесь было всего два двора и храм. Со временем село постепенно росло, но даже в тридцатых годах XX века здесь было восемь дворов — по подсчетам Дмитрия Николаевича Изюмова, внука священномученика Димитрия. Приход входил в состав 2-го благочиния Мологского уезда и охватывал прихожан 23 деревень: 15 из Некоузской волости, 8 из Мышкинского уезда. Деревни находились от церкви на расстоянии от полуверсты до 3-х верст — самые дальние (1 верста = 1067 м); ближайшие церкви были в селах Некоуз — 4 версты и в Дмитриевском — 6 верст.

² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 1420. Л. 17.

³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2547. Л. 22.

⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3130. Л. 26.

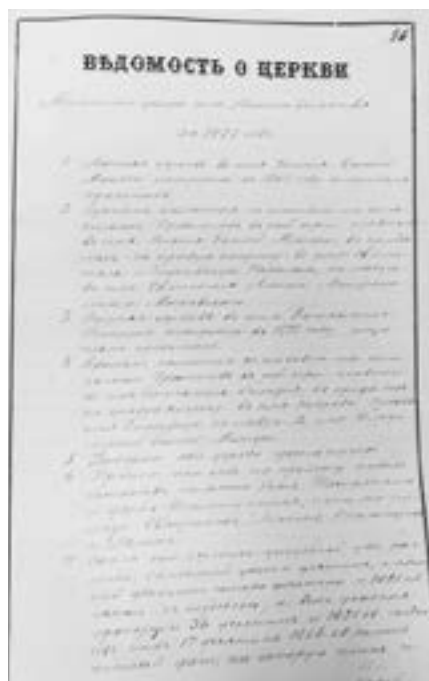

Из ведомости о церкви 5 класса Мологского уезда Села Никольского, что в Замощье за 1854 год

В самой большой деревне прихода — Холопово (32 двора, рис. 52) — построена часовня (до 1883 г., к сожалению, разрушена).

В селе Николозамощье (так записано название в 1867 году) «жительствовавших крестьян нет». Вместе с военными и мещанами в приходе насчитывалось 937 человек мужского пола и 1207 — женского, т.е. всего — 2144 душ. Среднее число душ на каждый двор значительно — более пяти, семьи были многодетны. Число раскольничьих семей незначительно, а позже их и вовсе не отмечалось. Население центральной части России было в основном православным. В Мологском уезде инородцев практически не было (таблица 1), а вот среди записей в Молитвослове священника Димитрия (Вознесенского) есть и такая: [9 октября] «1910 г. держиморда Васильев и двое ингушей». Но миссионерство также вменялось в заботы духовенства, а «миссионерские науки» стали со временем изучаться в ЯДС. Неудивительно поэтому появление записей в Молитвослове о таких известных миссионерах, как, архиепископ Нил, прибывший из Иркутской губернии на Ярославскую землю, святитель Тихон, бывший миссионер в Америке, а также миссионерах, не связанных с Ярославской епархией — Николае Японском и других («[Июль, 28] 1914 г. Прославление еписк. Питирима Тамбовского» и «[Июнь, 10] 1916 г. прославление Иоанна Митроп. Тобольского и Сибирского»).

В селе Николо-Замощье было две церкви. Метрические книги хранились с 1780 года, а исповедные

Из ведомости о церкви Мологского уезда села Николо-Замощье за 1877 год

рописи — с 1809 года. Первая, летняя церковь была построена в 1807 году с тремя престолами: «В настоящей во имя Успения Пресвятой Богородицы; в приделах в первом во имя Святителя и Чудотворца Николая, а во втором Святителя Алексия Митрополита Московского и всея России Чудотворца».

Название главного престола церкви — во имя Святителя и Чудотворца Николая, видимо, дало название селу, а вторая часть названия — от слова «мох» — болота, которые составляют большую часть территории бывшего прихода. И по сей день некоузцы говорят с улыбкой: «чего-чего, а болот у нас хватает».

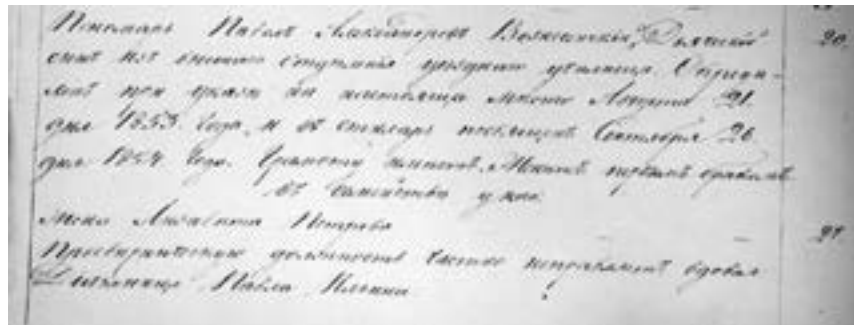
Из формулярной ведомости села Николо-Замощье за 1867 г.:
«О прихожанах означенной церкви»

В этой церкви в 1853 году началось служение пономаря Павла Александров[ича] Вознесенского⁵, отца священномученика Димитрия.

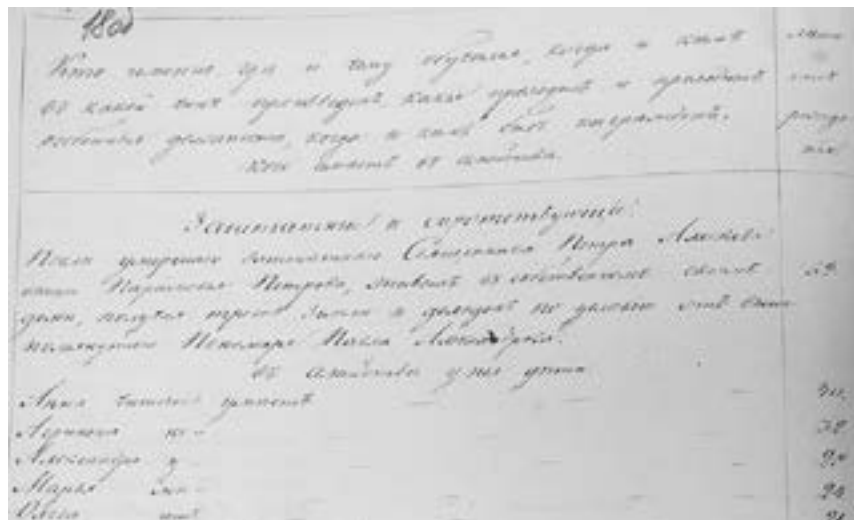
Вторая, зимняя церковь, освященная еще в 1836 году⁶, построена уже после смерти пономаря. Эстафету служения в этом приходе продолжит его сын Димитрий Вознесенский с 1877 по 1918 год, хотя будет зачислен штатным пономарем еще в 1867 году после неожиданной, ранней смерти отца.

⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 1420. Л. 17об.

⁶ Там же, л. 17.

Из Ведомости о Церкви 5 класса Мологского уезда, Села Никольскаго, что в Замошье за 1854 год

Из клировой ведомости за 1854 г.: «Заштатные и сиротствующие»

Общее время служения отца и сына Вознесенских в Николо-Замошском приходе составило 65 лет.

Павел Александрович Вознесенский был сыном дьякона. Жена его Елизавета Петровна — дочь священника этого же прихода Петра Богословского (1827-12.07.1881). Вот сведения о Павле Вознесенском из Клировой ведомости храма в Николо-Замошье за 1854 г.: «Павел Александров[ич] Вознесенский, Дьяческий сын (20) из высшего отделения уездного училища. Определен при указе на настоящее место Августа, 21. Дня 1853 Года, и в стихарь посвящен Сентября 26 Дня 1854 Года. Грамоту имеет. Женат первым браком. В семействе у него: Жена Лизавета Петрова (27)». [Павел Вознесенский умер 11.03.1867, Елизавета Петровна скончалась 12.07.1881. (Из записей в Молитвослове). После смерти тестя, о. Петра, остались вдова и «дочери-девицы». Вступая в должность, пономарь Павел Александрович был обязан по условию выплачивать треть своих доходов и отдать треть земли теще Параскеве Петровой, которая жила в собственном доме с дочерьми в возрасте от 21 года до 40 лет.

Из записи Димитрия (Вознесенского) в Молитвослове узнаем, что в «1854 г. ум[ер] дед о. Петр [Алексеев Богословский], 68 лет (июнь, 12)», а одна из дочерей деда — Агриппина будет жить на средства от просфоропечения (Указ Духовной Консистоии от 9 марта 1855 года) в собственном доме. Добавим, что Агриппина — крестная мать Димитрия: ([Июнь, 23] День Ангела Крестной Агриппины Петровны) — из записей в Молитвослове). Три сестры Агриппины будут получать по 8 рублей серебром ежегодно из духовного попечительства, позднее пособие двум оставшимся дочерям повысят до 9 рублей.

Таблица 1. Численный состав прихожан церкви Мологского уезда села Николо-Замошья в годы служения священномученика Димитрия Вознесенского

Год	Всего дворов	Число душ		Всего Душ	Среднее число душ на двор
		Мужского	Женского		
1854	299	911	1130	2079	7
раскольнических	1	3	35		
1867	278	934	1207	2141	< 6
1877	377	1051	1374	2425	6,4
1883 ⁷	456	1095	1452	2547	5,6
В том числе	Дух. - 4	12	13		
1891 ⁸	515	1145	2514	3659	>7
1909 ⁹	614	1376	1739	3115	5,07
1912	614	1412	1769	3181	5,19
В том числе	Дух. - 5	12	11		
	Мещ. - 25	36	59		
	Кр. - 584	1364	1699		
1914 ¹⁰	611	1423	1789	3212	>5,25
В том числе	Дух. - 5	12	11		

⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3552. Л. 73 об.⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4049. Л. 18 об.⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5097. Л. 254 об.¹⁰ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5459. Л. 195.

«Издавна» причт состоял из священника, диакона, дьячка и пономаря, но в 1846 г. в новом штате отсутствует диакон; «по Указу от святейшего Правительствующего Синода от 27 декабря 1857 года <...> предписано «В церкви Никольского, что в Замошье определить Дякона с тем, чтобы он по утверждению новых штатов сельских церквей Ярославской Епархии оставался на содержании прихожан не ожидая жалования от казны (место диакона позднее займет Димитрий Вознесенский — прим. Авт). Посему ныне налицо состоят: священник, диакон, дьячек и пономарь»». Добавим, что жалованья от казны в благочинии никто не получал. Перемены в обеспечении духовенства в России произойдут позже, после реформы 1900 г. [Императорский пенсионный устав], но этого прихода не коснутся, вероятно потому, что он был в числе благополучных в сравнении с другими.

В «Сведениях о приходе и причте церкви села Николо-Замошья» указывается, что всего в благочинии было 16 приходов, только в четырех число душ превышало две тысячи: в Рожалове, Станилове, Николо-Замошье и Верхне-Никульском. Приходы в Мологском и Мышкинском уездах Ярославской губернии были большими, как и во всей центральной России (таблицы 1 и 3), население в них неуклонно увеличивалось. В 1891 году число «душ» на один двор оказалось самым большим — более 7.

Две церкви, построенные «тщанием прихожан» существовали до 1932 года, а когда началось строительство нового поселения Новый Некоуз, было решено убрать летнюю церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Благодаря фотографиям первого внука священника Димитрия — Владимира Николаевича Изюмова, мы можем видеть, какой красивой она была.

Зимняя церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери позже была освящена во имя Богоявления Господня¹¹.

Интересна история постройки зимней церкви, о которой можно узнать из «Обозрения епископом Ионафаном Ярославской епархии 1881 года» рассказанная в книге¹². Епископ Ионафан неоднократно упоминается в Молитвослове священника Димитрия (Вознесенского). Владыка возглавил Ярославскую кафедру в 1877 году [год окончания ЯДС Димитрием и определения во псаломщика в родном приходе], несколько раз путешествовал по уездам для ознакомления с епархией и ее паствой. Будучи в Мологском уезде, посетил и данный приход. В своем обозрении епископ и рассказал о деятельности дочери помещика из соседней деревни Суловка (в 2,5-ой верстах от церкви), прихожанки церкви Иулиании Николаевны Львовой. Она отказалась от личной жизни ради служения церкви, была выбрана прихожанами для завершения строительства зимней церкви после смерти главного ее строителя, вложила из доставшегося ей наследства большую сумму денег — более 10 000 рублей.

Она была очень уважаемой прихожанкой: о. Димитрий упоминает ее в своем Молитвослове, и это одна из первых записей, открывающих Месяцеслов (стр.120).

В других записях священник указывает дату смерти и похорон, называет ее матерью Иулианией Николаевной:

¹¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3130. Л. 26.

¹² Храмы и монастыри Ярославской земли: Углич, Большое Село, Мышкин, Некоуз, Брейтово / В. И. Ерохин, А. В. Михайлов, О. Б. Карсаков и др. ; Под общ. ред. В. В. Горошниковой. — Рыбинск: Медиарост, 2014.

Летняя церковь (1807 г.) во имя Успения Пресвятой Богородицы. Начало разрушения в 1932 г. (из фотоальбома старшего внука о. Димитрия Владимира Николаевича Изюмова)

Церковь Богоявления Господня (с южной, «Угличской» стороны)

Первая страница Месецеслова (в Иерейском Молитвослове) с упоминанием Иулиании Николаевны Львовой, прихожанки и строительницы зимней церкви Богоявления господня в селе Николо-Замошье Мологского уезда

«4 августа 1912 г. Ум[ерла] Иулиания Ник[олаевна] Львова»;

«6 августа. 1912 г. Хоронили Иулианию Николаевну»;

«12 сентября. Година по мат[ери] Иулиании Ник[олаевне]».

Еще одно важное дело, видимо, не обошлось без Иулиании Львовой. В начале нового XX века возникает необходимость в переустройстве колокольни зимней церкви. «Решение о строительстве колокольни было принято при самом непосредственном участии о. Димитрия», по воспоминаниям потомков священному-

Страница «Ведомости о церкви» за 1909 г. (о переустройстве колокольни)

ченика. Вероятно, мать Иулиания была в курсе переустройства колокольни, она умерла через три года — в 1912 году.

До 1891 года растёт число душ, приходящихся на двор, а потом резко падает (см. Таблицу 1). И все же приход выделялся среди других этого же благочиния, для сравнения выбран 1883 год — средний по данным (см. Таблицу 2).

«По епархиям средняя численность православно-го населения на один храм колебалась от 625 жителей (Архангельская епархия) до 4382 (Ставропольская), причем лишь в 17 епархиях наблюдалась опережающая динамика роста числа церквей по отношению к росту численности населения (в Уфимской, Пермской, Вятской, Казанской, Таврической, Ярославской, Петроградской, Рижской, Могилевской, Минской, Астраханской,

Таблица 2. Сравнение приходов одного благочиния за 1883 г.

Села	Всего дворов	Число душ		Всего Душ	Среднее число душ на двор	Причит
		Мужского	Женского			
Нового	212	536	672	1208	5,7	3
Колегаева	228	656	786	1442	6,3	3
Рожалова	388	1132	1357	2489	6.4	3
Бекрень	193	596	667	1263	6,5	3
Парфеньева	292	686	842	1528	5,2	2
*Красное, что на Сити	212	536	672	1208	5,7	2
Станилова	375	1152	1382	2534	6,7	2
Правдина	286	624	831	1455	5,1	2
Некоуз	216	511	746	1257	5,8	3
Николо-Замошье	456	1095	1452	2547	5,6	4
Дмитриевского	221	571	706	1277	5,8	2
Спасского, что на Ильди	312	851	959	1810	5,8	4
Марьина	253	592	673	1265	5	3
Верхненикульского	380	911	1134	2045	5.4	4
Космодамианской	216	513	618	1131	5.2	2
Сасыева	225	594	656	1250	5,5	2
среднее						5,7

Таблица 3. Статистика [6] соотношение церквей, клириков и прихожан по России

Год	Церквей Часовен	Клирики	Численность православного населения	Соотношение церквoвъ: клирики: прихожане
1907	51413 20113	106624	91 704 580	1 : 2,07 : 1783
1910	53097 21641	109992	95 367 996	1 : 2,07 : 1796
К.1914-Н.1915	54174 23593	112629	98 363 874	1 : 2,079 : 1816

Таблица 4. Увеличение народонаселения Европы

Страна	Увеличение народонаселения Германии, Франции и России		Прирост населения
Германия	41 059 000/декабрь 1871	до 46,856,000/ к 1886 г.	5, 797 000
Франция	от 36,103,000 в 1878 году	до 38,219,000/ к 1886 г.	2, 116 000
Вместе	77 ,162, 000	85,075,000	7, 913 000
Россия	73,721,000 с 1871 г.	до 88,283,000/ к 1884 г.	14, 562 000

Донской, Якутской, Туркестанской, Тобольской, Иркутской и Забайкальской)»¹³. (См. Таблицу 3).

Сравнение увеличения народонаселения трех стран подтверждает стремительный рост России этого же периода времени (Таблица 4)¹⁴.

По численности населения Германия и Франция вместе взятые в начальный период сравнения к 1871 г. превосходили Россию, а уже к 1884 г. в России прирост народонаселения увеличился почти вдвое.

В 1890 г. по Российской империи среднее число приходов в епархиях на одну церковь составляло 1793, в 1915 году возросло до 2012, несмотря на военные действия. По разным приходам эта цифра менялась от самой маленькой в Архангельской губернии — 625, до 4382 в Ставропольской [возглавлял епархию в этот период епископ Агафодор].

В Николо-Замошском приходе 2-го благочиния Мологского уезда (Ярославская епархия) эта цифра за 1883 г. была выше средней — 2547 (см. Таблицу 1).

Доходы членов причта напрямую зависели от величины прихода. «Сею землю владеют сами Священноцерковнослужители, обрабатывая оную собственным тщанием, и об ней никакого дела не производилось и не производится. <...> На содержании Священноцерковнослужителей постоянного оклада не получается, а содержатся они собственными доходами от прихожан, и выгодами от земледелия получаемыми, и содержание их нескучно» (1854 г.).

¹³ <http://sdsmp.ru/news/n7347/> Иерей Петр Украинцев/Реформы и сельское духовенство в конце XIX– начале XX века.

¹⁴ «Ярославские Епархиальные Ведомости», 1888, часть неоф., с. 590.

Зато земля считалась «скудной», леса не было. Поэтому от способа ведения сельского хозяйства, от погодных условий и др. факторов зависели урожаи. «Периодические неурожаи были большим несчастьем для прихода [Воскресенского, Агафодор]¹⁵», вероятно, такая же ситуация была и в соседних приходах Мологского уезда, в том числе и в Николо-Замошском.

Поскольку земля была главным подспорьем в жизни сельского духовенства и мирян, вероятно, поэтому в программы духовных семинарий, в которых проходили курс обучения большинство будущих священников и дьяконов, кроме специальных дисциплин, свойственных духовному образованию: «В 1830—1850-х гг. <...> были введены новые предметы: медицина, сельское хозяйство, естественная история, миссионерские науки и др.»¹⁶. При изучении сельского хозяйства, обучающиеся проходили и практический курс, что было очень важно для обустройства жизни своих семей в сельских приходах.

Земли Мологского уезда для получения хороших урожаев засевали только элитным зерном, которое заказывали за границей, как вспоминал Дмитрий Николаевич Изюмов. Это тоже было заботой церкви, как и в селе Лацком¹⁷, и в Воскресенском приходе Мышкинского

¹⁵ Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание /Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В. В. Швецова. Ярославль, 2004. С. 94.

¹⁶ <https://yarwiki.ru/article/1080/yaroslavskaya-duhovnaya-seminariya> Ярославская духовная семинария, М. Ю. Тимченко.

¹⁷ Священномученик Николай Любомудров. Повесть-хроника. Документы. Исследования / Сост. А. М. Любомудров. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2014 / — 464 с.

уезда. Территориально эти приходы были очень близки, а, следовательно, и условия для ведения сельского хозяйства практически одинаковы.

В начале и середине XIX века члены причта жили в собственных домах, хотя и построенных на церковной земле. Это создавало церкви трудности при замещении вакансий уходящих за штат или умерших на службе священников другими, назначаемых Консistorией. В такой ситуации было заложено противоречие: с одной стороны, приезжие церковнослужители вынуждены были снимать квартиры, а, с другой стороны, «вдовствующие и сиротствующие» должны были уходить из домов, принадлежавших церкви. («Оставшись после смерти отца шести недель, он [Павел Преображенский, «сын дьячка церкви села Спасского на Мяксе, Пошехонского уезда, Флегонта Ивановича Преображенского»] до поступления в училище проживал с матерью своею Авдотьей Ивановною кой-где у родственников».

В Клировой ведомости 1877 года указано, что «Домы у Священника и Дякона церковные, а прочие живут в собственных домах». В ведомости 1883 года читаем, что «Дом священника стоимостью 1500 руб. построен в 1874 году на средства прихожан; другой для дьякона стоимостью в 900 руб. построен строительницею церкви крестьянкой-девицей деревни Сусловка Ульяной [Иулианией] Львовой в 1875 году на собственные средства и жертвования церковным старостой Павлом Дмитриевым в количестве 250 рублей из собственных средств; со дня постройки — собственность церкви. 3-й дом, в котором помещается сторож, просфорня [Агриппена Богословская] и церковный староста стоимостью в 1200 рублей построен в 1871 году крестьянином Кар-

пом Лукиным на собственные средства и соответствующие постройки — собственность церкви» (1883 г.). Служители церкви стремились иметь собственные дома, чтобы обеспечить в будущем жильем своих наследников, особенно одиноких наследниц.

В 1909 году «Здания, принадлежащая церкви: каменная ограда вокруг летней церкви [с ее разборки на кирпичи началось разрушение церкви в 1932 г., стр. 118] и железная вокруг зимней церкви; пять деревянных домов: для священника, дьякона, псаломщика, сторожа, школа и деревянный амбар». Село постепенно росло.

Большой заботой церковнослужителей было собственное будущее после выхода за штат, а также благосостояние семей, остающихся в случае неожиданной смерти кормильца «сиротствующих»: вдов и детей. С 1866 года в России действовал¹⁸ временный пенсионный устав для духовенства (таблица 5). Срок служения для получения пенсии был определен в 35 лет для священников, что позволяло получить для дьяконов — 65 рублей, а вдовам — примерно ½ пенсии умершего священника или дьякона, а остальным пенсия и вовсе не полагалась.

Только в 1889 г. для обеспечения увольняемых за штат священнослужителей архиепископ Ионафан основал эмеритальную кассу¹⁹ (прообраз будущего пенсионного фонда) за год до нового пенсионного устава 1900 г. В нее архиепископ лично пожертвовал 1 тысячу рублей.

¹⁸ <http://sdsmpr.ru/news/n7347/> Иерей Петр Украинцев/Реформы и сельское духовенство в конце XIX–начале XX века.

¹⁹ <http://drevo-info.ru/articles/12257.html> /Ионафан (Руднев).

Таблица 5. Финансовое обеспечение духовенства

Пенсионный устав, год	Срок службы для получения пенсии	Кому	Сколько руб/год
1866 г., временный		Священники Вдовы	130 65-90
		Диакон Вдовы	65 40-50
		Остальным пенсии не полагались	
1900 г.,	20-30 лет		1/3 полного оклада
Императорский пенсионный Устав	30-35		1/2 оклада
	> 35 лет		Полный оклад
		Священник	500, 400, 300 руб.
		Диаконы	200 рублей
		Диаконам и псаломщикам	100 рублей
	А также	Ушедшим на покой клирикам, их семьям; умершим и не дослужившим до пенсионного возраста	

После смерти отца семья Павла Вознесенского, прослужившего всего лишь 14 лет, оказалась в крайне тяжелом положении. Но резолюцией Преосвященного Нила Димитрию Вознесенскому, ученику «бываго Борисоглебского училища нисшаго класса» была предоставлена пономарская вакансия в родном приходе с правом иметь наймита, а вдове разрешено пользование общими доходами и землею. Пенсия не полагалась. В Молитвослове появилась запись: «1867 г. назначен в пономаря. Упокой Господи!». Эта резолюция дала возможность Димитрию не только продолжить учебу в училище, но также затем поступить в ЯДС, а после «увольнения» из ЯДС в 1877 году уже в качестве псаломщика служить в церкви родного села, помогать младшим членам семьи. А пока в августовском месяцеслове появляется запись: «1877 г. определен во псаломщика Его Высокопреосвященством Ионафаном 4 августа».

В 1877 году вдове Павла Вознесенского Елизавете Петровне — 49 лет; в 4-ом классе Угличского Духовного училища учится 15-летний сын Александр, получающий пособие в 30 рублей; дочерям Елизавете — 19 лет, Сусанне — 17 лет, Марии — 12 лет и Параскеве — 10 лет. Семья большая, просфорница Агрипена (дочь деда Димитрия), видимо, после смерти своей матери переезжает в церковную сторожку. Сестры ее получают пособие из Мологского попечительства. В ведомости за 1909 г. указывается наличие местного попечительства.

С 27 ноября 1873 г. священником этого храма определен Василий Михайлович Троицкий, сменивший умершего 18 ноября этого года священника Александра Селецкого [отмечен в месяцеслове], с которым около трех лет служил пономарем Павел Вознесенский, отец Димитрия.

Священник Василий Троицкий ушел за штат в 1891 году, уступив место своему зятю, о. Сергию Розову. С этим священником, о. Сергием Розовым, Димитрий Вознесенский служил в родной церкви сначала дьяконом, а с 1910 года и до дня трагических октябрьских событий 1918 года — в качестве священника.

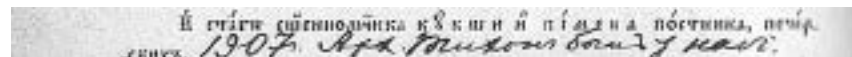
Лишь в 1891 году у дьякона Димитрия Вознесенского появился «собственный дом, купленный у псаломщика Успенского». Вероятно, этот дом находился южнее церкви, в тогдашней местной «Поповке», по рассказу Дмитрия Николаевича Изюмова. Сейчас это место называется Новая Рёжа, сюда переселились со своими домами некоторые жители затопленных деревень, в том числе из Б. Рёжи Мологского уезда, а священно- и церковнослужители стали строиться непосредственно у церкви.

После посещения прихода архиепископом Тихоном 27 августа 1907 года уже через три дня появилась в Молитвослове новая краткая запись, возможно, что о. Димитрий получил от архиепископа Тихона благословение на строительство дома около церкви Богоявления Господня, летняя, находилась через дорогу.

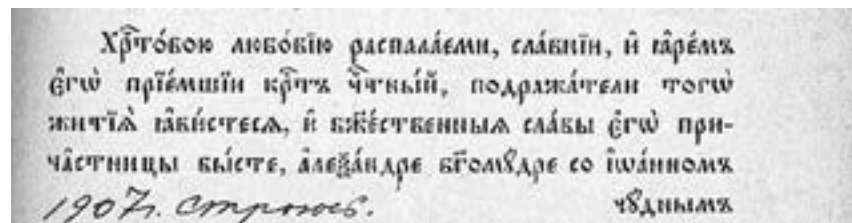
Как жилось сельскому причту во второй половине XIX и начале XX века?

Еще раз отметим, что жалованье причту не полагалось, но в поздних клировых ведомостях такая строка появилась: «7. Жалованья положено:» а между словами вручную вписывалось «7. Жалованья «не» положено»²⁰. До 1910 г. число членов причта оставалось равным трем-четырем (по действующим на то время указам),

²⁰ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5337. Л. 217.

Запись в Молитвослове о посещении прихода архиепископом Тихоном (27 августа 1907 г.)

Запись в Молитвослове о строительстве дома (30 августа 1907 г.)

а в 1910 г. причт увеличился до пяти — два священника, диакон и два псаломщика. Это был особенный год для дьякона Димитрия. Он был рукоположен во священника.

В 1883 году общие доходы причта («настоятель, диакон на псаломщической вакансии [Димитрий Вознесенский] и исправляющий должность псаломщика») составляли 1500 рублей и складывались «а) с требоисправлений, б) 43 % от пожертвованных капиталов, в) из выгод от занятия земледелием». В 1891 г. «причт [священник, диакон и псаломщик] содержится доходами за требоисправление в количестве 1600 рублей (арендных статей нет), процентами с пожертвованных капиталов и земледелием».

Постепенно доходы за требоисправление растут, и в 1909 г. достигают 2000 рублей, («а всего причтовых капиталов — 103853 р.03 к. С означенных капиталов причт получает % 5085 р. 69 к. <...> Дома удобны, застрахованы в Ярославском земстве. Дом священника

в 1800 руб., диакона в 275 руб., псаломщика 170 руб. Квартира священника оценена в 60 руб., диакона в 40 руб., псаломщика в 36 руб.»).

В 1912 году кружечные доходы составляют 4243 руб. 45 коп. Есть и «другие источники содержания членов причта и количество поступающего к ним дохода: имеется капитал, с коего получается % 5160 р. 17 коп. Всего 8000 руб.; из них священники получают по 2400 руб., диакон — 1600 р., псаломщики по 800 рублей». Заметна разница доходов между разными членами причта, а количество опекаемых, видимо, не влияло на величину дохода.

По этой причине 1-й священник Николо-Замошской церкви С. Розов в рапорте [Приложение 2] просит оставить число членов причта в составе, бывшем до 1910 года, когда после известного выигрыша в 200 т. рублей появилась вторая вакансия священника. Просьба его не была удовлетворена, а времена круто изменились, и вскоре церковь оказалась по новым советским декретам²¹ вообще без собственности (см. Приложение 5, п. 13).

* * *

Грамотность в Ярославской губернии считалась относительно высокой, но все же около половины мужского населения было неграмотно, а неграмотность женщин

²¹ Декреты Советской власти. 1959 г. Том 2. С. 35. Также см.: Постановление о закрытии кредитов специальных средств (так называемых церковных сумм) в пользу казны и зачислении остатков этих сумм в доход казны 30 марта. Там же, с. 208.

Книга и страница книги Ю.С. Мусабекова, 1959 г

достигала 76%. «Образование выше начального было у 2% мужчин и 1,1% женщин»²².

Духовенство было самой образованной прослойкой общества.

Начальное образование в Николо-Замошском приходе существовало с давних пор. По ведомости за 1909 г., земская школа существовала с 1 октября 1776 г., а церковно-приходская — с 26 ноября 1891 г. Роль духовенства в обучении грамоте детей в Ярославской Епархии трудно переоценить. Высокая оценка этой работе была дана в отчете Ярославской Епархии²³: «... сколь желательно и необходимо для успеха дела, <...> чтобы <...> духовенство неослабным усердием

²² <https://studfiles.net/preview/3349995/> Марасанова Виктория Михайловна, Саблина Анна Александровна /Ярославский край в XIX веке.

²³ «Ярославские епархиальные ведомости». 1888 г. С. 27–32.

продолжало нести и усугубляло труды по исполнению обязанностей учителей и наставников народа, распространяя в населенных местах, вместе с грамотностью, ясное разумение божественных истин учения Христова, нравственного и гражданского долга. <...> Стоя близко к народу, духовенство наше искони, в силу пастырских обязанностей, служило делу народного образования и безкорыстная, в течение многих веков, деятельность его на этом поприще сколько оценена по достоинству Правительством, столько же и несомненна». Подтверждением этих слов может служить судьба выходца Рыбинского уезда, знаменитого химика Михаила Ивановича Коновалова.

Из книги Ю. С. Мусабекова, известного ярославского химика-историка²⁴: «Пяти лет мальчик выучился русской и славянской грамоте и вскоре часами читал матери псалтырь и другие религиозные книги». Книжки он находил на чердаке своего дома, а грамоте выучился знакомый дьячок. Он родился в ноябре 1858 года, т.е. 160 лет назад в деревне Будихино Рыбинского уезда Ярославской губернии. Десятилетним был увезен в г. Рыбинск помогать старшим братьям в трактире, который они там содержали. «Бегая по Рыбинску с разными поручениями, Миша не раз останавливался у здания уездного училища <...> желание учиться не давало мальчику покоя, Анна Петровна [мать], узнав об этом, наказала старшим сыновьям устроить Мишу в школу». А дальше — Ярославская гимназия, Московский

²⁴ Мусабеков Ю. С. Михаил Иванович Коновалов [Химик]. Ярославль. Кн. Изд., 1959 (Из серии «Наши выдающиеся земляки»).

университет, служба в родном университете на кафедре своего учителя выдающегося химика-органика В. В. Марковникова. В 1893 году Михаил Иванович защищает докторскую диссертацию, по теме открытой им реакции, до сих пор известной как реакция Коновалова. В 1896 г. он избирается профессором Московского сельскохозяйственного института, а в 1899 году переезжает в Киев. Здесь он — профессор, декан, директор строящегося Киевского Политехнического Института, но в 1906 году Михаил Иванович трагически погибает при осмотре строившейся под его наблюдением канализационно-очистительной станции, 48-ми лет... Похоронен на одном из Киевских кладбищ. В воспоминаниях о нем всегда подчеркивается его «набожность», доброта, высокие моральные качества. «Настоятель» — так обращались к нему друзья.

В 1904–1905 учебном году была открыта новая церковно-приходская школа — двухклассная, в которой обучалось 197 человек, из них 100 мальчиков и 97 девочек. Вновь земская школа была открыта 5 ноября 1912 г. в деревне Брусово Мышкинского уезда.

До 10–12 лет дети духовенства чаще всего имели домашнее образование, а затем мальчики получали образование в уездных духовных училищах. Девочек обучали «читать/писать» дома и иногда на этом их образование заканчивалось.

Как и во всем Мологском уезде, в «Николо-Замошенском» приходе служили священники с семинарским образованием (ЯДС); низшие клирики также имели духовное образование: дьяконы чаще всего — семинарское, пономари и псаломщики — из духовных училищ, были и выпускники певческого Ярославского училища.

Начавшиеся до и после отмены крепостного права реформы в образовании затронули как светское, так и духовное образование; были открыты женские гимназии: в Ярославле — в 1861 и 1867 гг., в Рыбинске (1861 г.). Одно из заметных явлений в женском духовном образовании — создание в Ярославле Архиепископом Ионафаном епархиального женского училища, в которое отдавали на учебу своих дочерей многие священники: «1 окт. 1881 г. было открыто женское епархиальное училище (с 6-летним сроком обучения), которое готовило учительниц для земских и церковноприходских школ. Позже при училище были устроены больница и образцовая школа». Довольно скоро училище стало называться Ионафановским, а воспитанницы «Ионафанками». <...> «к юбилею архиерея по ходатайству ярославского духовенства это имя по Высочайшему соизволению от 13 нояб[ря] 1893 г. было присвоено уч[или]щу официально²⁵ Попечением архиепископа Ионафана были обустроены также Ростовское и Угличское духовные училища.

В 1883 г. дочь пономаря Павла Вознесенского «Параскева, 16-ти лет, обучается в IV классе Рыбинской женской гимназии на средства Покровского братства», а брат «Александр, 21 года, обучается в Ярославской духовной Семинарии V класса на казенном содержании» (последний год обучения).

Так как духовные училища готовили мальчиков только для службы в церквях и не давали права на поступление в обычные гимназии, некоторые сельские священники отпускали своих детей учиться в учебные

заведения иного типа. Семьи священников Николо-Замошского прихода В. Троицкого и его преемника, зятя С. Розова, были многодетные, образование детей в этих семьях было большой заботой глав семейств. Сам священник Василий Троицкий, служивший в Николо-Замощье с 1873 года, состоял на должности законоучителя в «Николо-Замошенском» народном училище. Его дети в 1883 г. обучались: «Александр (23 лет) обучается в Московской духовной Академии на 2 курсе на казенном содержании; Дмитрий (17 лет) обучается в IV классе Ярославской духовной Семинарии, на содержании отца. Ольга (15 лет) обучается в V классе Ярославской женской Гимназии на содержании отца. Катерина (13 лет) обучается во II классе училища девиц духовного звания в Ярославле на содержании отца. Петр (10 лет) обучается в Приходской школе». Учителем Николо-Замошенского училища становится в 1883 г. сын Сергей, 21 года, после окончания Ярославской духовной Семинарии.

Внуки Василия Михайловича, дети о. Сергия Розова проходят обучение также в разных учебных заведениях. По клировым сведениям 1912 г., Александра (1894 г., 22 окт.) обучается в VIII классе Рыбинской женской гимназии, Николай (1896 г., 26 апреля) обучается в VI классе Рыбинской мужской гимназии, Василий (1898 г., 12 ноября.) обучается в III классе Ростовского Духовного училища, все на содержании отца. В местной церковно-приходской школе учатся младшие: Петр и Антонина (1902 г., 24 мая). Семья многодетная. Есть еще Юлия (1905 г., 7 ноября) и Константин (1910 г., 8 декабря), которым еще только предстоит учиться. Позиция священников по отношению к месту учебы сыновей клириков была различна и иногда доходила до крайностей.

²⁵ <http://drevo-info.ru/articles/12257.html/>

Рыбинск. Здание бывшей Мариинской женской гимназии

«Когда в консистории поставили вопрос о присвоении иерею Н.И. Любомудрову сана протоиерея, Дьяконов [брат жены Н.И.], будучи членом консистории, категорически воспротивился этому, сказав: “Чего стоит, что ни один из сыновей не учится в духовных школах!”»²⁶.

Полученное в женских гимназиях образование давало право на работу учительницей в сельских приходах, и многие дочери из семей духовенства возвращались в свои приходы в этом качестве. В Рыбинской Мариинской женской гимназии училась Ольга Вознесенская, а с 1903 г. была там и классной надзирательницей²⁷ — до отъезда в Москву на Высшие Женские курсы, как и другие выпускницы этой гимназии.

²⁶ «Ярославские Епархиальные Ведомости», 1888, часть неоф., С.177.

²⁷ Галина Михайлова. Разбирая поблекшие карточки/ «Угличе поле». 2015 г., № 26.

В 1909 г. в церковно-приходской школе с. Николо-Замостье учительницами были Велтисова Елизавета Павлов[н]а, 28 лет, дочь священника, и после окончания курса Ионафановского женского училища пришли работать Вера Николаевна Розова, 24 лет, дочь священника, кончившая курс в 1905 г., а также Мария Павлова Виноградова, 30 лет, дочь священника, учительствовавшая с 1895 г.

Учитель Михаил Дмитриев Семеновский, сын священника, 21 года, пришел после окончания ЯДС в 1909 г.

Заметно, что детей духовенства в это время всё больше привлекает университетское и техническое образование, число их в этих учебных заведениях постепенно растет (см. Таблицу 6)²⁸.

Таблица 6. Контингент детей духовенства в высших учебных заведениях России.

Год	Дети духовенства, обучающиеся в	
	Университетах	Высших технических Учебных заведениях
1900	3428 / 9,4 %	108 / 2,1 %
1914	3677 / 10,3 %	232 / 2,4 %

В отчете Св. Синода за 1911–1912 гг. сказано: «очень многие из преосвященных отмечают в своих отчетах, что многие воспитанники семинарии уходят в сторону от пастырства»²⁹. Это была проблема наступавшего нового времени, нового века.

²⁸ <http://sdsmp.ru/news/n7347/> Иерей Петр Украинцев/Реформы и сельское духовенство в конце XIX- начале XX века.

²⁹ Священномученик Николай Любомудров. Повесть-хроника. Документы. Исследования / Сост. А.М. Любомудров. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2014 / — с. 177.

* * *

Приходские дети обучались в земской и церковно-приходской школах. Их содержание возлагалось как на церковь, так и на причт: например, в 1891 г. по «34 рубля 50 копеек вносит церковь и столько причт». Обучение также было предметом благотворительности состоятельных прихожан. Учителями определяли членов причта от священника до псаломщика, так как все они, как правило, имели необходимое духовное образование (см. Таблицу 7)³⁰.

Таблица 7. Образованность духовенства в XX веке по Ярославской епархии, 1914 г.

Священники, всего	1039
Академическое образование	22
Семинарское	931
Не получившие образование	86 (8,3 %)

В период с 26 ноября 1891 г. по 9 декабря 1896 г. о. Димитрий 5 лет состоит учителем церковно-приходской школы, но «по прошению освобожден с обязательством платить учителю школы 36 руб. в год»³¹.

Позже, уже священником, о. Димитрий вновь вернется к учительству: с 9 ноября 1911 года будет вторым законоучителем при местной двухклассной церковно-приходской школы³².

³⁰ <http://sdsmp.ru/news/n7347/> Иерей Петр Украинцев/Реформы и сельское духовенство в конце XIX – начале XX века.

³¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Л. 5097. Л. 251 об.

³² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Дд. 5337, Л. 221 об.

К обучению приходских детей был привлечен и псаломщик Сергей Алексеевич Толокнов, который в 1905 году окончил Ярославскую церковно-певческую школу, учрежденную архиепископом Ионафаном. В 1912 г. он был определен учителем пения в местную двухклассную церковно-приходскую школу. А вот учительница рукодельного класса Евдокия Дмитриевна Красносельская, личная почетная гражданка, 37 лет, учительствовавшая с 1902 г., из духовного звания, имела только домашнее образование.

Учителем сельской школы с сентября 1876 г. состоял Иван Васильевич Розов, сын священника (22 лет, после окончания ЯДС), а его помощником был брат Сергей (23 лет, после окончания ЯДС в 1877 году).

В 1883 году учителем Николо-Замошского народного училища был сын священника В. М. Троицкого Сергей (21 года, после окончания ЯДС). Помощником учителя был сын солдата Николай Никанорович Иванов (24 лет, после окончания учительской Новинской семинарии).

* * *

Заметным явлением Мологского уезда стало развитие библиотечного дела в приходах. Здесь были открыты библиотеки-читальни, которые стали очагами культуры и просвещения населения. Заведующим церковно-приходской библиотекой в селе Николо-Замошье с 1899 года был священник Сергей Розов. В 1912 году в церковной библиотеке для чтения насчитывалось уже 500 томов книг, а для церковного круга имелась отдельная библиотека с «надлежащими» книгами.

Создание такой же библиотеки в селе Лацком подробно описано с указанием трудностей, которые возникали при ее создании³³, вероятно, эти трудности были общими. Шесть лет Николай Иванович Любомудров занимался организацией библиотеки, торжественное открытие которой состоялось 6 сентября 1897 г. О создании библиотеки для общего чтения, но не только церковной библиотеки для клира, рассказывает в своем обозрении и священник села Воскресенского, что на Нелединщине³⁴.

* * *

Особого внимания заслуживает список регентов и псаломщиков, исполнявших обязанности регента Николо-Замошской церкви за 10 лет — с 1907 по 1917 годы. Этот список составлен исследователем истории Русской Православной Церкви в XX веке Наталией Викторовной Жестковой совместно с бывшим регентом Федоровского собора г. Ярославля Людмилой Александровной Зуммер.

- «1. Псаломщик А.Н. Софийский — 1907-1909 г.
2. *Велтистова Анна Павловна — 1898 г., (запись зачеркнута)
3. Семеновский Михаил Дмитриевич — 1910 г.

³³ Священномученик Николай Любомудров. Повесть-хроника. Документы. Исследования / Сост. А.М. Любомудров. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2014. С. 86.

³⁴ Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание / Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В.В. Швецова. Ярославль, 2004. С. 34–36.

4. Толокнов Сергей А. — 1911 г. [окончил Ярославскую певческую школу в 1905 г.]
5. Усатюк Захарий (?) г. — 1914 г., (запись зачеркнута)
6. Псаломщик Дьяконов Д.А. — 1915 г.
7. Псаломщик Усатюк З.Г. — 1914, 1917 г.
8. Псаломщик Андреев М.А. — 1922 март по ноябрь.
9. *Диакон Усатюк З.Г. — с ноября 1922 г.
10. Псаломщик Фавстов А.И. — с марта 1923 г.
11. Псаломщик Виноградов Ф.Н. с 1 дек. 1923 г. по 25.03. 1925 г.
12. Псаломщик Гастев П.В. с 1 сент. 1925 г.
13. Наградов В.А.».

*Велтистова Анна Павловна — двоюродная сестра прабабушки Н. В. Жестковой, Хариессы. Наталии Викторовне было точно известно, что ее родной брат Николай Велтистов был регентом в Рыбинске. Анна Павловна могла быть и учительницей церковно-приходской школы, и регентом.

В книге «Все мы — Христовы» (стр. 186-187), есть публикация о Велтистовой Елизавете Павловне, псаломщице. О ней сказано: «Кончила курс учения в Ионафановском женском училище в 1898 году. В том же году 27 августа определена на настоящее место».

*Усатюк Захарий Григорьевич, диакон. (Из сведений, собранных Н. В. Жестковой): «Родился в 1884 году в Киевской губернии в крестьянской семье. Получил низшее образование. В Ярославскую епархию приехал вместе с архиепископом Ярославским и Ростовским Сергием (Ланиным) в декабре 1903 года из Москвы в качестве его келейника. С 1910 года начал служить псаломщиком в селе Николо-Замошье Мологского уезда (как раз в тот момент, когда о. Димитрий из диакона был

*Наталия Викторовна Жесткова, 13 августа, 2013 г.,
поезд Рыбинск-Некоуз*

рукоположен во священника), служил там до 1922 года. В 1918 году во время крестьянского восстания священник села Николо-Замошье Димитрий Вознесенский служил по просьбе жителей молебн «об умножении любви, искоренении ненависти и всякия злобы». В молебне принимал участие и псаломщик Усатюк [см. Приложения 2 и 3].

В деле Захария Усатюка, кстати, сказано, что молебен был в самом селе Николо-Замошье, на площади, «со слов свидетелей обвинения».

В клировой ведомости 1914 г. о псаломщике Усатюке З. Г. сказано: «Окончил курс Ярославской церковно-певческой школы в 1903-м году. Состоял письмоводителем канцелярии Епископов Рыбинского и Угличского (1901), с 1910 года 20 Марта Его Преосвященством Евсевием определен в псаломщика на настоящее место [церковь с. Николо-Замошье]. 1912 года

18 мая Его Преосвященством Сильвестром посвящен во стихарь»³⁵.

Через пять лет после определения во псаломщика Димитрий Вознесенский был «1882 года 6 июня рукоположен во диакона к той же церкви»³⁶. Несмотря на наличие Святейшего Синода, главным «управителем» Церкви является Его Императорское Величество, только его указы закрепляют действия церкви: даже утверждение рукоположения «во диакона» подтверждалось указом «Его Императорского Величества» (См. фото на стр. 152).

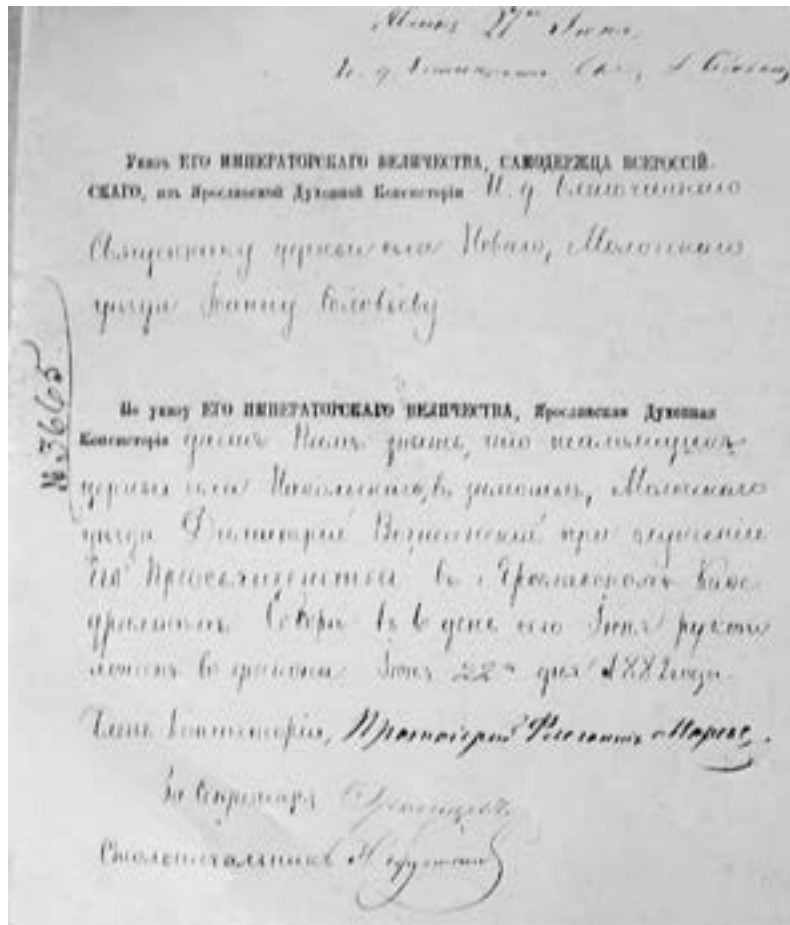
Наконец, появляется семья и у Димитрия Павловича: ему 27, жене — 20. Мария — дочь Павла Матвеев[ича] Вишнякова, священника церкви отдаленного села Бекрень³⁷, находящегося на границе Тверской губернии, но относящегося к благочинию Мологского уезда, как и приход Николо-Замошской церкви. Отец Марии был рукоположен архиепископом Нилом в 1855 году сразу на священническое место — после окончания в 1852 году курса семинарии.

Священник Павел Вишняков имел награды, в том числе почетную награду в память о войне 1853–1855–1856 гг. — бронзовый наперсный Крест на Владимирской Ленте, многодетен. В 1867 году его сын Александр Вишняков учится в Краснохолмском уездном училище, Марии всего 4 года. Младшие дети получают домашнее образование, учатся читать и писать, знают закон Божий. О 12-летней Марии также будет написано, что «читать/писать» умеет.

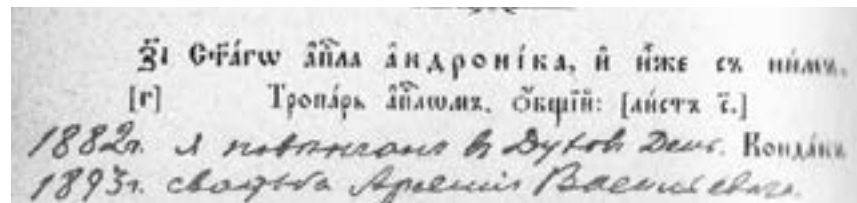
³⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5337. Л. 222.

³⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3552. Л. 68.

³⁷ ГАЯО. Ф. 230, оп. 2, Д. 2547. Л. 60 об.

Указ о рукоположении во диакона. Из архивных документов правнучки Ольги Борисовны Изюмовой

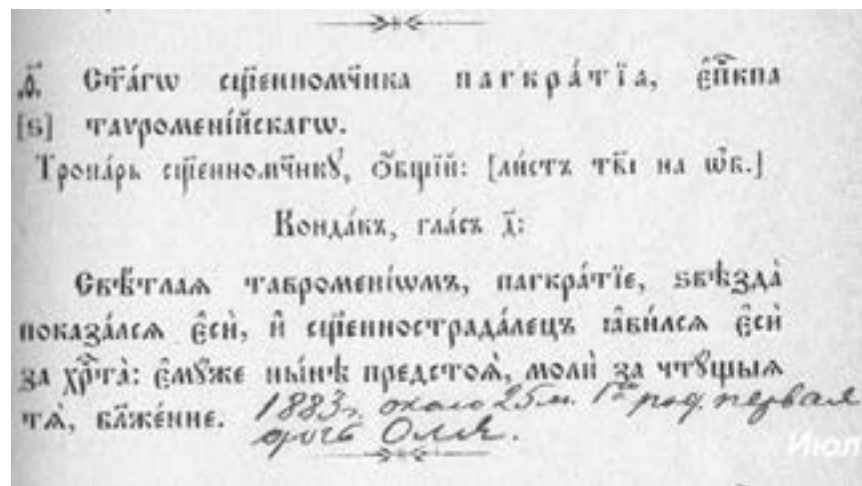
Запись в Молитвослове 17 мая 1882 года

После смерти священника 5 апреля 1889 г. П. Вишнякова его вдове Александре Андреевне назначили высшую пенсию — 65 рублей в год. Дочь Анна вышла замуж за мещанина г. Красный холм Тверской губернии, но овдовела и жила при матери, как и сестра-девица Александра, занимавшаяся печением просфор; сын Александр состоял на частной службе в г. Санкт-Петербурге, позже, овдовев, жительствовавал в Антоновском Мужском Монастыре Тверской епархии, имея свидетельство на Потомственное Почетное гражданство из Ярославской Духовной Консистории (от 2-го сентября 1875 г. за № 5228); Иоанн сначала пребывал на военной службе, а затем — на почтово-телеграфной в Санкт-Петербурге. Как и брат Александр, Николай имел свидетельство на потомственное Почетное Гражданство из Ярославской Духовной Консистории (4 марта 1895 г. за № 1532). После окончания Краснохолмского городского училища Николай служил учителем в школе грамоты в деревне Стяжки Бекренского прихода, позже был арестован по подозрению в политических выступлениях 1906 г., но оправдан судом³⁸; в 1909 году жил при матери в Бекренях. В этой семье ни один из сыновей не пошел по стопам отца.

В Молитвослове дьякона Димитрия Вознесенского с 1882 года появляются записи, в которых молодую супругу он называет не иначе как «Маша-жена».

Первый сын молодой семьи Павел умер во младенчестве. Рождение первой дочери Оли отмечено в Молитвослове, в записи — надежда и уверенность

³⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5097. Л. 185 об.

Запись в Месяцеслове о рождении дочери (1883 г., 9 июля)

в будущей большой семье. Потом рождаются близнецы Володя и Борис (1886 г.), которых успевают крестить, но счастье отца и мужа длится недолго — близнецы умирают в год рождения, а в промежутке между ними 4 декабря 1886 г. умирает и молодая жена (22 года), мать детей, — от скоротечной чахотки.

Начались самые трудные годы молодого дьякона, отягощенные такой же трагедией в семье младшего брата: смертью детей и жены (1889 г.).

В 1900 году дьякону потребовалась выписка для Рыбинской женской гимназии, в которой учится дочь. В своем «Послужном списке», который он берет из канцелярии Консistorии по требованию гимназии в связи с «акт[ом] в гимназии» (Молитвослов), он впервые знакомится с записью о наложенном еще в 1899 году на него взыскании, о котором он бы и не узнал, а взыскание серьезное:

«В 1899 году за оскорбление, нанесенное Благочинному <...> при исполнении благочиннических обязанностей резолюцией Его Высокопреосвященства от 4 февраля 1899 года запрещен в священнослужении и лишен рясоношения впредь до исправления, а резолюцией Его Высокопреосвященства от 16 марта того же года [через месяц], последовавшей на ходатайство Благочинного, означенное запрещение снято». (Из личного архива правнучки О. Б. Изюмовой).

Никакого отстранения не последовало, вероятно, проявил мудрость и священник С. Розов, не давший ход резолюции и не рассказавший об этом дьякону. Узнав о записи, дьякон начинает переписку с Ярославской Духовной Консistorией, но ничего не проясняется, — ответа нет, он пишет вновь, а в черновике следующего запроса в консistorию он приписывает 8 октября 1905 г.: «Ни слуху, ни духу. Точно я и не подавал никакого прошения — Ужели в самом деле не дошло?». Предыдущая записка дьякона Димитрия от 30 декабря 1904 г.: «Что ответит консistorия — интересно», но в отпуске в Санкт-Петербург ему отказано: он получает ответ за подписью все того же Благочинного. С 9 июля 1905 года Духовным Следователем 2-го Благочиннического округа Мологского края³⁹ был определен священник Николо-Замошской церкви Сергей Розов.

Политический кризис в России отразился неожиданным образом и на церкви: в начале XX века в Мологском и Мышкинском уездах злоумышленники взялись грабить храмы. О краже в церкви села Николо-Замошье

³⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5097. Л. 249 об.

Награды дочери, Ольги Вознесенской, ученицы 6 класса, 1900 год

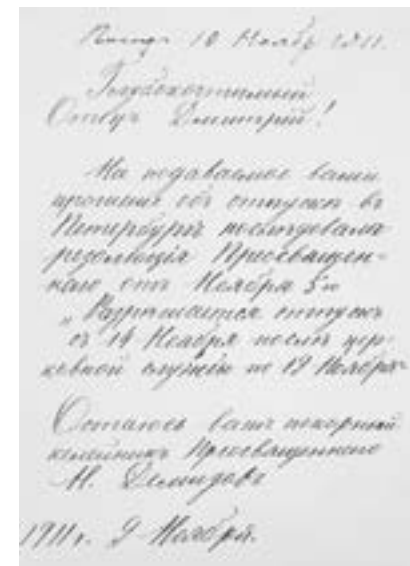
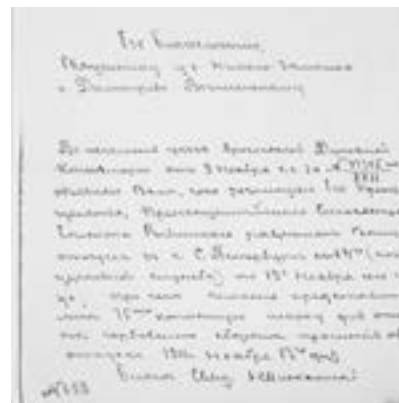
И вскоре жизнь священника Димитрия Вознесенского наполнилась новым содержанием: Оля вышла замуж в 1910 году, а сам он с 9 ноября 1911 года был назначен вторым законоучителем при местной двухклассной церковно-приходской школе.

С 14 по 19 ноября 1911 г. о. Димитрий получил разрешение на отпуск в Санкт-Петербург. Резолюцию наложил Преосвященный Сильвестр, епископ Рыбинский.

Следующий отпуск священник вновь провел в Северной столице:

«Резолюцией Его Преосвященства Сильвестра, епископа Рыбинского, был уволен в город С.-Петербург с 20-го по 23 Февраля 1912 г; явился из отпуска в срок».

Что же тянет священника в Санкт-Петербург? Ответ находим в его собственном Молитвослове.

Из Формулярной ведомости за 1911 год./Архив Ольги Борисовны Изюмовой (Москва, 2006 г.)

Священник присутствует на крестинах первого внука, а в 1916 году появляются записи о рождении второго внука.

Третий внук родится в июне 1919 г., но уже после гибели священника, и запись о его рождении в Молитвослове будет сделана другой рукой.

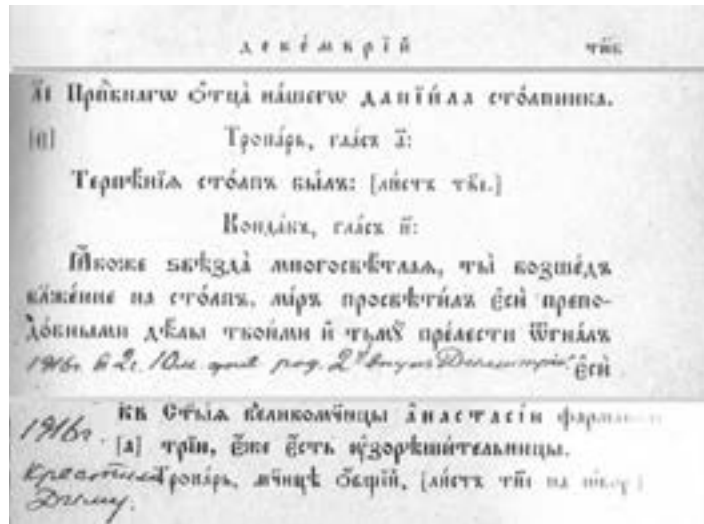
30 марта 1913 года, после трех лет служения священником, о. Димитрий был награжден набедренником⁴¹. В 1917 г. Благодинный Николай Алексинский утверждает его в звании духовника «во вверенном мне округе».

А в Молитвослове находим записи о повседневных заботах священника, о крестных ходах в приходе,

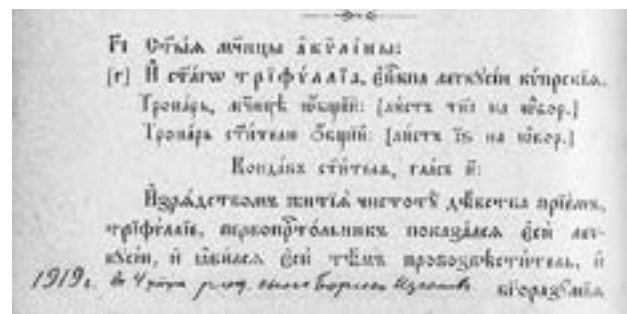
⁴¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5459. Л. 187 об.

Записи в Молитвослове о рождении первого внука Володи, 1912 год

Запись в Молитвослове о рождении и крестинах второго внука Димитрия, Декабрь 1916 год

Запись в Молитвослове о рождении сына Бориса, третьего внука священника Димитрия

«Определение Епархиального начальства», от 18 апреля 1917 г. о назначении духовником/Архив Ольги Борисовны Изюмовой

о службе на родине «Маши-Жены», в Бекренях, о других важных событиях (см. Таблица 8).

Записи о. Димитрия в Молитвослове о священно- и церковнослужителях прихода отличаются точностью приводимых дат, поэтому заслуживает доверия запись о смерти известного ярославского протоиерея П. Л. Ракобольского, казначея Ярославского отделения императорского Палестинского общества⁴² [14 сентября] «1914 г. умер протод[иакон]. П.Л. Ракобольский».

Жизнь налаживается, но впереди — революция. Что она несет священнику, семье дочери и Церкви?

Николай Петрович Изюмов был вынужден уехать из голодной северной столицы после революции,

⁴² <http://ros-vos.net/sr/rs/6/spisok/> Список долж. лиц Палестинского общества, в том числе Ярославский (открыт 10 апреля 1894 г.).

Таблица 8. Примеры записей некоторых событий в Месяцеслове

Месяц	Запись	Месяц	Запись
Май, 21	Ход в М. Фролове	Июнь, 20	Приходит икона Николая Чудотворца из Улеймы
Май, 31	Ход в Холопове	Июль, 24	Приходит икона Покрова Б[ожией] М[атери]
Июнь, 17	Ход в Мышкине	Ноябрь, 30	1910 г. служил обедню в Бекренях
		Декабрь, 7	1908 г., ум. о. Флегонт Морев
		Декабрь, 9	Память по арх[иепископу] Нилу 1908 г. умер о. Полиен [Благочинный]
Июнь, 23	Ход в Безсоновке	Февраль,	1912, Умер Николай, арх[иепископ] Японский
Июнь, 24	Ход в Коростелеве	Апрель, 9	1910 г. Хиротония еписк[опа] Сильвестра
Июнь, 25	Ход в Фефилове	Апрель, 15	1915 г. Умер в Кисловодске Прот[оиерей] Алексей Петр[ович] Малыцев
Июнь, 26	Ход в Гулебине и Созоновке	Апрель, 19	День ангела Ивана Наумовича Руднева [Ионафана]
		Июнь, 21	1874 г. ум[ер] арх[иепископ] Нил
Июнь, 29	Ход в Исакове	Август, 21	Родился Еп[ископ] Сильвестр, 1871 [Янв., 2] день ангела Еп. Сильвестра
Июль, 1	Ход в Логашине	Май, 21	1913 г. канонизация Патриарха Гермогена
Июль, 5	Ход в Старкове	Июль, 6	Препод[обного] Паисия, Углич[еское] Чудо

когда стали закрываться банки и издательства, перестала существовать церковная собственность, перешедшая в пользу государства (см. Приложение 5, п.п. 12, 13). Николай Петрович стал учителем немецкого языка в средней школе села Николо-Замошье — как выпускник Казанской духовной Академии (Курс XLVI) 1905 года, удостоенный степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. Опыт работы преподавателем Николай Петрович получил еще в 1906 году. Приехав в С.-Петербург для продолжения научной работы в Синодальном архиве, он нашел место преподавателя⁴³ в Екатерининской Женской Гимназии, относившейся к ведомству Учреждений И[мператрицы] Марии Федоровны.

Интересно, что его отец Петр Изюмов после окончания Кирилловского духовного училища 15 июля 1867 года и «до времени рукоположения во Диякона состоял Учителем Воскресенского Народного училища Мышкинского уезда с 1868 Декабря по 1886 Апреля 9»⁴⁴. В этот период он «слушал педагогические лекции на первом Съезде учителей в г. Ярославле — 1870 Июль-Авг[уст]».

В 1886 г. Петр Изюмов по собственному прошению был переведен в село Никольское Новое Мышкинского уезда, и был рукоположен во диякона Никольской церкви этого села в 1888 г. В это время ему было 39 лет. «Обучает безмездно детей в Ново-Никольевской церковно-приходской школе с 1886 Сент[ября] 21. Грамоту имеет». Беден, что заставляет его обратиться

⁴³ ГАЯО. Ф. 113, оп. 1, д. 2251.

⁴⁴ ГАЯО. Ф. 230, оп. 2, д. 3873. Л. 82 об.–83. Лл. 2–5.

в Мышкинское уездное земское собрание с прошением (такова была практика в те времена) о вознаграждении за длительную службу и в связи со сложившимися трудными обстоятельствами. Заседание собрания проходило 7 октября 1886 г. Среди других г. гласных на заседании присутствовал и о. П. Преображенский.

«Жена его Варвара Иоаннов[н]а [Мальцева] 32 лет. Дети их: Мария — 12 л. Обучается в 1-м классе Ярославского Епархиального женского училища. Надежда 11 лет, Николай 9 л., Александр 7 л., Анна 6 л., Вера 3 года. Константин 1 года». В 1896 году в исповедных росписях появляются еще два имени: Лидия и Евгения⁴⁵. А в 1894 году в августовском Месяцеслове священника Димитрия Вознесенского записано: «Умер диакон Петр Изюмов 1894 г.» (45-ти лет от роду). Младшему сыну Константину в это время исполнилось 7 лет.

А в 1918 год один из сыновей Надежды Петровны (Изюмовой) и Арсения Васильевича Торопова, дьякона церкви села Ново-Никольское (рис. 72), Борис Торопов, в ночь на 18 октября (ст.ст.) увидит «из-за кустов» расстрел священника Димитрия Вознесенского.

Сестры Николая Петровича Изюмова были учительницами в сельских приходах. О младшей из них, Дроздовой Евгении Петровне, с любовью вспоминает выпускница Некоузской школы 1947 года Анна Андреевна Сенаторова (Селезнева). Эти воспоминания приводятся ниже.

Драматично сложилась судьба последнего сына Петра Изюмова — Константина. Он долгое время был учи-

⁴⁵ ГАЯО. Ф. 230, оп. 3, д. 2574. Л. 1287.

Санкт-Петербург, Измайловский пр., здание, в котором располагались классы бывшей Екатерининской женской гимназии, 2018 г

телем, а при советской власти служил дьяконом, в том числе и в церкви села Николо-Замошье. В 1930-м году Константина Петровича Изюмова осудили на три года заключения в концлагерь⁴⁶.

После окончания учительской семинарии он работал в селе Покровское-на-Сити Брейтовского района учителем. Вот строки из его автобиографии. Из-за тяжелых материальных обстоятельств уехал на родину жены — Кавказ, но оттуда, не имея возможности устроить своих детей учиться, переехал в Ленинград, где

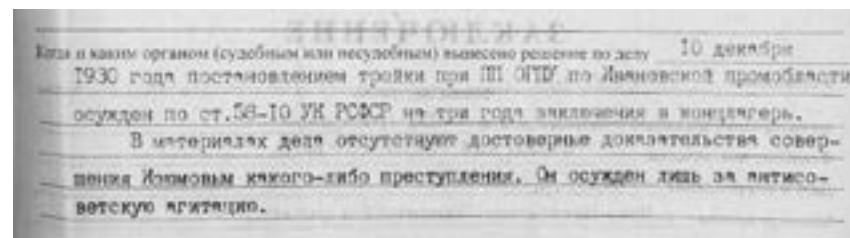
⁴⁶ ГУ ЯО. Ф. Р-3698, оп. 2, д. С-256. Лл. 3, 3 об., 4, 15 об., 16, 26, 27, 27 об.

по предложению знакомого священника Троицкого (вероятно, речь идет о сыне священника с. Николо-Замошье В. М. Троицкого⁴⁷): «Димитрий Троицкий — учитель церковно-приходской школы при Исакиевском соборе в С. Петербурге⁴⁸, «который жил в городе Ленинграде в политехническом институте, поступил к нему уже в институт на должность дьякона. Это было в 1914 году, где прослужил до 1920 года». В этот период времени город назывался Петроградом. «В конце 1920 г., попав случайно [в] командировку на Кавказ <...>, увидев что здесь жить гораздо лучше, решил остаться здесь на должности дьякона, прослужив в станице Чемлыкской до 1928 года. В 1928 году уехал в село Николо-Замошье Некоузского района, где и прослужил по настоящее время дьяконом. Начиная с 1906 года и 1930 года кроме основной моей работы <...> принимал участие в ликвидации неграмотности в городе Ленинграде. К. Изюмов».

Дата ареста Константина Изюмова — 15 октября 1930 года. «10 декабря 1930 года постановлением тройки при ПП ОГПУ по Ивановской промобласти осужден по ст. 58-10 и 107 УК РСФСР на три года заключения в концлагерь. В материалах дела отсутствуют достоверные доказательства совершения Изюмовым какого-либо преступления [спекуляция овчиной, мясом и маслом]. Он осужден лишь за антисоветскую агитацию»⁴⁹. [Голод, настигший Россию после войн и революции потребовал чрезвычайных мер, к которым относились

Санкт-Петербург. Сидят: слева Николай Петрович Изюмов, Ольга Дмитриевна с сыном Володей; справа — Константин Петрович Изюмов с женой Полиной (урожденной Дятловой) и сыном; стоят сестры Евгения Петровна и Лидия Петровна Изюмовы. (Предреволюционный снимок из семейного архива Изюмовых)

Из следственного дела Константина Петровича Изюмова от 10 декабря 1930 года

⁴⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4049. Л. 15 об.

⁴⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 4049. Л. 16 об.

⁴⁹ ГУЯО. Р-3698. Оп. 2. Д. С-256. Л. 27 об.

и постановления о борьбе со спекуляцией, начиная с 1918 г. и далее. Крайней мерой наказания доказанных преступлений был расстрел]. В следственном деле в части «Заключение» указано, что «Местожительства до ареста д. Фефилово [0,5 версты от церкви] Некоузского района Ивановской промышленной области. Место работы до ареста: служитель культа — дьякон. Данные о родственниках: женат, трое детей в возрасте от 7 до 15 лет». В конце «Заключения»: «Изюмов Константин Петрович подпадает под действие ЗАКОНА Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Старший помощник прокурора Ярославской области Е.В. Хлебников».

Еще одна запись из Молитвослова о. Димитрия Вознесенского, сделанная уже Ольгой Дмитриевной: «Константин Петрович Изюмов умер 7/20 октября в 1943 г. в 8 ч. вечера».

* * *

С начала революции в Некоузском районе было закрыто 33 церкви из 49, а за период войны открыто — 6 [Приложение 9]. Как известно, в послевоенное время «Количество православных храмов в стране неуклонно сокращалось: на 1.01.1949 г. — 14445; на 1.01.1950 г. — 14323; на 1.01.1951 г. — 13913; на 1.01.1952 г. — 13786; на 1.01.1953 г. — 13555»⁵⁰.

⁵⁰ <http://sdsmp.ru/news/n7347/> Иерей Петр Украинцев/Реформы и сельское духовенство в конце XIX- начале XX века.

Какие имена священнослужителей сохранила история церкви в Николо-Замощье в новые времена? Некоторые данные о настоятелях были собраны исследователем истории Русской Православной Церкви XX века Н. В. Жестковой. Сведения эти, безусловно, заслуживают внимания, так как могут привести к новым поискам и находкам.

С 1940 до 1947 года настоятелем храма был священник (с 1945 года протоиерей) Василий Александрович Золотарев. При этой церкви «не функционировала с июня 1941 года в связи с арестом священника за а[нти]/сов[етскую] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих 5 марта 1942 года», (см. Приложение 9).

С 1942 года по 1944 год священник церкви села Николо-Замощье Некоузского района — митрофорный протоиерей Николай Феодорович Рождественский, обновленец, (воссоединен в 1944 году). С 1947 года священник в храме — протоиерей Николай Дмитриевич Волков. Кроме того, он служил в этой церкви также в 1953-1954, а возможно и с 1956 г. до своего выхода за штат; по списку на 1.01.1968 был за штатом.

С 1964 по 1967 гг. настоятелем храма был известный православный подвижник XX века архимандрит Таврион (Батозский)⁵¹ (1898–1978). Затем почти сорок лет — с 1968 по 2007 г. — в храме Николо-Замощья настоятельством отец Севастиан — Севастиан Романович Макалкин. С 2007 по 2008 гг. здесь служил отец Александр Внучков. И с 2008 года по настоящее время настоятелем храма является иерей Алексей Калинин.

⁵¹ <http://porechje.zachalo.ru/tavrion/Tavrion16.htm>

* * *

История семьи Вознесенских-Изюмовых связана и с деятельностью известного архипастыря Русской Православной Церкви — архиепископа Агафодора (Преображенского).

Павел Флегонтович Преображенский родился в селе Спасское-на-Мяксе Пошехонского уезда Ярославской губернии. В 2004 году было опубликовано его обозрение «Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-археологическое описание» за 1906 год⁵². Повествование в нем ведется от третьего лица, сведения о себе автор оставляет очень скудные. Его отец был дьячком церкви села Спасского-на-Мяксе Пошехонского уезда. Флегонт Иванович Преображенский умер через шесть недель после рождения сына. Основные вехи жизни Павла Флегонтовича: период учебы, сначала в Пошехонском уездном училище (за казенный счет) и далее в ЯДС. Учение в семинарии Павел Преображенский сочетал в течение 5 лет с работой письмоводителем⁵³ (подробнее см. Приложения 7 и 8).

Служение в селе Воскресенском, что на Нелединщине Мышкинского уезда, (недалеко от современной железнодорожной станции Родионово) — важный период жизни священника Павла Преображенского, к тому моменту только что окончившего Ярославскую духовную семинарию.

⁵² Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание /Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В.В. Швецова. Ярославль, 2004.

⁵³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2267. Л. 19 об.

Как часто бывало в сельских приходах, молодые священники брали в жены дочерей у местных, уходивших за штат священников. Новый дом для священника Павла Преображенского был построен на средства церкви в 1878 году. По штату в Воскресенском приходе было два священника, оба священника взяли в жены дочерей ушедшего сначала за штат, а вскоре и в монашество священника Иоанна Николаева Ржевского, который служил в этом приходе 29 лет и два месяца. В 1860 году, когда священником на его место был назначен Павел Преображенский, он, «как вдовый, был определен в число братства Николо-Улеймского монастыря, где и окончил дни свои в 1865 г». Первый священник прихода Александр Петров Каменский был женат на старшей дочери отца Иоанна Ржевского — Олимпиаде Ивановне. Вторым священником Павел Преображенский женился на Анне Ивановне, младшей дочери, в 1860 году⁵⁴.

Епископ Агафодор пишет: «Чрез три года с половиною он [Павел Преображенский] лишился супруги»⁵⁵. Младшая сестра Анны — Ольга Ржевская, сначала жившая у зятя П. Преображенского, перешла жить к своей старшей сестре Олимпиаде, жене священника Александра Каменского. К Павлу перебирается⁵⁶ его мать Авдотья Ивановна; оба священника становятся опекунами над имуществом и малолетними детьми погибшего диакона

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание /Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В.В. Швецова. Ярославль, 2004. С. 41.

⁵⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2434. Л. 13 об.

Виссариона Покровского. В своем обозрении епископ Агафодор упоминает еще один факт своего опекунства с 31 января 1875 г. «над именем и малолетними детьми умершего священника села Введенского-Клыкова Иоанна Мальцева». Варвара Иоанновна Изюмова, мать Николая Петровича Изюмова, — из этой семьи. Она — дочь священника Иоанна Васильевича Мальцева.

В своем обозрении епископ Агафодор рассказывает о разных сторонах жития сельского прихода, священно- и церковнослужителей, их быте и взаимоотношениях с паствой, уклад которых был близок и соседним приходам Мологского уезда.

Вот как он пишет, например, о бедственном положении здравоохранения, или правильнее, о его отсутствии в сельских приходах (стр. 96–98): «1816, 1818, 1821, 1835, 1847, 1848. 1853, 1859, 1865–1871, 1885, 1889, 1900 и 1901 годы были особенно тягостны для прихода и унесли много жертв. Скучное питание, отсутствие больниц, врачей... Кроме обычных болезней — простудных, приход нередко посещают и эпидемические. <...> Возможная помощь больным подавалась священниками, когда сии приглашались к больным с напутствием, а больше всего занимались лечением больных знахари». Медицинских пунктов в приходах зачастую не было, а вызываемая помощь из уездов ограничивалась чаще всего «присылкою фельдшера, и то не всегда своевременно». Неудивительны ранние смерти, происходившие в приходах Мологского уезда, раннее вдовство священников или их жен.

Годы, проведенные в этом приходе, оказались годами становления будущего епископа Агафодора. Его послужной список значителен. Священник был законоучителем (20 лет) и смотрителем (12 лет), распорядителем

Современный город Мышкин (с правого берега реки Волги)

(8 лет); наблюдателем и законоучителем в Воскресенском училище; председателем приходского попечительства со званием попечителя; с 1866 года — действительный член общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении; в 1878 году определен настоятелем соединенного Воскресенско-Ушаковского прихода. Именно в этом году он познакомился с главой Ярославской епархии при утверждении правил пользования созданной им библиотеки. «В 1878 году благочинный, священник П. Преображенский, желая дать духовенству своего благочиннического округа возможность пользоваться чтением лучших сочинений и периодических изданий, с разрешения епархиального начальства, учредил в селе Воскресенском благочинническую

библиотеку и составил для нее правила»⁵⁷. В том же году, 18 октября 1878 года, правила были утверждены Преосвященнейшим Ионафаном, епископом Ярославским. «Библиотека сия находится в одном помещении с церковною библиотекою в отдельных шкафах. Книг в благочиннической библиотеке в 1902 году было 256 названий». Вероятно, тогда и произошло первое знакомство Павла Флегонтовича с Преосвященнейшим Ионафаном, новым Ярославским епископом, приступившим к управлению епархией 28 февраля 1877.

В 1887 году Архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан, совершив еще одно путешествие по епархии, побывал в Мышкине, Угличе, Мологе, Рыбинске и в их уездах. В этой поездке среди сопровождавших его лиц был и Павел Преображенский, настоятель Мышкинского Успенского собора.

Фрагмент «Обозрения», приведенный в ЯЕВ⁵⁸, рассказывает об этом путешествии. «В 11 ч. 45 мин. пароход подошел к пристани [Мышкина], на которой ожидали городской голова, исправник и много граждан. Ехавший вместе с Владыкою протоиерей П. Преображенский прибыл в Успенский собор за несколько минут прежде и облачившись встретил Архипастыря следующей речью: «Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Ар-

⁵⁷ Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание / Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В.В. Швецова. Ярославль, 2004. С. 34–36.

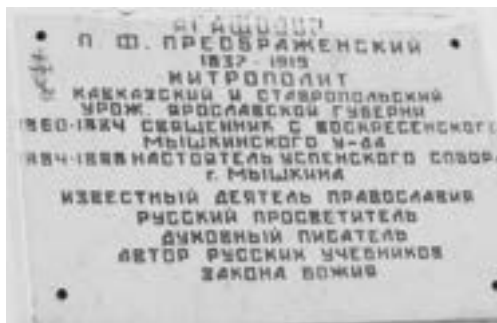
⁵⁸ Обзорение Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Ионафаном, Архиепископом Ярославским и Ростовским, церквей и монастырей в городах: Рыбинске, Мологе, Мышкине, Угличе и их уездах в продолжении 10–19 сентября 1887 года // Ярославские Епархиальные Ведомости. 18 марта 1888 г., часть неоф., № 13. С. 193.

хипастырь и Отец! Сретая тебя здесь, при входе в наше святилище, мы приветствуем тебя словами псалмопевца: Благословен грядый во имя Господне (Пс.СХVII, 20). В этом священном приветствии заключается все наше благожелание. Не для удовольствия своего совершаешь ты путешествие сие по городам и весям, а для того, чтобы, по примеру предшественников своих, Богомудрых архипастырей, обозревая свою паству, недостающее в ней восполнят своею мудростью и нуждающимся подать добрый совет. С этой целью посещаешь ты и наш град и наш храм».

«Гряди, Владыко святой! Мы среем тебя с сердцем радостным и любовью сыновнею. Не сомневаемся, что и ты, по широте своей любви и благодати, несешь нам мир и утешение, шествуешь с любовью созидающею (XIII, 7). Вниди в храм, благослови нас и град наш своим Архипастырским благословением. Твоего благословения мы ждем все здесь живущие и труждающиеся, в полной вере, что благословение отчее утверждает дома чад» (Сир. СХI, 9).

<...> [Владыка]: «Приветствую Архипастырскою любовью. Благодарю Вас за то радушие, каким почтили меня при встрече. Призываю на вас сущих здесь и на град ваш Божие благословение. <...> из Никольского собора Высокопреосвященство прошел в квартиру протоиерея. Здесь обратился к нему с просьбою о помощи бедный чиновник, бывший становой пристав г. Черневский. Владыка утешил его словом и денежным пособием.

В 1 ч. 40 мин., в сопровождении гражданских чинов города, духовенства и многих граждан, Владыка отправился из Мышкина в Мологу на том же пароходе, на котором и прибыл».

Памятная доска на соборе в г. Мышкине

Многосторонняя деятельность священника Павла (Преображенского), несомненно, была замечена Архиепископом Ионафаном, а судьба пастыря прихода была ему близка и понятна: он [Архиепископ] также рано овдовел, затем постригся в монашество с именем Ионафан.

Примечательно, что через три месяца после совместного путешествия по епархии появился в ЯЕВ указ о пострижении Павла Преображенского в монашество, а в оглавлении ЯЕВ за 1888 год два пункта относятся к судьбе протоиерея Павла Преображенского⁵⁹:

«49. О пострижении протоиерея Мышкинского Успенского собора Павла Преображенского в монашество и о возведении его в сан архимандрита...

...81. О бытии архимандриту Агафодору Епископом балахнинским, викарием Нижегородской Земли» [Приложение 7].

⁵⁹ Ярославские епархиальные ведомости за 1888 год. Часть официальная. Распоряжения Правительственные. С. 49, 81.

После отъезда уже архимандритом, а позже епископом, Агафодор ведет переписку с земляками, помогает не только пастырским словом, но и финансово священникам церкви села Воскресенского, которые обращались к нему за советом и помощью особенно в делах обустройства школ⁶⁰.

Записей о епископе Агафодоре в Молитвослове священника Димитрия Вознесенского несколько. Одна из них: «[Февраль, 2] День Ангела Пр-аго Агафодора», год не указан, позднее — косвенная, о поездке Ольги Дмитриевны с мужем на одной из страниц месяцеслова: [Июнь, 17] «1910 г. Н.П.[муж О. Д — Николай Петрович Изюмов] с Олей поехали вниз по Волге до Царицына и далее на Кавказ». В этот период времени Агафодор по Высочайшему повелению был уже епископом Ставропольским и Екатеринодарским (с 1893 года), а до этого с 1891 г. — Сухумским.

«История земли некоузской» — так называется альманах, несколько выпусков которого подготовили работники МУК «Некоузский историко-краеведческий музей». В третьем выпуске альманаха опубликована подборка интересных материалов о Павле Флегонтовиче Преображенском, собранных учащимся 11 класса Воскресенской СОШ Щербаковым А. (стр. 18–24)⁶¹.

⁶⁰ Епископ Агафодор. Воскресенский храм и его приход Мышкинского уезда, Ярославской губернии. Историко-архитектурное описание / Редакция. Предисловие, примечания докт. истор. наук В.В. Швецова. Ярославль, 2004. С. 84–86.

⁶¹ А. Щербаков. От сельского священника до митрополита/История земли Некоузской. Альманах. Выпуск 3. Рыбинск: Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2014. С. 18–24.

Конда́къ, гла́съ ѣ:

1887^{г.} у мѣстѣ имѣн. Майб. мѣх. мѣх. мѣх.
Крестовый Огн.
1908^{г.} у мѣ. Мамба. Мѣст. Полосухин.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Вот из этой-то школы мы и пошли в 5-й класс Некоузской новостройки. Школа, конечно, понравилась: широкие коридоры, большие окна, светло.

Подруги на всю жизнь. Ярославль, 2014 год

Но учиться здесь пришлось недолго: началась война. Уже 3 сентября нас построили на линейку и объявили, что нам сейчас надо идти на станцию и встречать поезд из Ленинграда с детьми. Объяснили, что Ленинград окружают немцы. Маленьких детей от 8 месяцев до 12 лет привезли к нам, спасая от бомбежек и пуль. Целый состав был заполнен детьми, но ни плача, ни крика не было. Дети были напуганы. Подъехали подводы. Мы помогли взрослым разместить детей. На подводах их развозили по деревням, где были экстренно открыты детские дома.

А в октябре станцию стали бомбить, немцы подошли к городу Калинину (Тверь). Немецкие самолеты бомбили каждый день. Когда разбомбили вокзал, всем семьям приказали из поселка выезжать в деревни.

Но когда фашистов отогнали далеко на запад, мы вернулись домой. А вот учиться было негде: в новой

школе поместили госпиталь. И нам пришлось ходить в 5-й класс в Старый Некоуз — четыре километра в один конец. Зима в тот год стояла холодная, морозы доходили до сорока градусов. Одежда у нас была плохая. Валенки не было. Родители шили из старых пальто и одеял унты, на них надевали калоши. Старые пальтишки закутывали вместе с шапкой большой шалью. Еще надо было сохранить чернильницу-флакончик из-под довоенных духов, а то писать будет невозможно, если она замерзнет. Мы их держали под пальто. Школа тоже была холодная, дров не было. Да и писать не на чем. Писали на старых газетах, журналах. Но все-таки учились.

С 1 января 1942 г. госпиталь передислоцировали, и мы стали нормально учиться. С 1 января по 1 мая мы окончили 5 класс и сдали экзамены по всем предметам. Нас учили замечательные учителя.

По русскому языку нас учила изумительная учительница Розова Вера Леонидовна. Такими интересными были ее уроки, что мы все влюбились в литературу. Жаль, что она уехала от нас в Рыбинск, а ее сменила Ширяева Надежда Александровна.

Математику вела Екатерина Петровна. Ее уроки геометрии нельзя забыть. Она на пальцах изобразит любую фигуру и объяснит так доходчиво, что самые трудные задания кажутся пустяковыми.

Физику вела Валентина Ивановна. Она не только учила нас физике, но занималась с нами и после уроков. Каждый Новый год был для нас как сказка: то мы были белые лебеди, то разные цветы... как упоительно мы танцевали вальс цветов в своих бумажных костюмах, разукрашенных всякими сказочными выдумками.

Биолог Пелагея Васильевна была высокая и полная, лицо всегда красное. Мы прозвали ее свеклой. Когда она вызывала ученика к доске, то сначала обходила его кругом, особенно девочек, потом ехидно спрашивала: “Ну, что скажешь сегодня?”. Но объясняла очень интересно.

Географ — незабвенная Анна Михайловна Локалова. Ее дочь Ирина училась в нашем классе. Уроков географии боялись даже мальчишки. Перед уроком географии они восклицали: “Через Альпы не перевалить!”. Была очень строгая, но и географию знала глубоко. Того же хотела от нас. Строго требовала, чтобы знали карту. Если не покажешь на карте то, о чем рассказываешь, она и слушать не станет. А карта в школе была одна, хранилась в учительской. В перемену дежурный должен был принести карту, повесить на доске. Мальчишки в учительскую боялись заходить и просили: “Ира, принеси карту”. Как только карта появлялась в классе, все устремлялись к доске, пока не придет Анна Михайловна. Она так учила нас, что где бы я ни сдавала географию, не надо было открывать учебники. Спасибо ей за такие глубокие знания!

Но самым любимым нашим учителем был Николай Петрович Изюмов. Он был уже пожилой. Мы любили его. Добрый, ласковый, он называл нас по именам. Но ребята над ним шутили: или ответы прикрепят на переднюю парту, или лучшего ученика поставят за шкаф, чтобы подсказывал. А то спрячутся под парту, когда идет опрос, а потом сядут за парту. Он удивляется и говорит: “Люся, вы разве в классе?”. Она невинно отвечает: “А где же я могу быть, если урок идет?”. Он на нас не сердился, но на второй урок не забывал спросить “острослова-шутника”.

Выпускницы 1947 года у Некоузской средней школы

Новый Некоуз. У родных берез выпускницы Некоузской школы

Директором школы был Александр Иванович Герцев. Он пришел после ранения. Вел у нас литературу. Мы понимали, что после такого перерыва ему было сложно и старались лучше готовить домашние задания. В школе было холодно, и мы с директором ездили в лес за дровами, а потом пилили и кололи их возле школы. Сырые дрова не хотели гореть, пенились и шипели, но создавали видимость комфорта.

Мы закончили Некоузскую среднюю школу 8 июля 1947 года.

Разлетелись в разные города учиться, большинство выбрали учительскую профессию: русский язык, математика, физика, химия, биология. Некоторые пошли в сельхозинститут. Незаметно пролетели школьные годы. Дальше семья, работа! Так прошло еще 30 лет.

И решили мы наконец-то встретиться с одноклассниками. Это нелегко было, так как разлетелись по всей стране бывшие выпускники Некоузской средней. Помогло то, что в поселке и сейчас живет одноклассница наша — Антонина Павловна Шеломова. Она работала начальником почты, а потому знала родителей своих бывших сверстников, что позволило установить связи. Бывшие одноклассники приехали на встречу из Рыбинска, Ярославля, Костромы, Череповца, Гатчины, Питера, Москвы, Тюмени, Екатеринбурга...

Мы встретились 8 июля 2002 года — в день окончания школы!

Сразу с вокзала пошли в школу. Здание новое, кирпичное, с колоннами. Учителя радушно встретили нас, провели экскурсию. Школа замечательная, но нас тянуло в нашу, старую, где уже никто не учится. Вот и ОНА, деревянная, с большими окнами, наша любимая школа.

“Парта школьная мне снится, и учебника страницы.

Помню всех учителей до одного.

И кричит о чем-то громко конопатая девчонка

Из безоблачного детства моего!”

Когда кончилась война, мы принялись за благоустройство пришкольного участка: делали клумбы, сажали цветы, а старшие решили посадить березы. Мальчишки копали ямки, носили землю, а мы, девчата, держали саженцы берез, утаптывали землю, чтобы ветер не сломал березки. Они были такие маленькие, хрупкие. А сейчас! Не верится! Позже вспомнили, что в парке, где стоит сейчас обелиск, мы также сажали березки.

Наших ребят призывали на воинскую службу после окончания 7 класса. Но в боях они не участвовали, т.к. были молоды. Зато после войны они служили семь лет: больше служить было некому.

Нам сказали, что директор нашей школы Александр Иванович Герцев жив и проживает в доме для учителей. Мы отправились навестить его. Послали в разведку Ирину Локалову. Учитель вышел к нам и стал узнавать. Вспоминал наши имена, фамилии. Не всех угадал: ведь прошло 30 лет.

Чаще всего мы встречались у Тони, узнавали о судьбах бывших одноклассников, пели любимые песни и просто разговаривали. Так мы собирались в Некоузе пять раз».

* * *

Из рассказа Изиды Алякритской (Кашкиной). «У неё редкая, звучная девичья фамилия — Сенаторова — и простое русское имя — Анна, Нюра. Мы учились с ней в одном классе, окончили в 1947 году среднюю школу

и поступили в ЯГПИ им. К. Д. Ушинского. Я — на литфак, она — на физмат. Получили дипломы, и жизнь развела нас надолго. Встретились многие годы спустя в Ярославле: я — журналист, она — учитель физики в школе № 15, ставшая Селезневой Анной Андреевной.

Встретились и подружились мы по-настоящему. И, как это ни странно, только теперь оказалось, что я, выросшая в семье советского служащего, не знала, как живет моя одноклассница, деревенская девчонка из многодетной семьи. А это было интересно и поучительно. Судите сами.

Родилась она в 1930 году в семье, как она сама считает, со строгим жизненным укладом в деревне Исаково Некоузского района (ныне это ул. Северная в поселке Некоуз). Отец — потомственный крестьянин, мать — настоящая некрасовская женщина, у которой семеро детей: «Я четвертый ребенок в семье, — говорит Анна Андреевна. — А всего нас было семеро: Александра (1923 года рождения), Татьяна (1925), Михаил (1927), Анна (1930), Николай (1936), Ольга (1941), Лидия (1944) — целая бригада колхозная, только разновозрастная. Мужиков в деревне в войну больше не было. Позднее начали возвращаться с войны покалеченные односельчане: помоложе, да поделовитее. Можно было подумать, что нам, детям, при отце — председателе, поблажки какие-либо были. Ничего подобного: двойной спрос с нас, малолеток, а особенно с тех, кто постарше.

“По законам военного времени” — была его любимая присказка, когда давал, например, поручение мчаться в соседние деревни со срочной депешей, полученной от районных властей (телефонов-то не было). На работу поднимал нас раньше всех, чтобы никаких замечаний.

*Шестихино, Некоузский район Ярославской области,
14 августа 2013 г. Епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин*

Семья у нас была дружная. Воспитывали строго, к любому домашнему труду приучали. Дел всем хватало: корова, две овцы, куры, огород; с малышкой надо заниматься. С шести лет познала обязанности нянечки: Оля и Лидочка на моих руках выросли в тяжелые годы военные. Доводилось пеленки стирать на пруду. Мыла не было, кипятили щелочную воду (с золой), а полоскать ходили на пруд. Помню, как сильно мерзли руки; в холоде, в грязи детские ручонки и ножонки (обувь-то берегли, больше босиком бегали) покрывались цыпками, которые долго не проходили и причиняли сильную боль. Жаловаться было не принято: всем трудно, всем больно.

Но нас так воспитывали, что главная забота — это колхоз, т.е. коллективное хозяйство: земля, скот, машины — общественные, всё собственность колхоза. Члены колхоза производят продукцию и сдают ее государству, чтобы обеспечивать жителей городов. За работу колхозники получали натуроплату, изредка — немного денег (если урожай хороший). Получали столько, сколько трудодней заработали — ТРУДО-ДЕНЬ — «палочки» их прозвали в народе. А деньги для семьи получали, продавая выращенное на своем огороде и в своих хлевах. Так что детства в современном понимании у меня и моих сверстников не было. С малых лет — настоящий, серьезный труд, ответственность, постоянная забота друг о друге. Нынешняя детвора, особенно городская, и не знает, что такое колхоз, совхоз; что такое трудодни? Хорошо это или плохо? А я родилась колхозницей и оставалась ею до тех пор, как вышла замуж.

В наш колхоз входили четыре деревни: Исаково, Сусловка, Созоновка, Бессоновка. Каждая деревня — бригада. Не помню, чтобы кто-то организовывал соревнование между бригадами, но дух соперничества, стремление сделать лучше, быстрее, чем соседи, присутствовали всегда. Это ощущали и мы, дети. Ленишься, работать кое-как было стыдно, невозможно.

Трудиться деревенские дети начинали чуть не с пеленок: и на колхозном поле, и на своем огороде, и ухаживая за скотом, и помогая по дому. А во время войны все эти заботы тяжким бременем легли на женские и детские плечи. Предвоенные и военные колхозы были слабыми, маломощными. Техники практически не было. Пахота, боронование, перевозка грузов — все выполнялось «конной тягой», да вручную.

Помню, как мама вместе с другими женщинами жала рожь серпом, а нам, детям, велела подбирать упавшие стебли с колосьями. Мы собирали «букеты» и отдавали взрослым, а те вкладывали их в снопы. Вместе со взрослыми теребили и околачивали лен, копали колхозный картофель. После экзаменов за пятый класс нам на бригадном собрании вручили колхозные трудовые книжки с указанием нормы трудодней, которые мы должны выполнить за летние каникулы. Меня определили к Анне Васильевне. Пожилая, одинокая женщина, она ходила, опираясь на палочку. Определила она меня для начала на прополку льна. Показала, как правильно выбирать из земли сорняки с корнем. Разумеется, я это постоянно делала на домашнем огороде, но мне почему-то запомнился именно этот сельхозурок. Когда наступало время теребить лен, она ставила меня на мой же участок. Так же она поступала и с взрослыми женщинами, чтобы знали: чисто прополотый лен и теребить и обрабатывать будет легко.

Особый ритуал соблюдался перед началом сенокоса (обычно 20 июня). В этот день женщины выходили с косами в нарядных платьях и сарафанах, на головах — белые платки. Мужчины — в белых рубашках. Настроение было приподнятым, праздничным. Вдруг кто-то запел, песню подхватывали все остальные. Так начинался сенокос. Сначала обкашивали траву вокруг деревни. Это сено делили поровну. В следующие дни косари перемещались на луга.

Косить траву у меня как-то не получалось. Наверное, потому, что росточком не вышла. Помню, косили клевер. Вдруг у меня бок заболел, да так сильно... очнулась — мамино озабоченное лицо склонилось. Видимо,

Памятный Крест, 12 августа 2012 г. у северных врат колокольни церкви Вознесения Господня в с. Новый Некоуз

В день освящения Памятного Креста, 14 августа 2013 года

я потеряла сознание. Больше меня на покос не пускали в это лето. Вместо этого по дому маму заменять пришлось: топить печь, готовить обед, кормить скотину, то есть выполнять все, что делают с утра взрослые женщины-хозяйки. Хорошо, что она сама доила корову и выгоняла ее в стадо. Мама очень любила косить и всегда перевыполняла норму.

А я после завтрака (всех надо было накормить) на весь день уходила сушить сено с взрослыми женщинами. Я старалась вовсю, чтобы маму не упрекали, что послала девчонку вместо себя. И только когда выпадет снег, прекращались полевые работы, и мы отправлялись в школу.

Учеба мне легко давалась, потому что от старших брата и сестер я рано научилась писать и считать, любила читать своим младшеньким. Электричества в деревнях в то время не было. Уроки делали при керосиновых лампах, а в годы войны при коптилках (пузырек с самодельным фитилем). А в нашем доме источником света была лампадка перед иконами. Мама не была канонически образованной, но была глубоко верующей. Вера жила в самой глубине ее души. И молилась она не столько словами, сколько умом, душой.

Трудно было. Голодно и холодно. Но, насколько я помню, не было беспредельного уныния, безнадёги. И даже если в какой-то дом стучалась похоронка, беду переживали всей деревней. Жили надеждой на лучшее, верили в светлое будущее. Взрослели. Набирались сил и разума. Сестры Шура и Таня поступили в институт в Иванове; брат Михаил был направлен в Кузбасс на трудовой фронт.

В 1947 г. я закончила среднюю школу, а в 1951 году — институт. Получила направление в Песоченскую

среднюю школу Рыбинского района Ярославской области. В каждые летние каникулы работала в колхозе за маму, т.к. у нее была гипертония, тромбофлебит, мигрень и т.д. Медицинская справка у нее была, но в колхозе на это не обращали внимания: от дома обязательно кто-то должен был работать в колхозе, иначе корову в стадо не брали; лошади не давали, чтобы перевезти дрова из леса; приусадебный участок могли уменьшить».

Так что Анна Андреевна Сенаторова по курортам не ездила и «отдыхала» в колхозе. В 1956 году вышла замуж и освободилась от «колхозной зависимости»: колхозники ведь не имели паспортов, не могли никуда уехать, кроме как выйти замуж за городского парня, или поступить учиться.

Моя собеседница встряхнула головой; широкой улыбкой осветилось ее по-прежнему красивое, молоджавое лицо и подвела итог нашей встрече: «Оглядываясь на пройденный жизненный путь, я не стенаю, не ропщу на свою судьбину. Все нормально, жизнь состоялась, в том числе, и благодаря колхозной закалке. Считаю, что жила достойно, вместе со страной, со своей семьей одолевая трудности и невзгоды. А Некоуз всегда со мной, в моем сердце, в моей душе. Там память детства и юности. Там начало всему».

* * *

«Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи помилуй!» — восклицаем мы, когда, как говорится, «припечет». А в обычной жизни — кто-то постоянно обращается к Богу искренне, с верой, любовью и надеждой. Кто-то забывает о молитве до следующего несчастно-

*Икона св.мч. Димитрия
во время освящения Памятного Креста
14 августа 2013 года*

го случая. Есть и крошечные атеисты, конечно. А я вот принадлежу к той категории людей, которые всю жизнь верили в Бога, только тайно, в силу известных жизненных обстоятельств (людей нашего послереволюционного поколения). И не знаю, грех это или нет?» — рассказывает Изида Алякритская уже о себе.

«Росла я в атеистической обстановке. Отец, служащий районного масштаба, конечно, был неверующим человеком. Мама знала молитвы, даты двенадцатых и других больших праздников, но ни религиозной литературы, ни икон в мои детские годы в доме не было. И разговоров на религиозные темы не было, и слово «Бог» упоминалось разве что всуе. Ни церкви, ни икон, ни молящихся я не видела до 9 лет.

В 1936 году отец был назначен заведующим Некоузским РАЙФО (районный финансовый отдел райисполкома) Ярославской области. Поселили нас в дом № 2 по Комсомольской улице. Соседями оказались муж

с женой и двумя ребяташками да старенькой бабушкой. Как водится, мы, дети, общались между собой, наши две квартиры на втором этаже превратились для нас в своего рода общежитие.

И вот однажды, ворвавшись в соседскую комнату в погоне за подружкой, я остолбенела. Привычный и всегда плотно закрытый шкаф на этот раз оказался распахнутым. Перед ним на коленях стояла бабушка и крестилась, как я догадалась, иконам, поблескивавшим при свете свечи. Оцепенение длилось недолго. Круто развернувшись, я выскочила из комнаты и как-то инстинктивно спряталась в домашнем чулане — месте, где мы с младшим братишкой хранили все свои большие и малые тайны. Что за иконы? По какому поводу бабушкины молитвы? И вообще, ведь этого делать нельзя...

Можно было бы расспросить обо всем маму, но тема эта была в семье закрытой. Бога нет, все, что с Ним связано, запрещено.

Постепенно я пришла в себя, но в соседскую комнату с иконами старалась не заходить. Это случилось в разгар лета. А осенью я пошла в первый класс, в Николо-Замощье — село, практически уже тогда слившееся с Некоузом. Школа оказалась недалеко от церкви и каждый день вольно или невольно я с ней взглядом встречалась. И какое-то волнительное чувство при этом охватывало: было интересно, загадочно, очень непонятно.

Случилось так, что я подружилась с одноклассницей, жившей в Николо-Замощье. Кажется, звали ее Тоней. Она упорно и долго звала меня к себе в гости. Родители разрешили мне остаться у Тони на выходной. Впечатлений оказалось масса: корова, овцы, куры, молока,

Традиционная трапеза в день Памяти сщмч. Димитрия

сколько хочешь, ягодные кустарники (у нас ягоды покупали по стаканчику на базаре), молоко по бидончику.

И... церковь. Мы стояли недалеко от ее входа, провожая взглядом каждого осенявшего себя крестом и входившего внутрь. Только миг был для того, чтобы успеть заглянуть в распахнутую дверь. Иконы, свечи. И пение. Такого мне слышать не доводилось. Дома целый день было включено радио — круглая, черная тарелка, из которой звучали знакомые и любимые мотивы: “Утро красит нежным светом”, “Катюша”, “По долинам и по взгорьям”, “Эх, хорошо в стране советской жить”...

А здесь... нет, это была не земная музыка. На ночь нам с Тоней постелили на полу, в уголке. Не то что

Шестихино, Некоузский район Ярославской области. Сергей Львович Боголюбский (автор и исполнитель Памятного Креста, Москва) и правнук священномученика Димитрия Борис Дмитриевич Изюмов (Москва) 14 августа 2013 г., приехавшие на освящение Памятного Креста

пододеяльников, одеял запасных в то время в деревнях не было. Спали на соломенном матрасике под какими-то пальтишками. Заснула мгновенно. Проснулась от какого-то, как мне показалось, блеска. В противоположном углу ясно вырисовывался лик — сверкавший, блестящий, серебристого оттенка. Такой, какой я видела за обедом на иконе в кухне. Только тот был нарисован, а этот — живой, как мне подумалось. Я замерла, боясь пошевелиться. Ни страха, ни настороженности не было. Какое-то умиротворение, ласковое тепло исходило от видения. И я заснула. А утром все было как всегда: чистый пол, иконы на месте, и тишина.

Не знаю, чей лик явился мне ночью. Для меня любая икона и Бог были одно и то же. Ни одной иконы

я не знала. Но с этой ночи я решила: Господь есть, я верю в тебя, Боже!

Робко, постепенно овладевала мною мысль, что есть потусторонние силы, сначала молилась Господу, мысленно возвращаясь к тому, что видела в деревне. Ведь ни икон, ни молитвословов, ни какой-то религиозной литературы достать было невозможно, да и опасно: обвинят в религиозности, а отсюда — оргвыводы.

Первый раз я перешагнула порог церкви в 30 с лишним лет. Случилось это в селе Скнятиново Ростовского района, куда я со своими шестиклассниками попала во время лыжного похода из нашей Петровской средней школы. Первую библию я привезла из туристической поездки в Финляндию. Первые иконы Спасителя, Николая Чудотворца и Богородицы мне (вернее по моей просьбе родителям) подарили знакомые из отдаленной деревушки Ростовского района.

Нет, я не считаю себя воцерковленной. Просто знаю, верю, утверждаю: люди должны жить под Богом, по христианским заветам и обычаям по Божьему промыслу.

Да, в моей жизни не все складывалось так, как учит церковь. Втихаря, во время летнего отпуска у свекрови, я окрестила детей (вместе с младенцами московских родственников). Священник крестил на дому, хотя церковь в селе была рядышком. Осторожничали. А приехали домой и тайна раскрылась. Полуторагодовалый сынишка первым делом по возвращении помчался к бабушке и перекрестился неумело, но моя мама все поняла и поддержала меня.

Судьба как будто поддерживала меня, подталкивая к религиозности. Замуж я вышла за внука священника,

он врач, атеист. Отпуск мы проводили в бывшем поповском доме, на чердаке которого, как поленница дров, были взгромождены великолепные иконы, сделавшие бы честь любому православному храму. К сожалению, их судьбы я не знаю.

Самые благоприятные и благодатные условия для формирования моего религиозного мировоззрения появились, когда я приобрела дачу в Тутаеве (левый берег). Шесть храмов, каждый из которых самобытен, даже самого строгого атеиста, мне кажется, поколеблют. Там сам воздух наполнен Божией благодатью; окрест красота неземная, она сама требует от человека очищения духовного.

Вера в Бога помогает мне переносить житейские трудности, врачевать телесные и житейские раны. А начало религиозности — там, в Николо-Замошье, где хранят память о священномученике Димитрии (Вознесенском), где прихожане молятся в никогда не закрывавшейся церкви Богоявления и где, хоть и медленно, но восстанавливается колокольня после попадания в нее молнии. А то, что ручеек пожертвований не иссякает, свидетельствует: люди обретают веру, идут к Господу нашему Иисусу Христу».

* * *

Расстреливали не только священников, но и мирян. Одна из историй была рассказана Д. А. Пономаревым, профессором Санкт-Петербургской Лесотехнической Академии. «История гибели священномученика Димитрия Вознесенского перекликается в какой-то мере с воспоминаниями моей бабушки — Екатерины

Звонница колокольни с 8-ю колоколами

Ивановны Никитиной. В 1918 году в Петрограде был голод, дедушка — Николай Игнатьевич Никитин тяжело болел испанкой. И вот бабушка вместе с двумя детьми собралась в деревню Сысоево под Мологой, родную деревню ее отца — Ивана Романовича Груздева. В деревне бабушка как могла, зарабатывала на продукты, которые переправляла в Петроград. Учила детей и взрослых, чинила часы (попросту говоря, их смазывала) и даже учила деревенских женщин танцам (!). Так вот, однажды бабушке сказали, что поблизости находится отряд латышских стрелков, ищет какую-то приезжую из города. Она побыстрее из деревни уехала и, может быть, поэтому осталась цела. В другом рассказе бабушка говорила, как карательный отряд хотел расстрелять какого-то мужика, тогда его брат сказал: «Расстреляйте лучше меня, у меня нет семьи, а у брата — дети». И расстреляли вышедшего на замену брата. Вот она — наша история». Видимо, это та же история, что описана Т. Бикбулатовым в книге «Веретейская волость»¹: «Когда на казнь повели зажиточного крестьянина Жилкина Александра Павловича, из толпы вышел его сын Александр и сказал: “У отца большая семья, расстреляйте меня вместо него”. Отца отпустили, а сына расстреляли». В книге упоминается и брат Ивана Романовича Груздева — Алексей Романович Груздев.

В опубликованных материалах² указано, что Алексей Груздев был расстрелян с другими в октябрьские собы-

¹ <https://www.libfox.ru/639181-timur-bikbulatov-vereteyskaya-volost.html> / Тимур Бикбулатов, Веретейская волость.

² Из материалов ГУБЧК /Алексей Груздев см. [Приложение 4: № 177. Стр. 308. Отчет Мологской Чрезвычайной комиссии о ликвидации крестьянских выступлений в Мологском уезде].

тия 1918 г., как принимавший «активное участие в выступлении...». Расстрелы прошли по многим волостям Мологского уезда (Приложение 4).

* * *

Точное место погребения тела о. Димитрия (Вознесенского) неизвестно. Остались воспоминания внука сщмч. — Дмитрия Николаевича Изюмова, который знал это место. Он утверждал, что ограда и крест на могиле существовали до строительства дороги у станции Шестихино примерно до 1935 года.

Отправной точкой для нахождения места расстрела и погребения останков расстрелянных священника и «неизвестного» купца, является пакгауз станции Шестихино: на нем были установлены прожектора, освещавшие расстреливаемых, примерно в 20-30 метрах, по словам Дмитрия Николаевича. Сравнивая документы, все-таки можно сделать вывод о том, что в могиле остались только двое: о. Димитрий и неизвестный купец, так как свидетельства «не расстрелянного» кузнеца Петра Панкова из деревни Матренинской и свидетеля расстрела племянника Б. Торопова совпадают — расстреливали четверых.

Памятный (Поминальный) крест сщмч. поставлен в предполагаемом месте события, а не на могиле. Это место подсказано последним очевидцем, знавшим, где была могила, внуком священномученика — Дмитрием Николаевичем Изюмовым. А для него ориентиром послужила труба кирпичного завода. Сейчас и этот ориентир исчез, труба упала, но сохранилась видеозапись, которая была сделана в приезд Ирины Владимировны

Епископ Вениамин (Рыбинский и Даниловский) на конференции в г. Рыбинске, 2017 год

Иерей Алексей Калинин вспоминает подвиг о. Димитрия

Изюмовой в Некоуз и Шестихино, а через несколько дней показана ее дяде, Дмитрию Николаевичу Изюмову. Приведем здесь фрагмент разговора Ирины Владимировны (ИВ) с Дмитрием Николаевичем, записанного в августе 2007 года.

«У Тороповых [дети сестры Николая Петровича Изюмова — Надежды Петровны Тороповой] в 1918 году было три брата. Старший брат Борис, он примерно ровесник тети Жени [Евгения Петровна Изюмова, младшая сестра Николая Петровича Изюмова], так вот этот Борис, когда был еще мальчишкой, он так везде проныра был, пронюхает, что может быть какой-то расстрел, и туда пошел, полез, был из-за кустов свидетелем всех этих дел. После первого залпа Дмитрий Павлович Вознесенский стоял... не упал». ИВ: «И это чем объясняют? Не хотели стрелять?» — Да, и уже когда командир сказал... — а может комиссар сам? — собственноручно не было. Надо было всех повязать. <...> Расстрел был ночью, в темноте. Отсюда, где платформы стояли, расстояние было совсем небольшое, и вот отсюда же светили прожектора на расстреливаемых. Так что они были освещены. Вот так. Вот этого о. Сергей тоже знать не мог. <...> Здесь рядышком было все, на очень небольшом пространстве. Здесь был пакгауз, совсем рядом, ну, может быть в 20–30 метрах. <...> После первого залпа о. Димитрий стоял, не упал. <...> Мать мне говорила вот так, очевидно оно так и было... Крестик стоял долго, так, наверное, до войны, до 1935 г. <...> до оползней было далеко. Кирпичный завод, труба. <...> Такое было и в Николо-Замошье. Там, где сейчас деревня Режа, на юг от Николо-Замошья, там было такое местечко, где была старая Поповка, где как раз и родился Дмитрий Павлович, где мои бабушки,

Фотография 1914 г. Слева направо: Ольга Дмитриевна Вознесенская, Варвара Ивановна Изюмова с 1-м внуком Володей Изюмовым, священник Димитрий Павлович Вознесенский, рядом зять, Николай Петрович Изюмов

тетки матери жили, — старая Поповка... Когда переехали в Николо-Замощье, там всего-то и было домов-то восемь: я сейчас скажу... Память о нем [о. Димитрии], как я помню мальчишкой, была долго. Во-первых, он там вырос, поэтому его все там знали, со многими он там даже в армию призывался, но потом, когда стал духовным лицом, их не брали. Поэтому он был там свой человек. <...> уже будучи в колхозе, я работал с теми мужиками, которые тогда были еще довольно молодыми, а с их сыновьями я учился в школе. Вот они рассказывали, как у отца Димитрия частенько ночевали в доме, в период весеннего паводка. Там и река-то [Ильдь] невелика, так что это, может быть, только повод был не ходить домой, а там у него и спали. Поэтому был близок [им], так с удо-

вольствием рассказывали. Память о нем, как я помню, была долго. <...> Ну и потом мать моя [Ольга Дмитриевна] была все-таки учительницей, строго вела все дело, и пользовалась успехом, вот ее пацаны (!) больше всего слушались».

Дом священника Димитрия Павловича Вознесенского, в котором он прожил с 1906 года до 17 октября 1918 года, — еще одна святыня Нового Некоуза, которая требует внимания и сохранения. Он был очень уважаем селянами, отсюда, из этого дома его увели на расстрел.

Памяти архимандрита о. Севастиана (схиархимандрита Иринарха)

Сменилось много настоятелей церкви в советское время, одни были недолго, другие отдали ей и ее пастве долгие годы, жили заботами своих прихожан. Немногие из сельчан отваживались на венчание и крестины детей в церкви — только глубоко верующие люди ходили в храм, другие редко, или приглашали священника на дом, чтобы произвести крещение, многие вообще никогда не заходили: такая была установка и в обществе, и дома. Среди любимых пастырей сегодняшние прихожане вспоминают о. Севастиана в день его памяти 24 мая³.

В памяти сохраняются навсегда эпизоды общения и встреч с удивительными людьми, и становится тепло и светло на душе от этих воспоминаний. Таким человеком был схиархимандрит Иринарх, в миру Всеволод

³ Ярославские Епархиальные Ведомости, июнь 2007, стр. 10/Вечная память: схиархимандрит Иринарх.

Архимандрит Севастиан, 2006 год

Романович Макалкин, которого прихожане знали как отца Севастиана.

Менее чем за месяц до смерти он принял великий ангельский образ — схиму. Постриг совершил архимандрит Пимен (Адарченко) <...> Господь ему послал духовного отца старца Ириней, который передал духовному чаду свою схимническую одежду, сказав, что тот ее поносит, но недолго. Так и получилось. Долгое время схиархимандрит Иринарх (Макалкин) являлся экономом и помощником по хозяйственным делам архиепископа Сергия (Ларина), который управлял Ярославской епархией с 1964 по 1967 год.<...> Схиархимандрит Иринарх принадлежал к тому поколению пастырей, которое на своих плечах вынесло тяготы антицерковных гонений, воздвигнутых атеистическим режимом уже в середине XX века. Служение батюшки совпало и с не менее драматичным «перестроечным» периодом, когда страна очнулась от духовного забвения, а перед Церковью

встала задача восстановления порушенного. Тщанием батюшки многие пришли к своим истокам, пришли в его Богоявленский храм, являлись постоянными прихожанами, помогая батюшке во многих хозяйственных делах. Схиархимандрит Иринарх был поистине отцом своей многочисленной паствы.

Он был настоятелем храма Богоявления Господня в с. Новый Некоуз 39 лет (с 1968 года по апрель 2007 года). Родился отец Севастиан в Тульской области 16 декабря 1930 года, в 20 лет принял монашество.

По душе пришлась батюшке жизнь в деревне, он любил общение с сельскими людьми, народом простым и трудолюбивым. Помогал близким людям ухаживать за домашними животными, приусадебным участком, даже помогал в сенокосе. Во многих семьях он стал родным человеком, делил с людьми горе и радости, переживал, если возникали у кого-то трудности, беспокоился, звонил, навещал. Одна женщина, рано овдовевшая, многодетная мать, как-то сказала: «Не понимают некоузцы и не ценят, какое светило живет рядом с ними». А жил батюшка скромно, не любил лишнего шума. Его жилищем был обыкновенный деревенский дом, в нем — стол, стулья, кровать, да русская печка, в которой он сам пёк пироги, делал просфоры, а когда ждал гостей, то даже лепил пельмени. Любили к нему люди ходить в гости, а он радовался и приглашал к столу «хлебать» чай. В центре большого деревенского стола пыхтел угольный самовар, стояла сахарница с кусковым сахаром, варенье, мед, нарезан батон или пироги. После встречи с ним всё становилось предельно ясно, учёба налаживалась, на работе все получалось, проходили обиды. Господь ведь милостив!

Отец Севастиан ездил по деревням, совершал требы, любил русскую народную песню. Некоторые были свидетелями, как он азартно топал ногами под столом, когда играла гармошка. У батюшки был красивый голос — тенор, за душу брали его Херувимская песнь и Пасхальные песнопения. Заботился о престарелых, детях, бедных, приносил пожертвования в детский дом, больницы (яйца, картошку, овощи). Редкие командировочные, приезжавшие на раннем пригородном поезде, видели, как рано утром появлялась на улице Ленина фигура священника в черном незаменимом драповом пальто. Он останавливался на обочине дороги, провожал уходящие машины своим пронзительным взглядом, махал водителям рукой. Иногда по несколько раз в день приходил он с улицы Лесной в храм, проверял, всё ли в порядке. Батюшка постоянно что-то ремонтировал в храме: то отопление, то кровлю, занимался реставрацией, при этом не забывал накормить рабочих, порою готовил сам.

Со здоровьем у батюшки всегда были проблемы, но он не унывал, наоборот, жалел других, обычно беседа с ним начиналась со слов: «Мне вас жалко!».

Ему жалко было всех: начальников, которые служили, учителей, которые учили, врачей, которые лечили. К нему ехали из разных уголков Ярославской области, г. Рыбинска, Твери, Тулы, Тутаева и даже Перми...

Вот и в последнюю апрельскую Пасху 2007 года к батюшке приехали его чада, вместе встретили Великий праздник. Отец Севастиан отслужил в своей скромной келье, дома, на Лесной улице. С улыбкой после трапезы сказал: «Вот и Пасху мы так хорошо встретили!» — и всех благословил. А потом батюшка лёг в больницу

В день памяти схиархимандрита Иринарха, 2017 год

и уже не вернулся в свою келью, но находясь на больничной койке, то ли в забытии, то ли нет, звал своих чад на исповедь, они же к нему, подойдя, слышали, как он тихо читал молитву «Отче наш», с этими словами и ушел в мир иной.

Вспоминает бывший директор Некоузской школы (Старый Некоуз) Вера Геннадьевна Баранова: «Знала батюшку с 1994 года, когда я работала завучем в 8-летней школе в Старом Некоузе. Батюшка пригласил меня петь на клиросе, сам разучивал с нами пасхальные песнопения. О. Севастьян был очень музыкальным, имел приятный, бархатный голос, пел первым голосом. Бывало, придешь на службу не в добром расположении духа, батюшка пошутит, поговорит, и на душе становится легко, и на службе пелось легко. Ходила на богослужения как на праздник. На клиросе со мной всегда пели Мешалкина Лидия Николаевна, Башкирова, Хохлова и Надежда Зимина (из Старого Некоуза). Батюшка никогда не раздражался, встретит, бывало на дорожное, издалека начинает приветствовать. Своей доброжелательностью притягивал к себе, поднимал настроение. О. Севастиан искренне молился за нас грешных. <...> Ну и долго было, что нас немного было певцов-то. <...> Про себя я так говорю: на душе всегда спокойней, когда на службу в храм схожу, живу в тот день я без волнений, за что я Господа благодарю. И о. Алексея! Он службу очень хорошо ведет, мне очень нравится, и очень много для храма делает. Уже одно то, что колокола появились. Я с 1952-го года же здесь. Никаких звонов не было колокольных, а вот он сумел это сделать. Теперь там, где были просто как кладовки — библиотека, воскресная школа, дети приходят».

«Отец Севастиан человек был добрый, — вспоминают прихожане, — никогда никого не обидел, все время с улыбкой, ко всем относился очень хорошо, с юмором. Как только какое-то торжество, венчание, поминки, — всё Всеволода Романовича приглашаем, Всеволод Романович никогда никому ни в чем не отказывал, никогда, никогда. Крестины... Батюшка, вот у нас тут так, тут не ладится, помогите, помолитесь за нас. Вот еще вспоминаю про бабушку, свекровь. Она у меня очень тяжело болела. Вот она мне и говорит: “Таня, мне так плохо, давай поезжай за батюшкой Севастианом. Никак не могу машину найти. Да, с Божьей помощью нашлась машина, а он уже бедненький стоит, в балахончике таком холщовом, с сумочкой: “Ой, на каком коне ты приехала”. Да вот, батюшка, такой нашла. А потом он ее соборовал, причастил и говорит, — ну, Валентина, мы еще с тобой поседем. И, действительно, и посеяли, и осень пришла...»

«Он был шутник, мог подшутить над каждым человеком. Для соседей, друзей, был незаменимым. Допустим, я тогда держал скотину, а в другой раз подоить и некому было; он у меня брал молоко, ходил в поле с дойником, доил корову; возьмет кружку эмалированную, молока нацедит, напьется, остаток, что не допьет, несет домой», — рассказывает об отце Севастиане некоузец Курдюмов.

Вспоминает семья Голубевых: «Наша мама Вера рано овдовела, многодетная семья осталась без кормильца. Мама заболела от горя, казалось, печали не будет конца. Кому излить свою душу? Кто протянет руку помощи? Ноги сами несли в храм, к доброму батюшке. За чашкой чая постепенно успокаивалась, силы прибавлялись. Почувствовала участие и сочувствие, и с другим

настроением возвращалась домой. Мы, три сестры подросли, получили образование, некоторые венчались у батюшки, крестили своих внучат. О. Севастиан ненавязчиво рассказывал о вере, православной жизни, он не был требовательным к другим людям, боясь их чем-то обидеть, был для всех примером кротости. Мама говорила — не понимают люди, какой светлый человек среди них живет. Так и бывает, понимаем значимость человека, когда его среди нас уж нет, не видим порой в простоте и скромности, немногословности, истинную прекрасную доброту».

Вспоминает Елена Анатольевна Николаева: «Первая встреча с о. Севастианом состоялась по печальному поводу: отпевали прабабушку Любу. Мне тогда было 12 лет. Уже тогда я почувствовала теплоту и добро, которое излучал батюшка. Все уважительно называли его Всеволодом Романовичем. Потом встречала ... батюшку на праздниках, восхищалась его жизнелюбием: “Поплачьте, но сильно не горюйте. — На все воля Божия, живите дальше и молитесь, не грешите”. Так говорил батюшка. Стараясь успокоить, он даже шутил. Крестил батюшка меня, когда мне уж было 27 лет. Сначала редко, а потом каждое воскресенье я стала ходить в храм на литургию. Проповеди у него были проникновенные, и хотелось жить так, как говорил батюшка, — не хотелось огорчать своего духовного отца. Мой папа, вспоминая батюшку, говорил, что он был большим шутником. Рассказывал такой случай. Приходит батюшка в гараж: “Здорово, мужики!”. — “Здравствуй, Романыч”. Так по-родственному приветствовали батюшку, и он не обижался. — “У меня что-то самогонный аппарат распаялся! Отремонтируйте”. Мы понимаем, что он шутит.

Наверное, что-то нужное надо действительно отремонтировать. — “Конечно, запаяем”, — отвечали мужики. “Да я шучу, сделайте мне, пожалуйста, нож с добротной ручкой”. И отец сделал нож с ручкой из текстолита. Как-то идет утром батюшка в храм, а навстречу ему мой отец. “Ну что, Анатолий, в Махаево уже свеклу посадили?” — а был еще только март месяц. — “Так ведь это немного южнее”, — отвечает отец. — “То верно ты подметил”, — засмеялся батюшка. Вот так, приветствуя всех, отец Севастиан всегда шутил, улыбался, глаз светился добротой. Еще отец вспоминал вот что. Когда батюшка стал строить дом в районе лесхоза, он поинтересовался: “Почему так далеко от храма?” На что о. Севастиан ответил, что строительство не разрешили рядом с храмом, так как там земля совхозная. Вот так и ходил много лет батюшка несколько километров в день в храм и обратно, встречался с некоюзцами, интересовался их здоровьем, расспрашивал о проблемах. Встречаясь со мной, всегда спрашивал: “Как здоровье у отца и мамы?”. Хочется вспомнить еще выпускной вечер в школе, 89-го года. Тогда батюшка напек столько вкусных пирогов, ватрушек, что хватило всем — и учителям, и ученикам, и родителям. Это был подарок Надежде Курдюковой, родители которой помогали батюшке в быту. Вот такой был наш батюшка. Внимательный, заботливый, добрый, светлый, таким он и останется в наших сердцах».

Нина Васильевна Лебедева: «Всеволод Романович был очень добрым, светлым человеком. Одевался всегда скромно. Зимой ходил в повязанном поясом тулупе, подшитых валенках; летом в широких штанах, клетчатой синей рубахе и с сумкой через плечо. Встретить батюшку на улице, — большая радость, от него исходили теплота

и спокойствие. Любил наш батюшка пошутить. Пришла я как-то в храм в 30-градусный мороз одна. Никто больше не пришел. Отец Севастиан встречает меня со словами: “Сбегай-ко, милая, на рынок, собери народ, службу начинать пора”. А то вспоминаю еще такой случай. Летом в пять утра пришла — пораньше. И выкосила всю траву вокруг храма. Батюшка пришел на службу к 6-ти. Заметил, что все выкошено, увидев меня, догадался, кто косил, и говорит: “Нина! Бригаду молодых девушек вызывали, чтобы все выкосить? Какие девушки молодцы!”. И сам лукаво улыбается. Так батюшка не только поблагодарил, но и выразил свое удивление, что уже немолодая женщина одна все сделала. По окончании службы отец Севастиан не оставлял ни одного прихожанина без внимания, каждому находил напутственное слово, после которого на душе становилось светло. В 80-х годах отопление в храме было печное. Батюшка вместе с прихожанами заготавливал дрова, по его благословению кололи, укладывали поленья. После плодотворной тяжелой работы батюшка устраивал скромную трапезу: отваривал картошку в мундире и подавал с соленым огурцом. После чего было чаепитие с кусковым сахаром, который он очень любил. Все батюшка делал для процветания храма, даже в последнее время, в период тяжелого недуга, не покидал свой пост. Пришел как-то ко мне подписывать документы. У меня в доме пять ступенек. Батюшка сел на первую. Я ему говорю: “Батюшка, проходи в дом!”, на что слышу ответ: “Нина! Силы меня покидают совсем, я уж здесь посижу”. Никогда отец Севастиан не жаловался на свой недуг. Все переносил стойко и с юмором. Батюшка покинул этот мир, но светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах. Вечная память!»

Вспоминает Н: «Вот как-то он мне рассказал: — Я в храм-то хожу рано, рано. Вот вышел (а уж очевидно он стал болеть, силы его покидали), стал через рельсы-то переходить, запнулся, да и упал на рельсы. Лежу, а там, вдали гудит уже поезд, а я как раз и лежу на этих рельсах. Думаю, — ну всё, смерть моя, наверно, пришла. Да слава тебе Господи, бежал из деревни, — не помню, кого он назвал, — Батюшка, милый! Да, чего здесь делаешь? — да вот, видишь, за рельсину запнулся. — Ну, давай, поднимайся, поднимайся, вон там поезд идет, скорей, скорей я тебя переволоку. Да меня на загорбок, до перрона-то и дотащил меня. Поставил на перроне на ноги. Слава Тебе, Господи, я дальше пошел».

Вспоминает Александра Николаевна Головушкина: «Я приду в храм, пораньше, а он двери открывает и говорит: «Шура, а уж у нас Коля косы бьет». А я ему говорю: «А у нас в Чертунине уже скирды поставлены». А-то придет: “Шура, сегодня к поезду бегал”. — “А чего ты бегал?” — “Да теленка зарезали, кишки продавал”. А как придет в шубе большущей, я и говорю, — “ой, да вы чего же, батюшка?” — “А с Рождества-то цыган шубу снимает. Вот он снял, а я у него купил”. <...> Лежит в больнице. Я пришла. Какой-то мужчина у него сидел. Ну, мы с ним поговорили. А он: “Шура, я как выхожу из больницы, так сразу баян покупаю!” Я говорю: “Ну, так хорошо, ты баян купишь, а я спляшу”. <...> Как-то идет к нам, а через плечо на веревке несет колунов. “Саша дома?” — Я говорю, — дома. А чего? — да вот колуны у меня, чтоб мне наточил”».

«Первый раз приехала к батюшке, а он так шутит, шутит. Для меня это было так дико, у нас-то строго, слова боишься сказать. Попросила я просфорочек у девочек,

Ст. Шестихино. Памятный крест

они мне одну дали, и я пошла как-то недовольная. Батюшка догоняет меня на крыльце, тарелку с просфорками несет: “Матушка, берите, берите! Вы откуда? Вы не здешняя”. — Я приезжая. — ну, берите просфорки, берите. “Я из Козельска”. “Ой, я там был. Это ж какой город-то. У меня ж там брат Мелентий был. Вы не знаете его?” — “Нет”. — “О, так он уж умер, а где похоронен не знаю”. “Батюшка, да я посмотрю”. А у нас действительно, Оптинское кладбище — перенесли там Мелентия... И как-то он мне так понравился, я как приеду, иду к нему. — “Приехала?” — “Приехала, батюшка”. И внучку крестил, и дом освящал... Такой доброжелательный».

Традиция 31 октября в день памяти сщмч. Димитрия совершать литургию возникла с приходом в храм иерея о. Алексия Калинина. Он служит и трудится в храме с 3 мая 2009 г. Первые годы своей службы о. Алексей полностью посвятил себя восстановлению храма. Перечень уже осуществленных работ и осуществляемых за эти годы внушителен. Еще в 2006 г. на колокольне не было ни одного колокола, первые два установил о. Александр, служивший недолгое время в храме после кончины о. Севастиана, а теперь их восемь! Прихожане говорят, что им «везет» на священников. Таким был и сщмч. Димитрий (Вознесенский), а духовная связь с ним помогает о. Алексею в его трудах, поддерживает в трудные минуты.

В храм приезжают помолиться в престольные праздники жители из всех ближайших поселений, Рыбинска и Ярославля, бывают из Москвы и Петербурга.

Но недавно открылась новая «рана»³⁵: несколько лет назад в Крест на колокольне попала молния и «прошила» все сооружение. Долгое время беду не ощущали, пока сверху не стали осыпаться крошки кирпича, что, естественно, было небезопасно для прихожан, грозило закрытием храма. С большим трудом, но дело по восстановлению колокольни движется и вот уже 4 ноября 2017 года были освящены Кресты, снятые с одного из ярусов колокольни.

Через некоторое время от лесов был освобожден следующий ярус колокольни, постепенно открывается первозданная красота колокольни.

О. Алексей заложил новую традицию: в дни памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской после службы прихожане остаются в храме посмотреть фрагменты фильма «Новомученик Димитрий Вознесенский». В фильме воспоминаниями делятся потомки, знакомят с уникальными теперь уже документами, которые они бережно сохранили.

Личный молитвослов прадеда хранится в семье Нины Владимировны Накашидзе (Изюмовой), правнучки о. Димитрия в Грузии. Одна из последних записей о рождении у нее внучки, с красивым именем Мариам, Машенька. Это имя носила рано умершая жена священника Димитрия Вознесенского. А старший внук назван в честь священномученика — Димой, Дмитрием. Время идет, и сейчас в этой семье подрастает внук Георгий.

³⁵ <http://www.proza.ru/2014/11/12/2096> /И. Коротаева. Плач о колокольне; Коротаева (Копылова) И.К. Уходящему времени вопреки. Изд-во «Индиго». Плач о колокольне, стр. 321; <http://rybinskayasreda.ru/plach-o-kolokolne/> Инна Коротаева-Копылова.

*Памятный крест у станции Шестихино, Некоузский район
Ярославской области (4 февраля 2018 г.)*

Возможно, что Нина Изюмова дождетсa преемника Молитвослова.

На родине о. Димитрия Вознесенского также подрастают мальчики с именем Дмитрий. Имя это, может быть, станет популярным в селе, а крещеным с этим именем дарится икона священномученика.

Ведь потомки святого — это не только род, но и все мы, и в первую очередь, нынешние жители Некоуза. Хотелось бы, чтобы память о нем сохранялась, не прерывалось молитвенное общение, помогая жить и прихожанам Богоявленской церкви, и всем, призывающим его святое имя.

А пока ученики Воскресной школы храма отправляются к Памятному кресту в Шестихино еще раз услышать слово пастыря о подвиге сщмч. Димитрия (Вознесенского) и помолиться: «Священномучениче Димитрие, моли Бога о нас!».

Журнал заседания Священного Синода от 6 октября 2001 года.

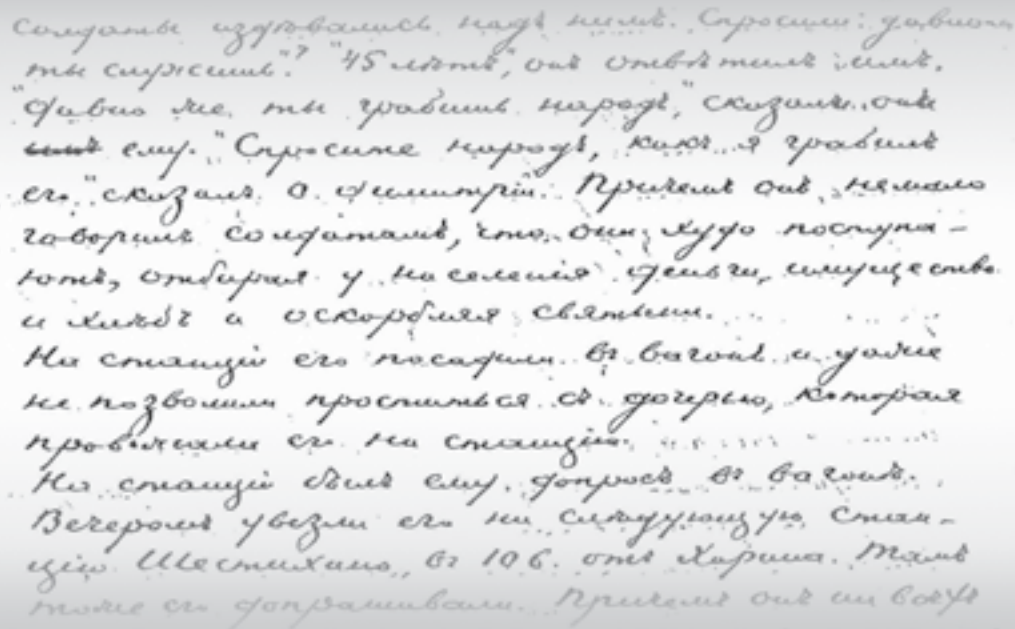
СЛУШАЛИ:

Справка. Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года определил: «В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной комиссией по канонизации святых» (пункт 14 Деяния о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских).

1. Одобрить доклад Преосвященного митрополита Ювеналия.

от Ярославской епархии:

священника Константина Снятиновского (1867 — 1918),

Приложения

священника Димитрия Вознесенского (1855 — 17 октября 1918)¹,

Ираиды Тиховой (1896 — 7 августа 1967).

3. Сообщить имена этих святых Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы.

<https://mospat.ru/archive/page/synod/2001-2/455.html>

¹ Дата расстрела 18/31 октября 1918 г по документам (Приложение 2).

Приложение 2

Рапорт 1-го священника церкви Мологского уезда села Николо-Замощье о. Сергия Розова Митрополиту Ярославскому и Ростовскому Агафангелу.

*Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Агафангелу,
Митрополиту Ярославскому и Ростовскому
Священника церкви села Николо-Замощья,
Мологского уезда, Сергия Розова.*

Считаю своим долгом почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству о следующих событиях, бывших в Николо-Замошском приходе, поскольку события эти касаются его причта.

16-го октября с.г. в приходе церкви села Николо-Замощья и соседних с ним вспыхнуло возстание против Советской Власти. Возстание сначала началось в дальних от станции Харино волостях. Повстанцы 16-го октября явились и в деревни смежные со станцией и заставили население взяться за оружие. Главным центром возстания была станция Харино, находящаяся в пределах Николо-Замошского прихода. 16-го октября, в 11 ч. утра я был у другого священника Николо-Замошской церкви о. Димитрия Вознесенского для совещания с ним о мерах, какие следовало-бы принять по охранению храма и его имущества в виду надвигающихся грозных событий. Во время переговоров с ним является депутация, состоящая из лиц разных приходов и требует, чтобы причт благословил их на ратный подвиг, для чего с крестным ходом шел бы на станцию Харино и там совершил моление.

Начало 1-ой и конец последней страницы рапорта с указаниями дат поступления в Ярославскую консисторию, регистрация рапорта свящ. С. Розова

Заявление это привело нас в немалое смущение. По декрету Советской Власти, без ее разрешения, мы не имели права совершать общественного моления на станции, а тем более с крестным ходом. На это было указано и депутации. Но они настаивали на своем требовании.

Через несколько времени являются и вторая и третья депутации с настойчивым требованием немедленно идти на станцию для совершения моления.

Уступая такому неотступному требованию, а также принимая во внимание и обязанность священника быть всем для всех, мы отправились на станцию и там совершили моление Спасителю, Покрову Божией Матери и Св. Николаю, причем я велел диакону на яктении

присоединить моление «о умножении любви, и искоренении ненависти и всяких злоб». В начале молебна я просил богомольцев просить Господа о даровании нам мира, согласия и порядка.

Когда молебен уже окончился, и я хотел богомольцев благословлять Св. Крестом, священник Димитрий Вознесенский заявил мне, что он желает говорить. Я остановился. Речь его была такова: «Я не ошибусь, если скажу, всем нам в настоящее время живется очень тяжело. Грабят, отбирают хлеб, святыни, притесняют служителей церкви. Все это проделывает так называемая партия большевиков, которая самовольно захватила власть. Так жить нельзя. Необходимо Учредительное Собрание для избрания законной власти».

После молебна причт отправился домой.

Вечером было всенощное бдение, после которого многие богомольцы исповедались.

17-го октября в 8 ч. утра очередной священник о. Димитрий Вознесенский велел сторожу звонить в большой колокол к литургии.

Я же пошел проводить жену, которая, будучи нездоровой и опасаясь могущих возникнуть опасных событий, так как ждали приезда карательных отрядов, решила уехать из дому в лес.

Я думал вскоре возвратиться и идти за богослужение.

Едва только мы отъехали от дома, как услышали пулеметные выстрелы и увидели толпы народа, бегущего от станции; причем передали мне, что Советские солдаты ищут меня и грозятся разстрелять.

Тогда я отдумал возвращаться домой и уехал с женой в лес, где было немало и других жителей нашей местности.

Оказалось, что из Рыбинска приехал карательный отряд и все повстанцы, после слабого сопротивления, разбежались.

Услышавши звон большого колокола, красноармейцы думали, что это призыв к возманию и что в нашем селе находится центр этого возмания и главное гнездо контр-революции.

Поэтому, розсеявши повстанцев около станции, они бросились к нашему селу и к моему дому; обстреляли его и стали спрашивать, где я; им сказали, что я уехал, и показали ложную дорогу; пятеро из них отправились меня догонять; но, увидавши, что меня на этой дороге нет, воротились обратно в наше село и бросились опять к моему дому, который в это время был заперт; сломали замок и стали делать обыск.

Тем временем двое из них пошли в храм, где совершал о. Димитрий литургию; было немного женщин и один только мужчина. Один солдат остался у храма, а другой с винтовкой вошел в храм. Читали апостол. Солдат, войдя в храм, закричал: «Прекратить богослужение». Диакон снял с себя стихарь и ушел в придельный алтарь. Псаломщик ушел из храма. О. Димитрий начал читать евангелие. Солдат с ружьем вошел на амвон, подошел к царским вратам и стал требовать, чтобы о. Димитрий прекратил богослужение и хотел его вытащить через царские врата из алтаря. О. Димитрий сказал ему, что он, солдат на своем посту, а он, священник на своем посту и прекратить богослужение он не имеет права. Тогда солдат сказал ему, что он будет стрелять, и стал готовить ружье к выстрелу. О. Димитрий сказал: «стреляй, я готов». Но у ружья, что-то выпало и выстрел не получился. И солдат со словами: «все равно

от нас не уйдешь», из церкви вышел. Богослужение после этого продолжалось без всяких препятствий; пели на клиросе некоторые богомольцы. Были причастники, накануне исповедавшиеся.

После службы о. Димитрий прошел домой, закусил и немного отдохнул.

Вдруг являются солдаты и требуют, чтобы он шел на станцию. Он пошел... Дорогой солдаты издевались над ним. Спросили: «давно ли ты служишь?». «45 лет», он ответил им. «Давно же ты грабишь народ», сказали они ему. «Спросите народ, как я грабил его», сказал о. Димитрий. Причем он немало говорил солдатам, что они худо поступают, отбирая у населения деньги, имущество и хлеб и оскорбляя святыни.

На станции его посадили в вагон и даже не позволили проститься с дочерью, которая провожала его на станцию. На станции был ему допрос в вагоне.

Вечером увезли его на следующую станцию Шестихино, в 10 в. от Харина. Там тоже его допрашивали. Причем он им во всех допросах повторял то же самое, что говорил в своем слове после молебна.

В 2 ч. ночи с 17-го на 18-е октября вблизи станции Шестихино о. Димитрия власти с другими разстреляли и тут же, у самой станции, почти на путях, и зарыли вместе с другими.

Родственники, спустя почти 20 дней, просили разрешения вырыть его тело, перевезти в село Николо-Замощье, отпеть и там похоронить, но им Советские власти не позволили.

22-го октября увезли в Рыбинск диакона Софийского и псаломщика Усатюка, где они и были в заключении при Чрезвычайной Следственной Комиссии до 4-го

ноября, когда им сообщили, что они свободны; причем в заключении им никаких допросов не было; а допрашивали только в вагоне дорогой к Рыбинску от Харина.

Во время всех этих событий я скрывался и жил в лесу. Красноармейцы ежедневно приходили в мой дом и справлялись, где я нахожусь.

И телесное и душевное состояние мое было в высшей степени мучительное. Душа болела о том, что приход оставлен без пастыря. Думал я возвратиться и домой, но меня останавливали соображения, что это для прихода будет совершенно бесполезно, так как меня немедленно разстреляют.

Да и сами прихожане наказывали пока скрываться, говоря, что необходимые требы совершаются соседними священниками; а за службу молящие ходят в ближайшие церкви.

Утешая меня словесно, прихожане и на деле заботились обо мне. 21-го октября они устроили приходское собрание, где составили приговор, что я во время 24-летней службы у них всеми силами заботился — «об их просвещении, о благолепии храма, о богослужении, об их экономическом благосостоянии»; при чем преимущественно заботился о бедноте приходской; в бывшем мятеже никакого участия не принимал; молебен пел по принуждению; звон в большой колокол был к богослужению, а не набатный, и зависел от о. Димитрия. И по всем этим соображениям, они просили Советскую Власть не преследовать меня и дать мне возможность явиться домой для исполнения своих обязанностей.

Между тем горячка пошла; волнение поутихло; разстрелы прекратились. В селе Некоуз учреждены были следственная Комиссия для разбора дел по восстанию.

И я решился возвратиться домой 29-го октября.

В тот же день я явился в Некоузскую Чрезвычайную Следственную Комиссию. Там сняли с меня допрос, взяли подписку, что я явлюсь к ним по первому требованию, наложили контрибуцию в 5000 рублей и отпустили для исполнения своих обязанностей, с предупреждением, что если на меня поступит какой-либо донос и окажется по дознанию верным, то меня разстреляют.

В таком положении нахожусь я и по сие время, уповая, что Бог, хранивший меня доселе, и впредь не оставит меня своей милостью.

Гроза, пронесшаяся над Николо-Замошским причтом, унесла и не одного о. Димитрия.

Псаломщик Димитрий Аполлонов Диаконов, заболевший еще до восстания испанскою болезнью, 27-го октября помер, 39 лет от роду. Развитию болезни способствовали и плохое питание и страшные события восстания; солдаты и у него в доме, опасно больного, сделали обыск и очень его напугали. После покойного остались жена и пятеро малолетних детей без всяких средств к жизни.

В настоящее время жизнь входит в обычную колею. Совершается по прежнему ежедневная Служба; только звонить не разрешают по случаю осадного положения. Причт теперь состоит из трех человек, как это было до 1910-го года, когда, по случаю полученного церковью и причтом выигрыша в 200,000 рублей, был назначен еще другой штат, хотя приход и был против этого назначения.

Ныне % с выигрышных капиталов не получается и причт материально бедствует; дети у диакона и псаломщиков, по недостатку средств, не обучаются.

Ввиду этого материального необеспечения, а также и того, что приходское дело вполне может справиться

и одним штатным причтом, я покорнейше просил бы Ваше Высокопреосвященство не назначать к церкви села Николо-Замощья другой штат причта, а оставить причт трехчленовым.

1918-го года, 8-го Ноября. № 91.

Испрашивая Ваших святительских молитв, честь имею быть покорнейшим слугой — Священник ц[еркви] села Николо-Замощья — Сергей Розов.

В виду того, что резолюцией Его Высокопреосвященства 8 го Ноября с/г уже определен на священническую вакансию к церкви Николо-Замощья бывший преподаватель Яросл. Дух. Семинарии — священник Алексей Соколов объявить просителю, что его просьба «не назначать к церкви села Николо-Замощья другой штат причта, а оставить причт трехчленным» не может быть удовлетворена. Умершего псаломщика означенной церкви Димитрия Дьяконова исключить из списка служащих, а псаломщическое место объявить свободным. Исполнить по настоящему реестру.

20 Нояб. 3 Дек. 1918 г. Члены Совета Прот. Н. Мирон
Исполнено ноября 22 дека. 3 дня 1918 г. Ук. благоч. [нрбр]
Мологск. у. N 1922 (нрбр).

1918 г. 16.10.18
Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Архиепископу,
Митрополиту Ярославскому и
Ростовскому

Священника церкви села
Николо-Замощья, Молог-
ского уезда, Сергея Розова

11580
Считаю своим долгом почитать Ваше
Высокопреосвящен-
ство о случившихся событиях бывших
в Николо-Замощской приходе, насколь-
ко события эти касаются местной церкви и
ее причта.

16.10 октября с.г. в приходе церкви села Ни-
коло-Замощья и случившихся с ними вче-
рашнее возмущение против Советской Власти.
Возмущение началось накануне в деревне
от станции Харинко возмущались. Повстанцы
16.10 октября явились и в деревне слободке
со станцией и заставили население сдать
за оружие. Главным центром возмущения
была станция Харинко, находящаяся в при-
ходе Николо-Замощской прихода.

16.10 октября, в 11.ч. утра в 4 часа у другого
священника Николо-Замощской церкви А.
Филиппова Вознесенского для совещания с
ним о мерах, какие следовало бы при-
нять по охранению храма и его имущества
в виду надвигающихся грозивших событий.
Во время переговоров с ним являлись
делегаты, состоявшие из лиц разнородных

прикаждой и требовать, чтобы принят благословенный на раниней, подобно, что это с преступным ходом и так на станции Харина и так со всеми и всеми.

Зависит это право нас в немалом смысле по усмотрению Советской Власти, да и с разрешения, мы не имеем права совершить общественное движение на станции, а только быть с преступным ходом. Но это было указано и депутации. Но она не ставила на своих требованиях.

Тогда несколько времени является и вторая и третья депутации с настоятельными требованиями немедленно идти на станцию для совершения движения.

Уступая таким настоятельным требованиям а также принимая во внимание и обязанности свидетелей быть всем для всех, мы отправившись на станцию и так совершили движение спасения. Пожару Гюсией Камер и Св. Николаю, принят в великий факт на Женеве присоединить движение в Женеве и в скорейшем будущем и всякие зловещие явления и просить Богомолитвы просить Господа о даровании нам мира, соли и порядка.

Когда же время уже окончилось и когда Богомолитвы были совершены Св. Крестом, свидетели Филиппий Вознесенский заявил нам, что он не может говорить. Я остановился Рядом с ним тихо: "Я не ошибусь, если скажу, что будет нам в ближайшее время некое озеро таяния. Завянут, отбывают люди, находящиеся в контрреволюции, оскорбительные свидетели, приносящие служителей

церкви. Все это происходит так называемая партия большевиков, которая самовольно захватывает власть. Так будет некое. Неожиданно Учредительное Собрание для избрания законной Власти."

После этого принят отравленный фонтан. Велерный был всеобщий бунт, после которого много возмущения и испугались.

17-го Октября в 8. утра оперный свисток издал в Большой Концерт. В. и другие.

Я же пошел провожать меня, которая, будучи изуродованной и опасаясь возможных возмущений опасаться собачьих, так как ядущим призыву карательный отряд, ранивший убитых из фонтан в 10.00.

Я думаю вскоре возвратиться и идти за Богомолитвы.

Будь только мы отбывали от уюта, как усердно принимали восторг и удивили только парком, движущим от станции; при этом передали нам, что Советские солдаты ищут меня и грозятся разстрелять.

Тогда я отлучился возвратиться домой и убитый с женой в 11.00, где было немало и других жителей нашей местности.

Оказавшись, что из Рибиско приехал Кортеменский отряд и все повстанцы, после сильного сопротивления, разбежались.

Имевшим зовом большого Концерта, Кортеменский думаю, что эти призывы к востанью и что в нашем соде находится центр этого востанья и главное изобретение контр-революции.

Подняв, разбитым повстанцами около станции, они бросились к нашему саду и к моему дому, встретили его и стали

спрашивая, что? и как сказать, что я уйду, и показав лодку у порога; Которая из них отор-
вилась от порога; но, увидав, что она
на той пороге была, вернулись обратно к
нам и бросились опять к порогу у порога,
который в то время был закрыт; Сели на
порог и стали уходить обратно.

Потом бросившись двумя из них пошел в храм
туда совершил о. Фимистрий молитву; было
немного времени и опять начал молиться.
Опять слышал стон у храма, а у другой ст
всплески воды в храм. Етало апостол.
Слышал, войдя в храм, закричал: "прекратите
богослужение". Филасов сидел с собой стиснув и
ушел в приделавый алтарь. Всплески
ушел из храма. О. Фимистрий начал читать
свои молитвы. Слышал с ружьем войной по во.
вод, пошел от царского врата и стал
предвостан, чтобы о. Фимистрий прекратил бо-
гослужение и хотел его выманить через цар-
ские врата из алтаря. О. Фимистрий сказал ему,
что он, слышал из своего посты, а он, слы-
шавший из своего посты и прекратил бо-
гослужение он не имеет права. Тогда слышал
сказал, что он будет слышать и слышит про-
тивоположен ружью от вострой. О. Фимистрий
сказал: "спаси, я готов". Но у ружья, тогда
вышел и вострой не получил. И слышал
с собою: "все равно, он не может не уйти",
из храма вышел. Богослужение начал снова
продолжилось без всякого препятствия; на-
лико Кипроса некоторые из богослужителей. Тогда
пришли станы, выжили и стискивались.
После службы о. Фимистрий прочитал молитву,
закрутил с иконами отходя.

Взрыв является причиной и предвестником, иногда
одновременно с землетрясением. Одновременно. Горючие

Серебряны изглаживались надъ нелюб. Спросимъ: "добрыя
ты серебряны?" "45 лѣтъ, одъ отбѣтъ ты нелюб.
"Добрыя же ты правили нелюбъ", сказанъ. одъ
нелюбъ нелюбъ." Спросимъ нелюбъ, какъ я правили
одъ." сказанъ о. Феликсъ. Притомъ одъ, нелюбъ
говоришь серебряны, что, одъ, нелюбъ поступилъ
тогда, отбѣтъ у. нелюбъ нелюбъ, нелюбъ
и нелюбъ и оскорбилъ нелюбъ.

На спаниці є пасажир. В багажі а у чом
не позволив проститися. Сд дозвину, которая
пробити є на спаниці.

Кто счастлив, тот счастлив, потому что он счастлив.

Всего раз убежимся в их сущности. Сказ-
ание Мелетия, в 106. от Харина. Там
тоже о догматах. Притом он и во всех
догматах повторяет то же самое, что говорил
о своем себе сам монах.

Въ 27. ноем. а. 18⁷⁴ и 18⁷⁵ Октября вблизи станций Местных О. Финляндия, вьездомъ въ другия разсѣрженіи, и тѣмъ, у самѣ станціи, погонъ на пугаѣ, а зрѣломъ вьездомъ съ другими.

Разрешившись, спустя полные 20 дней, прислать
разрешения. Выполнил ее недолго, перевел в
Семь Никольско-Тамбовские, отдалась и мать по-
хорошему, ~~то есть~~ Советской власти ее раз-
решения.

22-й Октябрь уезжаю в Радзиско сгруппирован Со-
фринский и Печенгский Искандер, тут они
и были в Закендении при Ереванской Импе-
риальной Комиссии до 4-го Октября, когда мы
свободились, они же свободны; проехали в
Закендении и мы с ними до уезда в Радзиско;
а уездом-то там только в Варшаву до уезда
в Радзиско от Харкова.

Во время всех этих событий я скрывался
и жила в лесу. Красавицу же выжили

Материал из следственного дела 1929-1930 гг.

Показания свидетелей и обвиняемого Панкова П.С. о расстреле на ст. Шестихино в 1918 году.

Свидетель обвинения Крымский Михаил Федорович
1886 года рождения, по происхождению крестьянин-бед-
няк.

Показания: Панков Петр Семенович действительно за участие в восстании приговаривался к расстрелу. Приговоренных было много. Расстреливали их ночью. От залпа оружейного каким-то образом уцелело двое: он, Панков, и Шестихинский поп (Леонид Мелиоранский). Когда расстрел кончился, солдаты ушли в вокзал, воспользовавшись этим счастливым случаем, оставшись под пулями в живых Панков с попом ушли. Когда солдаты увидели по возвращении с вокзала, что нет двух расстрелянных, они их стали ночью разыскивать прожекторами, но ничего не нашли. После этого Панков с попом скрывались долго. Когда выпустили приказ об отмене смертной казни, сутки через двое-трое после приказа Панков явился. Судим за это дело не был. Наказаний ему тоже не было никаких.

Свидетель обвинения Морозов Алексей Арсентьевич
1883 года рождения, дер. Матренинская.

Показания: Панков в кузнице работает лет 25-30. ... Был активнейшим участником бело-зеленого восстания в 1918 году, приговорен за это к расстрелу. Не расстрелян по счастливой для него случайности. Когда всех приговоренных к расстрелу выстроили для расстрела у маслобойного завода при станции Шестихино,

Ввиду этого материального безразличия, а также и того, что приходится жить в очень плохих условиях и одиноким, прошу Вас, Высокопреосвященство не изгнать из церкви святого Николы Замоскворецкого и оставить при нем.

1918-² год, 8-² Ноябрь. №31.

Исправляю Ваши светлые мысли
мысли, есть много добрых работ
судно - Свещенник у сан Николо-В.
мысли - Сергий Радз.

Известно, что отношения Е.о. Високопреосвященнейшего
святца отца 8-го Казанскаго ҃а. уже определенны по священни-
ческому викариату ко у.о. Николаю Замосцову Губерн-
профессору Архиеп. Вл. Смирнову. священником Афанаси-
ем Соболевым, объявляя прокурору, что по просьбе — не называя
имени Николая Замосцова другоб. митрополит при-
казывает принять подтвержденным не можеть быть, и что
митрополит, ^{указав} ~~Афанасию Соболеву~~ неопределенно означено
судави Смирнова Замосцова исключит из списка
Смирнов, а неопределенно иже объявляя свобод-
ным. Указав, по изданному указу

20. Хлод
З. б. н. 1918. Трен. Сторж. У. пош. Н. Мухом.

перемножить коэф. $\frac{22}{3}$ на 1912

Gr. Manor. Long. Approx. 4. 1911-1912
(from dist. life no more paper)

была очень темная ночь. Светили прожекторы. Их было, в том числе и Панков, девять человек. Залпом из винтовок было убито семь человек, а Панков и Шестихинский поп Мелиоранский (помер в 1923 году) тоже упали, как будто убитые. С них так же, как и с убитых, снимали сапоги, (по словам самого Панкова, который мне рассказывал) пнули Панкова лежащего прикладом, затем агенты карательного отряда, думая, что все расстреляны, ушли в Шестихинский вокзал. Когда возвратились для уборки трупов, то увидели, что двоих нет. Оказалось, что Панков и поп Мелиоранский не расстреляны, пули пролетели мимо, а они воспользовались отлучкой солдат, убежали и скрывались до того момента, когда последовало распоряжение об отмене смертной казни. Суда после этого Панкову никакого не было.

Допрос обвиняемого. Панков Петр Семенович, 1884 года рождения, крестьянин дер. Матренинская, кузнец, член церковного совета с. Шестихино. Арестован 17 ноября 1929 года.

Показания: Под судом не был. Был под расстрелом. Подвели меня под расстрел неправильно. Никакой агитации против самообложения я не делал.

Под расстрел в 1918 году я пошел при следующих обстоятельствах. Когда бело-бандиты пришли в Матренинск, то, имея в виду, что у меня имеется охотничье ружье, взяли меня (нрзб.) пойти с ними вместе за деревню Вечаково, и после моей просьбы они меня отпустили. На другой день в деревню приехал председатель волисполкома П. Васильев (ныне работает в Ленинграде на Путиловском заводе), и меня арестовали в (нрзб.) на ст. Шестихино нач. карательного отряда, где меня обвиняли как саботажника и в тот же день в ночь нас, че-

тыре человека, в том числе двух попов и одного купца, повели на расстрел. Когда красноармейцы (нрзб.) дали залп, то я упал. Впоследствии оказалось, что я и поп Мелиоранский остались не убитыми, и я убежал. После я шесть месяцев скрывался в местных лесах. После объявления амнистии я явился к местному председателю волисполкома, и последний выдал мне удостоверение.

Усатюк Захарий Григорьевич, диакон [Материал, собранный Наталией Викторовной Жестковой]

«Родился в 1884 году в Киевской губернии в крестьянской семье. Получил низшее образование. В Ярославскую епархию приехал вместе с архиепископом Ярославским и Ростовским Сергием (Ланиным) в декабре 1903 года из Москвы в качестве его келейника. Позднее был келейником у викарного епископа Евсевия (Гроздова), с 1906 по 1909 год возглавлявшего Угличскую кафедру, а с 1909 по 1910 — Рыбинскую. С 1910 года начал служить псаломщиком в селе Николо-Замощье Мологского уезда (как раз о. Димитрий из диакона сделался священником), служил там до 1922 года. В 1918 году во время крестьянского восстания священник села Николо-Замощье Димитрий Вознесенский (сщмч. Димитрий) служил по просьбе жителей молебн «об умножении любви, искоренении ненависти и всякия злобы». В молебне принимал участие и псаломщик Усатюк.

Священник был расстрелян, а псаломщик арестован, находился под следствием в Рыбинске, его дело разбирала уголовно-следственная комиссия. Освобожден. В 1922 году был возведен в сан диакона и до 1928 года служил в той же церкви села Николо-Замощье диаконом. С 1928 года служил в Ярославле в церкви Иоанна Богослова на вакансии псаломщика. Клир и прихожане

Иоанно-Богословского храма активно собирали средства для помощи ссыльному духовенству.

Арестован 21.09.1930. Подозревался в антисоветской деятельности и помощи ссыльному духовенству. Сам он обвинения не признал. Освобожден за недоказанностью обвинения 3.10.1930 под подписку о невыезде.

Приложение 4

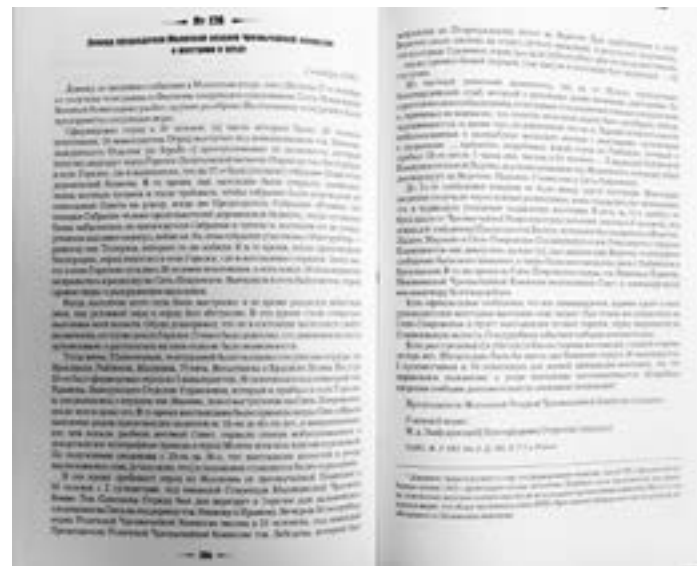
Ярославская ГубЧК: начало пути. Том 1. 1917–1919 гг. Сборник документов по истории органов государственной безопасности Ярославской области. — М.: Граница, — 448 с.: 48 л. ил.

Стр. 15. Гораздо более успешной была деятельность в июльские дни Рыбинской чрезвычайной комиссии. Б.В. Савинков и А.П. Перхуров считали Рыбинск основным центром будущего вооруженного выступления. Здесь была сильная нелегальная офицерская организация — отделение «Союза защиты родины и свободы». Характерно, что Перхуров в случае неудачи в Ярославле намеревался отправиться со своими офицерами именно в Рыбинск, где должны были произойти главные события. Но накануне выступления Рыбинская чрезвычайная комиссия получила сведения о планах заговорщиков. И когда поздно ночью 8 июля мятежники попытались захватить артиллерийские склады, они попали в засаду под пулеметный и ружейный огонь. В ночь на 9 июля части Рыбинского гарнизона сумели окончательно подавить начавшееся выступление в городе...

Стр. 18. Трагические события в Ярославле заставили власти поспешить с формированием чрезвычайных комиссий на местах. К середине августа 1918 г. уездные чрезвычайные комиссии действовали в Рыбинске, Ростове, Данилове, Романово-Борисоглебске (Тутаеве), Мологе, Угличе, Мышкине, Пошехонье и Любиме, а также в Ярославском уезде. Для каждой комиссии была определена численность, налажено финансирование. О структуре и штатах местных комиссий можно судить на примере Мологской ЧК. Она состояла из 17 человек,

среди которых было 2 следователя и 5 «разведчиков», над которыми стоял «зав. разведкой». Это больше, чем в любом другом отделе. Очевидно, все более укреплялось сознание того, что чрезвычайные комиссии должны заниматься анализом ситуации, предвидеть и предотвращать нежелательные события, а не бороться с их последствиями. А для этого нужна заблаговременно полученная и проверенная «разведкой» информация (см. док. № 129).

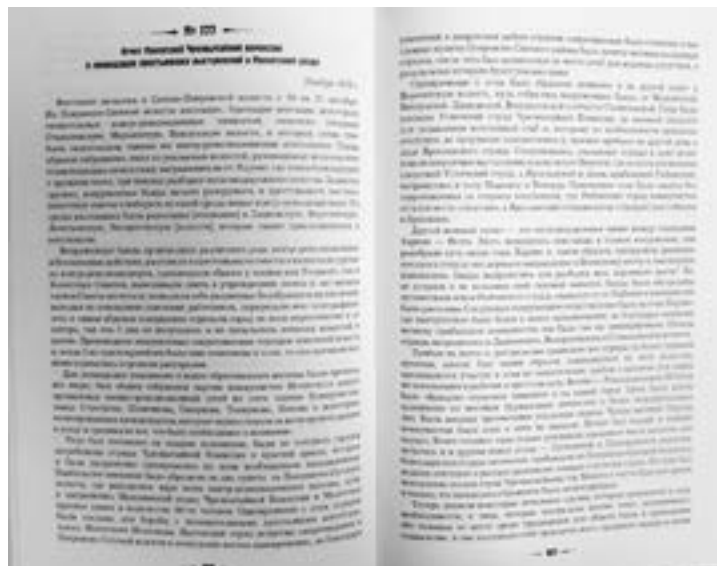
Стр. 22-23. В конце октября 1918 г. ярославским чекистам пришлось участвовать в ликвидации крупного крестьянского выступления в Мологском уезде и на линии железной дороги Рыбинск — Бологое. Это выступление было вызвано многими причинами, прежде всего, жесткими продовольственными мерами государства в условиях формирующейся политики «военного коммунизма», в рамках которой местные власти подчас весьма необдуманно осуществляли хлебные «реквизиции и контрибуции». Другая не менее важная причина — мобилизации в Красную Армию, которые вели к массовому дезертирству. Большое количество оружия на руках у населения, присутствие в уезде большого числа бывших офицеров, участников ярославского мятежа, также стали причинами этого выступления. Источники свидетельствуют, что именно бывшие офицеры сумели придать стихийному движению определенную организованность: создали штаб восстания, провели в волостях мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, захватили эшелон с оружием и попытались прервать железнодорожное сообщение. Возникла угроза стратегически важному мосту через Волгу и снабжению Западного фронта и Петрограда. Для подавления этого вооруженного выступления руковод-

*Доклад председателя Мологской уездной Чрезвычайной комиссии
о восстании в уезде (стр. 304, № 176)*

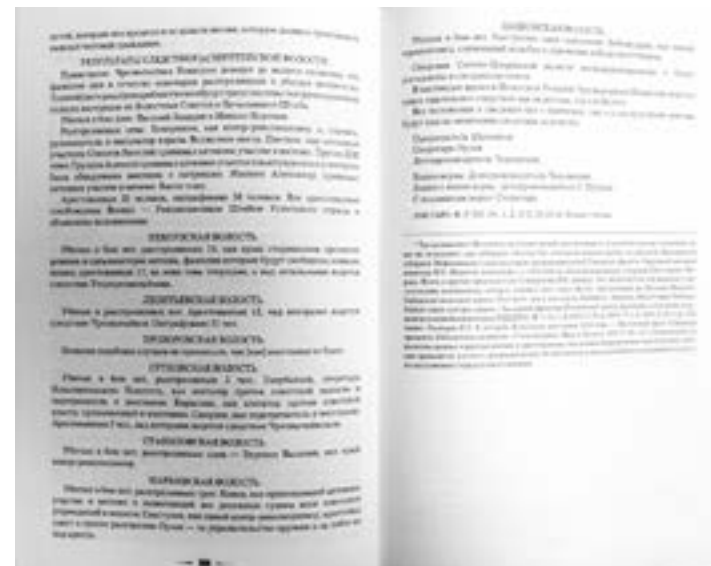
ство Ярославской губернской чрезвычайной комиссии предприняло экстренные меры. В район восстания были направлены вооруженные части Мологской ЧК численностью 30 человек, Мышкинский ЧК (50 чел.), Угличский ЧК (23 чел.), латышский отряд Ярославской ЧК (33 чел.), Рыбинский коммунистический отряд (85 чел.) и Рыбинский отряд железнодорожной охраны. В боевых действиях на территории Мологского уезда участвовали также небольшие отряды из Весьегонска и Красного Холма Тверской губернии.

Благодаря принятым мерам чекистам удалось за два-три дня после начала военных действий ликвидировать это выступление и оперативно провести расследование его обстоятельств. В результате проведенного расследования были приговорены к высшей мере наказания

Отчет Мологской Чрезвычайной комиссии о ликвидации крестьянских восстаний в Мологском уезде (стр. 306-307, № 177)

33 активных участника восстания: задержанные с оружием в руках, участвовавшие в разрушении железнодорожных путей, грабившие эшелон с оружием (см. док. № 177). В волостях были взяты заложники. Железная дорога возобновила свою работу. Но во время подавления этого выступления обнаружились очень серьезные злоупотребления со стороны некоторых красноармейцев, которые были замечены в мародерстве. Жалобы крестьян на такие случаи дошли до Наркомата внутренних дел, по указанию которого было проведено расследование. Оно обнаружило факты незаконных действий в отношении крестьян со стороны некоторых сотрудников Мологской ЧК и ее руководства еще до восстания. Председатель комитета и почти все ее члены были отстранены от своих обязанностей и арестованы (см. док. № 201, 204).

Отчет Мологской Чрезвычайной комиссии о ликвидации крестьянских восстаний в Мологском уезде (стр. 308-309, № 177)

№ 177. Стр. 308–309. Отчет Мологской Чрезвычайной комиссии о ликвидации крестьянских выступлений в Мологском уезде [приводятся отчеты по некоторым волостям, упоминаемым в тексте]

РЕЗУЛЬТАТЫ СЛЕДСТВИЯ ВЕРЕТЕЙСКОЙ ВОЛОСТИ

Чрезвычайная комиссия доводит до вашего сведения, что фамилия имя и отчество некоторых расстрелянных и убитых неизвестно. Таковой [материал] и подробности о них будут представлены по сгруппированию полного материала из Волостных Советов и Начальников Штаба.

Убитых в бою: Василий Захаров и Михаил Норинов.

Расстрелянных семь: Кекерюкин, как контр-революционер и, главное, руководитель и инициатор взрыва Волжского моста. Цветков, как активный участник.

Соколов Василий принимал активное участие в мятеже. Трусов Д.М. тоже. Груздев Алексей принимал активное участие в выступлении и у которого была обнаружена винтовка с патронами. Жилкин Александр принимал активное участие в мятеже. Васин тоже.

Арестованных 25 человек, оштрафовано 58 человек. Все арестованные освобождены Военно-Революционным штабом Угличского отряда и объявлены заложниками.

НЕКОУЗСКАЯ ВОЛОСТЬ

Убитых в бою нет, расстрелянных 18, как ярых сторонников прежнего режима и организаторов мятежа, фамилии которых будут сообщены возможно позже, арестованных 17, из коих семь отпущено, а над остальными ведется следствие Уездчрезвычайкома.

ЛАЦКОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

Убитых в бою нет. Расстрелян один священник Любомудров, как ярый черносотенец, служивший молебен о даровании победы восставшим.

Приложение 5

Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах.

1. Церковь отделяется от государства.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. <Порядок учета, хранения и хозяйственного распоряжения зданиями или предметами, предназначенными специально для богослужебных целей, определяется постановлениями местной и центральной государственной власти.>

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

*Председатель Совета народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).*

*Н. Подвойский, В. Алгасов, В. Трутовский,
А. Шлихтер, П. Прошьян, В. Менжинский,
А. Шляпников, Г. Перовский.*

*Управляющий делами Правительства
Влад Бонч-Бруевич.*

*Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов.
Петроград. 20 января 1918 г.
(стр. 371–373)*

Приложение 6

Из стенограммы беседы товарища Н. С. Хрущева с директорами предприятий г. Ярославля в промышленном обкоме КПСС, 3 июня 1963 года (ЦДНИ, Ф. 7386. Оп. 1. Д. 130)

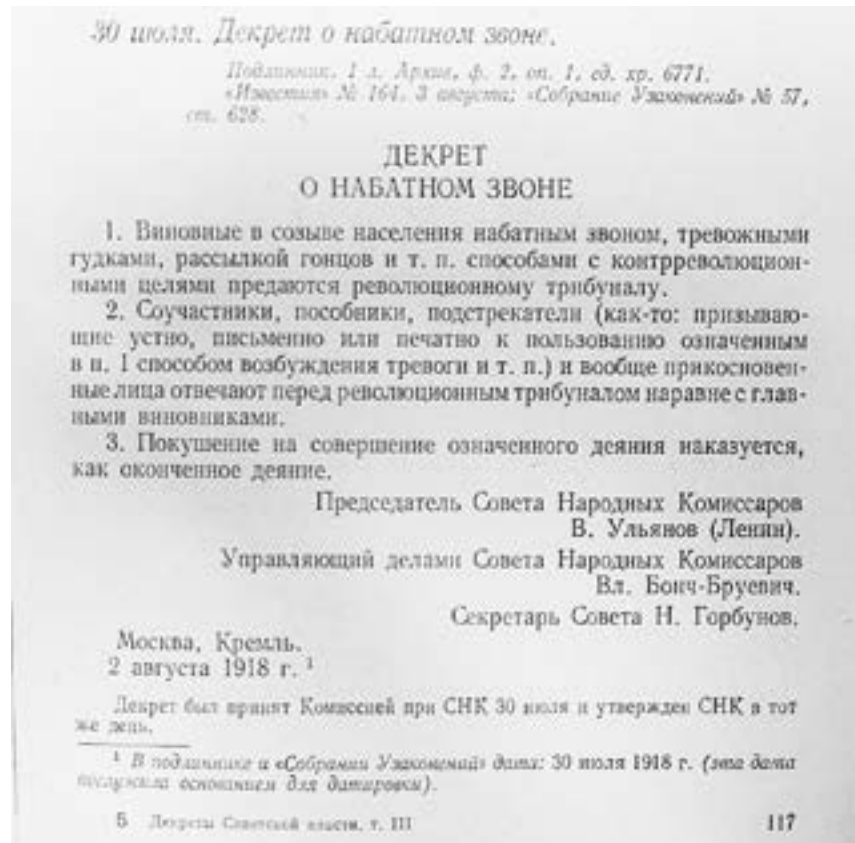
Тов. ИЗЮМОВ — зав. кафедрой технологического института.

Разрешите рассказать о работах по созданию некоторых новых видов продукции. Ярославский технологический институт совместно с НИИМСК и заводом «Победа рабочих» ведет работы по созданию новых видов лакокрасочной продукции с целью высвобождения из промышленности растительных масел и в этом направлении нам кое-что удалось сделать.

Лакокрасочная промышленность Советского Союза расходует ежегодно около 120 тысяч тонн растительных масел, как пищевых, так и непищевых, но весьма дефицитных (тунговое, касторовое). Это означает, полкилограмма в год на душу населения СССР.

Проведенные работы показали полную возможность высвободить за счет применения синтетических кислот из лакокрасочной промышленности ежегодно около 10000 тонн масел. Качество новых лакокрасочных продуктов, которые испытываются уже более двух лет — высокое. Пленки новых лаков обладают большой твердостью, водостойкостью, имеют высокий блеск.

...Мы просили наше Министерство и Госплан РСФСР разрешить создать специальную исследовательскую группу для проведения работ, связанных с высвобождением масел.

Из сборника «Декреты Советской власти», том 3. Стр. 117 / № 70.
Декрет о набатном звоне

Мы считаем очень правильными и своевременными Ваши указания о развитии научных исследований в высшей школе. В работах, направленных на высвобождение масел у нас участвовало всего около пятнадцати студентов. Это очень мало, а ведь проведение научной работы в вузах с привлечением большой массы студентов стоит очень дешево. Студенты — народ старательный, инициативный и под руководством ученых могут проводить исследования на высоком уровне. Надо дать возможность более широко их использовать.

<...> Если сравнивать нашу базу для исследований с НИИМСК, то, картина выглядит так: НИИМСК — институт Госхимкомитета имеет штат более 2 тысяч человек, солидную экспериментальную базу. У вуза такой базы нет, но у нас много студентов, есть квалифицированные научные работники и объединение усилий вуза и отраслевого института могло бы дать больший эффект. Нам (вузу) не всегда нужно строить громоздкие опытные установки для проверки результатов научных исследований. Целесообразно было бы такую проверку проводить на опытных установках отраслевого института. Но Госхимкомитет не проявляет интереса к работам, выполняемым вузами, это, мол, не наше дело — вы разрабатывали, вы и проверяйте. Такая ведомственная точка зрения наносит ущерб делу. Нас беспокоит то, что путь от лаборатории, от пробирки и колбы до десятков тысяч тонн преодолевается слишком медленно, а этот пробег необходимо ускорить.

<...> Нам уже надоело щеголять красивыми образцами красок, хочется иметь их в больших количествах, высвобождать тысячи тонн масел. Внедрение работ нужно ускорить, а коллектив вуза, который ведет нужные стране работы не только в этом, но и в ряде других

направлений, будет и впредь интенсивно работать над решением вопросов, имеющих важное значение для промышленности.

Н. С. ХРУЩЕВ — Неприятно слышать, что не вовремя строят; ведь деньги есть, а куда надо не даем. Спасибо. Ваши ученые, изобретатели, инженеры ведут очень полезную работу.

Приложение 7

(Публикация историко-культурного журнала Рыбинской епархии «Рыбная слобода», № 1 (9), 2015 год)

С места событий.

В конце апреля 2015 г. в Мышкине состоялись Вторые духовно-исторические чтения памяти митрополита Агафодора, ставшие поводом для встречи священства Рыбинской епархии и многочисленных краеведов.

Для служения Отечеству.

Инициативу города Мышкина по проведению такой встречи поддержал епископ Рыбинский и Угличский Вениамин. По его благословению здесь теперь учрежден Духовно-просветительский центр имени митрополита Агафодора. Главной заслугой этого архипастыря Русской Церкви стал настоящий подвиг в деле воспитания и просвещения. В конференции приняли участие гости из Москвы, Рыбинска, Некоуза, Углича, Большого села, Брейтова, Костюрина. Один из участников нынешних чтений — профессор, доктор исторических наук Института востоковедения МГУ и Свято-Тихоновского университета А.И. Яковлев — отметил, что именно на таких чтениях, как мышкинские, хорошо видно единство двух органических начал русской культуры — духовного и светского.

По традиции, после молебна на начало конференции, со словами приветствия к собравшимся обратился владыка Вениамин. Он отметил, что «повседневная работа и священнослужителя, и педагога, направленная на духовно-нравственное возрастание подопечных, — это служение людям, служение Отечеству. И пример митрополита Агафодора здесь важен для всех, поскольку

он был добрым, настоящим священником и заботился о просвещении детей, находившихся в поле его деятельности. Мышкинская земля богата подвижниками, память о которых нужно хранить и передавать новым поколениям, чтобы сохранять нравственную силу народа. Образование и просвещение — это та сфера деятельности, в которой объединение усилий церкви и государства может принести наилучшие плоды». Приветствовавший гостей глава Мышкинского муниципального района А.Г. Курицын выразил надежду, что духовно-исторические чтения памяти владыки Агафодора станут традиционными, «потому что каждая земля сильна историей». «Наверное, не один ангел хранит наш город, поскольку в такие нелегкие времена наш Мышкин процветает, и мы стремимся к этому», — отметил Анатолий Геннадиевич.

Открыла чтения презентация «Иерей П. Преображенский и Мышкинский край», подготовленная Марией Владимировной Кайковой, методистом Народного Мышкинского музея. Обратимся и мы в нынешней публикации к краткому обзору жизни и деятельности митрополита Агафодора.

* * *

Павел Преображенский (таково было мирское имя архипастыря) (1837–1919) был уроженцем села Спаского, что на Мяксе, Пошехонского уезда Ярославской губернии. Детство, отрочество и юность его прошли в бедности, тяжелых лишениях и сиротстве. В 1848 году поступил он в Пошехонское духовное училище, а в 1860 году окончил Ярославскую духовную семина-

рию. По окончании семинарского курса он отказался от мысли ехать в академию (хотя был первым учеником) и поступил для поддержки матери на священническое место в приход села Воскресенского в Мышкинском уезде, где прослужил 23 года. Сам вышедший из народа, испытавший бедность, сиротство, лишения и только упорным трудом пробившийся к свету образования и священству, он весь отдался своей пастве и ее насущнейшим нуждам, первой из которых было невежество даже в основных истинах христианства. Заботой отца Павла было устройство школ для детей. В первой открытой им школе он вначале сам учительствовал. Под его руководством Воскресенское церковно-приходское попечительство с первого же времени развило необычайную и в очень благотворную для прихода деятельность: оно оказывало помощь, по случаю неурожая хлеба, погорельцам, пострадавшим от пожара и т.п. С 1877 по 1884 годы отец Павел находился в должности благочинного сельских церквей и устроил впервые в этой местности библиотеку.

В 1884 году был переведен в Мышкин настоятелем городского Успенского собора и возведен в сан протоиерея. Здесь служение его продолжалось лишь около четырех лет. Просветительная деятельность протоиерея Преображенского обратила на него внимание высшего духовного начальства: в 1887 году он был приглашен в заседание Училищного Совета при Святейшем Синоде, и сделал живое обстоятельное сообщение о положении церковно-приходских школ во вверенном его наблюдению округе.

Новый этап жизни для него наступил 1 февраля 1888 года, когда протоиерей Павел Преображенский,

вдовствовавший более 20 лет, принял монашество с именем Агафодора и был возведен в сан архимандрита. 28 февраля того же года в соборной церкви Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в Петербурге состоялась его хиротония во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Рукоположение совершалось собором одиннадцати архипастырей в предстоянии митрополита Исидора.

На этой кафедре епископ Агафодор пробыл три года, но успел сделать очень много. В 1888 году он основал в Нижнем Новгороде на свои средства церковно-приходскую Свято-Владимирскую школу, в память 900-летия Крещения Руси. Другую такую же школу он основал при Вознесенском Печерском монастыре. Главной заботой его было приведение в полное благоустройство древнего XIV столетия Печерского монастыря, на что он положил много труда и средств.

2 марта 1891 года владыка Агафодор был назначен епископом Сухумским. Немногочисленные храмы епархии находились тогда в запустении и крайней нищете, кафедральный собор был мал, архиерейского дома не было. Владыка первым делом расширил собор, устроил архиерейский дом, изыскивал средства для беднейших церквей. В течение двухлетнего управления епархией епископ Агафодор открыл 22 школы, а для упрочения и дальнейшего развития школьного дела 27 декабря 1891 года учредил Сухумское епархиальное Александровское братство. Для перевода богослужебных книг на местный язык владыка Агафодор основал в 1892 году особую переводческую комиссию. Особенно замечательны были его миссионерские труды: учредив должность епархиального миссионера

и определив на эту должность лицо, знающее местные языки, епископ сам неустанно разъезжал с миссионером по глухим местам, призывая заблуждающихся в лоно Православной Церкви. Всего им обращено в Христианство около 1000 мусульман.

17 июля 1893 года владыка Агафодор был назначен епископом Ставропольским и Екатеринодарским. Как повествует «Юбилейный журнал Ставропольского Археологического общества», «за бытность его на этой кафедре количество церковных школ более чем удвоилось, не забыты были и духовно-учебные заведения, а особое внимание он обратил на недостаток в епархии храмов и духовенства — при нем было построено 240 новых храмов и три монастыря. Сильное развитие на Северном Кавказе раскола, а также рационалистического сектантства разных толков побудили епископа Агафодора со всей энергией встать на борьбу за Православие. Он увеличил количество миссионеров. Для борьбы с многочисленными в епархии язычниками-буддистами, преосвященный учредил должность противобуддийского миссионера и сам вместе с ним отправился на проповедь. Свыше 300 буддистов было крещено.

Всегда чуткий и внимательный к чужой нужде, архипастырь обращал особое внимание на развитие и расширение разного рода благотворительных епархиальных учреждений, состоявших под его руководством и наблюдением. Щедрая благотворительная и религиозно-просветительная деятельность преосвященного далеко выходила за пределы Ставропольской епархии. Он состоял почетным членом 35 различных благотворительных, ученых и просветительных обществ, братств и т.п. учреждений, в том числе всех четырех духовных

академий. В Казанскую духовную академию он пожертвовал капитал в шесть тысяч рублей и на проценты с него была учреждена стипендия имени Преосвященного Агафодора».

6 мая 1907 года епископ Агафодор был возведен в сан архиепископа. В 1917 году архиепископ Агафодор стал старейшим членом Всероссийского Поместного Собора.

Год возведения его в сан митрополита неизвестен. 19–24 мая 1919 года по старейшинству он возглавлял Южно-Русский Собор в Ставрополе, где отрезанными гражданской войной от патриарха Тихона архиереями решались вопросы устройства Церкви на территориях, занятых войсками Деникина. Скончался митрополит Агафодор Кавказский 31 июля 1919 года 82 лет от роду.

(Приводится в сокращении)

Приложение 8

Епископ Агафодор (Павел Флегонтович Преображенский)

Из Ведомости о церкви Обновления храма Воскресения Христова Мышкинской округи села Воскресенского, что в Нелединщине за 1863 год (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2267)

Из Ведомости о церкви Обновления храма Воскресения Христова Мышкинской округи села Воскресенского, что в Нелединщине за 1865 год (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2434).

1. Священник Александр Петров Каменский, диаконский сын, 31; по окончании Богословского курса в Костромской Семинарии 1856 Года 20 июля с Аттестатом 1го разряда определен к сей церкви во Священника Высокопреосвященнейшим Архиепископом Нилом, и произведен Преосвященнейшим Иринеем Толгским 1858 Года 15 июня. С 16 Июля 1865 Года состоит Опекуном над именем и малолетними детьми умершего диакона Виссариона Покровского — Граммоту имеет.

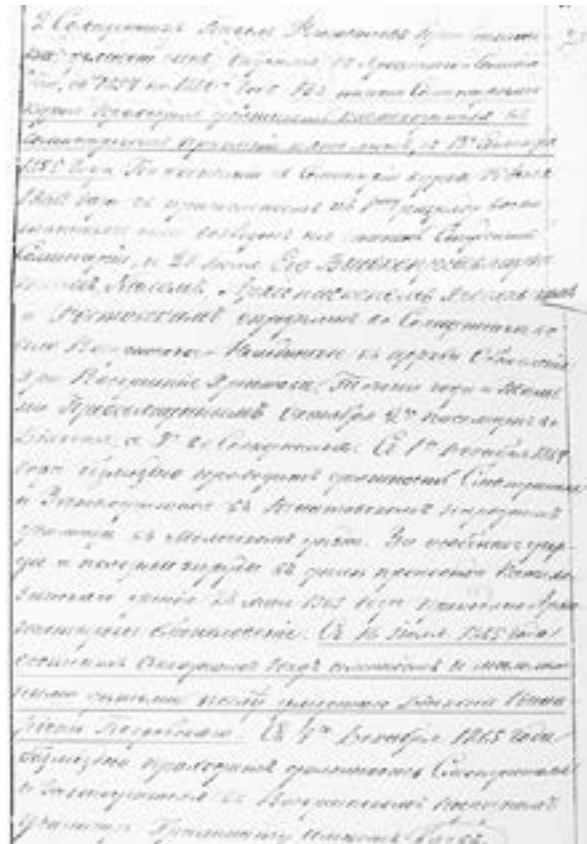
Жена его Олимпиада Иванова, 28; дочь их Юлия — 4.

Исправляет должность диаконскую по резолюции Высокопреосвященнейшаго Архиепископа Нила и Указу Ярославской Духовной консистории от 5го июня 1865 Года Ярославского уезда села Спасскаго, что в Ярыжницах Заштатный диакон Андрей Златоустов 55.

Дьячек Александр Николаев Головшиков, 33, Диаконский сын; по исключении из среднего отделения Ярославской Семинарии 1854 года Июля 15 дня определен к сей церкви во дьячка 1855 Года Января 28 дня Высокопреосвященнейшим Архиепископом Нилом и Им же

Запись в ведомости церкви села Воскресения, что на Нелединцине,
за 1863 год

Запись из ведомости о церкви Обновления храма Воскресения
Христова Мышкинской округи села Воскресенского, что в Нелединци-
не за 1865 год о 2-ом священнике Павле Флегонтовиче
Преображенском

посвящен в стихарь того же года 25 апреля; Граммату имеет, женат первым браком.

Жена его Екатерина Иванова — 33.

Дети их: Николай, обучается письму и пению — 9.

Павел, обучается чтению — 7.

Алексий — 4.

Анна — 2.

Владимир — 3 месяца.

Пономарь Павел Васильев Мальцев, пономарский сын, 42; по исключении из среднего отделения Ярославской семинарии 1842 Года/15 июля определен на дьяческое место Ярославской округи в село Троицкое, что в Волхонщине 1843 Года Июня 9го дня Преосвященнейшим Архиепископом Евгением и Темже посвящен в стихарь того же года декабря 5 дня. На настоящее место переведен Темже Преосвященным Евгением 1846 г. Мая 7 дня. Граммату и указ о переводе имеет, женат первым браком.

Жена его Татиана Иванова — 41.

2. Священник Павел Флегонтов Преображенский, дьяческий сын.

При нем находится мать его, вдовья дьячиха, Пошехонского уезда села Спасского, что на Мяксе, Авдотья [Ивановна] Преображенская, 50 лет.

После умершего Священника Иоанна Ржевского дочь девица Ольга, 19, живет при зяте, местном священнике Александре.

Приложение 9

СВЕДЕНИЯ УНКВД ЯО об открытых церквях по Ярославской области за период войны. (ЦДНИ. Ф. 272. Оп. 224. Д. 580. л.-л. 19–24)

НЕКОУЗСКИЙ РАЙОН:

Всего в районе церквей — 49

Из них закрытых с начала революции — 33

Недействующих из-за отсутствия свящ. — 1

Действующих — 16

За период войны открыто — 6,

с. Никола[о] Замор[ш]ская — Не функционировала с июня 1941-года в связи с арестом священника за а[н-ти]/с[оветскую] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих 8 марта 1942 года.

с. Шестихинское — Не функционировала с июня 1941-года в связи с арестом священника за а[н-ти]/с[оветскую] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих 8 марта 1942 года.

с. Ковезинское — Не функционировала с 1940-года. была закрыта за неуплату налога, вновь открыта по разрешению райсовета, когда был уплачен налог.

с. Рожаловское — Не функционировала в связи с уходом священника с 1939-го года, вновь открыта с апреля 1942-года (ключи от церкви находились у двадцатки).

с. Воскресенское — Не функционировала с июня 1941-года в связи с арестом священника за а[н-ти]/с[оветскую] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих в июне 1942 года.

с. Конечаевское — Не функционировала с декабря 1939-года в связи с неуплатой налога (священник был

НЕКОУЗСКИЙ РАЙОН:		
Всего в районе церквей	-	49.
Из них закрытых с начала революции-		33.
Недействующих из-за отсутствия свящ.-		1.
Действующих	-	16

Ф. 272. Оп. 224. Д. 580. Ц1

За период войны открыто - 6,	
с. Никола ЗАМОРОСКАЯ -	Не функционировала с июня 1941-года в связи с арестом священника за а[н-ти] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих 8 марта 1942-года.
с. ШЕСТИХИНСКОЕ -	Не функционировала с июня 1941-года в связи с арестом священника за а[н-ти] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих 8 марта 1942-года.
с. КОВЕЗИНСКОЕ -	Не функционировала с 1940-года была закрыта за неуплату налога, вновь открыта по разрешению райсовета, когда был уплачен налог.
с. РОЖАЛОВОСКОЕ -	Не функционировала в связи с уходом священника с 1939-года, вновь открыта с апреля 1942-года (ключи от церкви находились у двадцатки).
с. ВОСКРЕСЕНСКОЕ -	Не функционировала с июня 1941-г. в связи с арестом священника за а[н-ти] деятельность, вновь открыта по ходатайству верующих в июне 1942-года.
с. КОНЕЧАЕВСКОЕ -	Не функционировала с декабря 1939-г. в связи с неуплатой налога (священник был осужден), вновь открыта при уплате налога в Райфо 16 июля 1942-г.
НИКОЛАЕВСКИЙ РАЙОН	
Всего церквей в районе	- 34.
Из них действующих	- 5.
Закрыто по решению соворганов	- 29.
Открыто за период войны	- 2.

Ф. 272. Оп. 224. Д. 224 (об)

осужден), вновь открыта при уплате налога в Райфо 16 июля 1942-г. 8 марта 1942 года.

МЫШКИНСКИЙ РАЙОН:

Всего церквей в районе — 34

Из них действующих — 5

Закрыто по решению соворганов — 29

Открыто за период войны — 2.

с. НИКОЛА-ТРОПА — Не функционировала с января 1940-г., в связи с арестом священника за а[нти]/с[оветскую] деятельность, вновь открыта по разрешению Райсовета 31/XII-41- г.

с. Сера — Не функционировала из-за отсутствия священника с сентября мес. 1941-г., вновь открыта по решению Райсовета 15/VI-42-года.

**НОВОМУЧЕНИКИ И ПОДВИЖНИКИ
РЫБИНСКОГО КРАЯ**

Вознесенские: эстафета жизни и веры

Составитель — Лидия Ватлина.

Редактор — Анна Романова.

Технический редактор — Ольга Смирнова.

Корректор — Анна Богданова.

Дата выхода в свет — 30 октября 2018 года.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Стратим-ПКП»:
г. Рыбинск, ул. 1-я Выборгская, д. 50.